

Вернер Хальвег

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЛЕНИНА в Россию в 1917 году

Вернер Хальвер

**ВОЗВРАЩЕНИЕ
ЛЕНИНА**
в Россию в 1917 году

LENINS RÜCKKEHR NACH RUSSLAND 1917

DIE DEUTSCHEN AKTEN

**HERAUSGEGEBEN UND EINGELEITET
VON
WERNER HAHLOWEG**

**LEIDEN
E. J. BRILL
1957**

Вернер Хальвег

**ВОЗВРАЩЕНИЕ
ЛЕНИНА
в Россию в 1917 году**

МОСКВА

«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

1990

ББК 63.3(2)524
X17

Переводчик – *Виктор Альбертович Игнатиус*

Ответственный редактор – *Юрий Тихонович Харитонов*

X $\frac{0503020400 - 039}{003(01) - 90}$ КБ-39-4-1989

ISBN 5-7133-0286-5 (СССР)

© Leiden, E. J. Brill, 1957
© Перевод на русский язык
В. А. Игнатиуса, 1990

„ДЕЛО НАМИ ВЕДЕТСЯ СОВЕРШЕННО ОТКРЫТО“

Эти слова взяты нами из Протокола собрания членов РСДРП(б), обсудивших вопрос о способах возвращения социалистов из Швейцарии в Россию.

Идея о немедленном возвращении эмигрантов на родину естественно возникла сразу после свержения династии Романовых. Поиски путей на родину велись всеми эмигрантами, независимо от политической принадлежности. Когда стало ясно, что руководители Антанты в своих корыстных интересах „отправили в Россию Плеханова с сорока его сотрудниками — на крейсере в сопровождении миноносцев, пытаясь в то же время всеми мерами воспрепятствовать приезду интернационалистов”¹, большевики ухватились за план Мартова о возвращении в Россию через Германию и довели его до конца. Причем это дело „велось совершенно открыто”. Большевики, решившиеся ехать через воевавшую с Россией Германию, прекрасно понимали, что империалистическая буржуазия воспользуется этим их шагом, чтобы изобразить их шпионами, изменниками, агентами Вильгельма и т. п. Еще до выступления В. И. Ленина с Апрельскими тезисами, а после этого особенно, буржуазия на место идейной борьбы поставила клевету и инсинуации, пользуясь грязными источниками и выдумками по поводу возвращения вождя большевиков. Противники российской революции, большевиков нагородили горы небывлиц. К тому же эти небывлицы и легенды пытаются оживить и поныне. Именно поэтому приходится возвращаться к вполне ясному и историей решенному вопросу.

Этой цели служит и предлагаемый читателю документальный сборник о возвращении В. И. Ленина в Россию в марте — апреле 1917 года. Хотя помещенные в нем источники односторонни, а комментарии В. Хальвега не всегда учитывают документы и факты, раскрывающие все перипетии, связанные

¹ Платтен Фриц. Ленин из эмиграции в Россию. Март 1917. — М., 1925. — С. 14.

с проездом В. И. Ленина через Германию, они, несомненно, помогут пониманию позиции германских властей в отношении российской революции и их попыток использовать русских эмигрантов в своих целях.

Документы Министерства иностранных дел и других ведомств кайзеровской Германии, подобранные и прокомментированные Вернером Хальвегом, характеризуют всю историю возвращения В. И. Ленина и ехавшей с ним группы эмигрантов через Германию в Россию через призму интересов немецких властей, заинтересованных в тот момент в сепаратном мире с Россией в целях военной победы над странами Антанты или, по крайней мере, достижения более выгодных условий мира с ней. Но эти документы, если их читать не предвзято, дают довольно четкую картину организации и самого переезда через Германию, или, как выражается В. Хальвег, по ним можно представить „подоплеку обстоятельств поездки Ленина” (с. 6). Правда, составитель сборника и автор введения к нему нередко повторяет необоснованные стереотипные утверждения Г. Каткова и некоторых других западных исследователей о якобы „финансовой помощи” германских властей большевикам, но все же реальные факты, почерпнутые из документов, помогают ему чаще всего находить верное объяснение историческим событиям. К числу стереотипов по поводу взаимоотношений российских социал-демократов и их проезда через Германию следовало бы отнести также мифы о стремлении русских революционных эмигрантов „к более тесному сближению” с кайзеровской Германией (с. 10), о борьбе Ленина против „создания легальной рабочей партии в России после свержения самодержавия” (с. 13), о встрече В. И. Ленина с А. Гельфандом (Парвусом) (с. 14) и об особой роли последнего в организации проезда эмигрантов через Германию. Все эти неточности, к сожалению, воспроизвел, в частности, А. Солженицын в своей книге „Ленин в Цюрихе”, изданной в 1975 году в Париже. И все же Солженицын, во многом опиравшийся на публикацию В. Хальвега, был вынужден признать, что В. И. Ленин „знал свою правоту, не сбивался”, что он „сохранял главное сокровище — честь социалиста” (с. 155).

Ни одно из вышеприведенных соображений западных авторов не выдерживает критики в свете научных данных. Как можно, к примеру, говорить о „более тесном сближении” русских революционных эмигрантов с кайзеровской Германией, когда большевики, к примеру, относились к кайзеру и его правлению так же, как к царю российскому, то есть резко

негативно. Вслед за В. И. Лениным его соратник по организации проезда через Германию Г. Е. Зиновьев писал тогда: „Нет никакого сомнения: Вильгельм II — не меньший изверг, чем Николай II, свергнуть монархию Вильгельма II необходимо”². О каком сближении при таких исходных позициях большевиков может идти речь?

Не причислять же к „революционным эмигрантам” Парвуса, который был заклеймен В. И. Лениным еще в 1915 году как ренегат, который «лижет сапоги Гинденбургу, уверяя читателей, что „немецкий генеральный штаб выступил за революцию в России”» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 27. — С. 82). И вполне естественно, что этот бежавший из России и разбогатевший на войне делец из кожи лез, чтобы помочь немецким властям максимально ослабить или совсем уничтожить Россию, то есть придерживался той же линии, что и германский генеральный штаб, кайзер и его свита. Германское министерство иностранных дел, куда, видимо, был вхож Парвус, решало вопрос о проезде В. И. Ленина и других интернационалистов, исходя из интересов империалистической клики Германии. Но история зло посмеялась над этими махинаторами. Их „блестящий” успех во время Бреста, когда им удалось унижить Россию, принудить ее правительство подписать кабальный мир, был зачеркнут ноябрьской революцией 1918 года в Германии. После этого, после окончания развязанной внутренней и внешней контрреволюцией гражданской войны, все эти махинаторы начали искать виновного в пропуске через Германию вождя российской революции, организатора Советского правительства. Желание ослабить своего противника путем поддержки революции обернулось для германских правящих кругов низвержением Вильгельма и крахом всех надежд на победу над Россией, на победу в войне. В. И. Ленин обратил внимание на приведенные Деникиным слова Людендорфа о его радости по поводу русской революции. „...Но я не мог предположить, — заключал Людендорф, — что она станет могилой для нашего могущества”³. Четырехжды отчеркнутый и выделенный знаком NB текст характеризует, как обманулись правящие круги Германии, пропустившие Ленина и его группу в Россию в 1917 году.

Все клеветнические измышления о Ленине, о всей группе эмигрантов, ехавших с ним, были разоблачены сразу по приезде в Россию. В „Правде” и „Известиях” было опубли-

² Правда. — 1917. — 9 (22 апр.). — № 28.

³ Цит. по: Вопросы истории КПСС. — 1989. — № 12. — С. 34.

ковано сообщение, сделанное Исполнительному Комитету Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов В. И. Лениным и Г. Е. Зиновьевым по поручению их товарищей, приехавших из Швейцарии. В нем были обнародованы данные, свидетельствовавшие о том, что никакого другого пути на родину у эмигрантов не было, что связь с немецкими властями поддерживал только Фриц Платтен, что этим властям ничего, кроме обещания „агитировать в России за обмен пропущенных эмигрантов на соответствующее число австро-германских интернированных”, не давалось.

Заслушав доклад приехавших А. Г. Зурабова и Г. Е. Зиновьева, Исполнительный Комитет Петроградского Совета „постановил немедленно обратиться к Временному правительству и принять меры к немедленному пропуску всех эмигрантов в Россию, независимо от их политических взглядов и отношения к войне” (Известия. — 1917. — 5 апр. — № 32). Этим постановлением Петроградский Совет признал правомерность действий В. И. Ленина и его товарищей по их проезду через Германию в Россию. С получением документов о проезде они были опубликованы. В газетах и листовках был распространен „Протокол собрания членов РСДРП, объединенный Центральным Комитетом от 8 апреля 1917 г.” (26 марта ст. ст.), в котором приведены официальные документы, свидетельствующие о всех перипетиях подготовки возвращения эмигрантов в Россию⁴. В год смерти В. И. Ленина в Ленинском сборнике II были напечатаны документы, относящиеся к тому времени (с. 376—412). Фриц Платтен, выполняя поручение В. И. Ленина, издал книгу „Ленин из эмиграции в Россию. Март 1917”, в которой собрал документы и воспоминания участников проезда через Германию и прокомментировал их (на немецком языке в 1924 г. в Берлине, на русском — в 1925 г. в Москве).

В воспоминаниях о В. И. Ленине, в публикациях документов и биографических очерках о нем вопрос о возвращении вождя большевиков из эмиграции освещался неоднородно. Наиболее полный перечень фактов о возвращении В. И. Ленина и литературы по этому вопросу дан в 4-м томе Биографической хроники В. И. Ленина (с. 1—57). В начале 60-х годов появились солидные исследования, достаточно полно на основе имевшихся печатных и архивных источников осветившие проблему возвращения российских эмигрантов во гла-

⁴ См. КПСС в борьбе за победу социалистической революции в период двоевластия. — М., 1957. — С. 44—50.

ве с В. И. Лениным из Швейцарии в Россию⁵. Исторические факты и исследования позволяют с достаточной полнотой восстановить историю переезда В. И. Ленина и его группы из Швейцарии через Германию в революционную Россию. Поскольку до сих пор не перевелись спекулянты на великом имени Ленина, представляется целесообразным вновь вернуться к событиям более чем семидесятилетней давности. На проблеме проезда В. И. Ленина через Германию в Россию в 1917 году следует остановиться подробнее и потому, что опубликованные в СССР документы и свидетельства непосредственных участников и организаторов проезда не нашли должного отражения в публикации, подготовленной Вернером Хальвегом.

Почему Ленин не поехал в Россию через Францию и Англию?

В. И. Ленин, всю свою жизнь посвятивший борьбе с самодержавием, в момент его краха, в великие дни второй народной революции, оказался вдали от родины. Естественно, что с получением первых известий о победе революции он стал рваться в Россию „из проклятого далека”, в гущу революционного народа, не только сбросившего самодержавие, но и выдвинувшего в ходе борьбы Советы рабочих и солдатских депутатов, органы власти типа Парижской Коммуны. Прочитав в Шо-де-Фоне реферат „Пойдет ли русская революция по пути Парижской Коммуны?”, В. И. Ленин просит И. Ф. Арманд в случае ее отъезда в Россию „в Англии узнать тихонечко и верно”, не мог ли он проехать таким путем. Он извещает В. А. Карпинского о плане нелегального проезда в Россию через Англию и Голландию и просит в случае согласия обдумать все практические шаги и немедленно начать подготовку к осуществлению плана проезда в Россию по документам на имя Карпинского⁶.

В поисках путей в революционную Россию В. И. Ленин перебрал, кажется, все возможные варианты, строил самые невероятные планы. Вспоминая об этом, Н. К. Крупская писала, что он не исключал даже аэроплан, „но об этом можно было думать только в ночном полубреду. Стоило это сказать

⁵ См. Евграфов В. Е. Приезд Ильича. — М., 1962; Лукашев А. В. Возвращение В. И. Ленина из эмиграции в Россию в апреле 1917 г. // История СССР. — 1963. — № 5. — С. 3–22; Крутикова Н. На крутом повороте. — М., 1965; Владимир Ильич Ленин. Биография. — Т. I. — Издание восьмое. — М., 1987. — С. 305–306.

⁶ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 49. — С. 403–404.

вслух, как ясно становилась неосуществимость, нереальность этого плана. Надо достать паспорт какого-нибудь иностранца из нейтральной страны, лучше всего шведа: швед вызовет меньше всего подозрений. Паспорт шведа можно достать через шведских товарищей, но мешает незнание языка. Может быть, немного? но легко проговориться”⁷.

В. И. Ленин не исключал и проезда через Англию, хотя и прекрасно понимал, что ее правящие круги не заинтересованы в пропуске в союзную Россию интернационалистов, противников продолжавшейся войны. «Я уверен, — писал он 6 (19) марта И. Ф. Арманд, — что меня арестуют или просто задержат в Англии, если я поеду под своим именем... Поэтому я не могу двигаться лично без весьма „особых” мер»⁸. Эти меры и были предусмотрены его планом. Он писал, скорее всего, Я. С. Ганецкому: „Прошу сообщить мне по возможности подробно, во-1-х, согласно ли английское правительство пропустить в Россию меня и ряд членов нашей партии, РСДРП (Центральный Комитет), на следующих условиях: (а) швейцарский социалист Фриц Платтен получает от английского правительства право провезти через Англию любое число лиц, независимо от их политического направления и от их взглядов на войну и мир; (б) Платтен один отвечает как за состав провозимых групп, так и за порядок, получая запираемый им, Platten’ом, вагон для проезда по Англии. В этот вагон никто не может входить без согласия Платтена. Вагон этот пользуется правом экстерриториальности; (в) из гавани в Англии Платтен везет группу пароходом любой нейтральной страны, получая право известить все страны о времени отхода этого специального парохода; (г) за проезд по железной дороге Платтен платит по тарифу, по числу занятых мест; (д) английское правительство обязуется не препятствовать нанятию и отплытию специального парохода русских политических эмигрантов и не задерживать парохода в Англии, давая возможность проехать быстрейшим путем.

Во-2-х, в случае согласия, какие гарантии исполнения этих условий даст Англия и не возражает ли она против опубликования этих условий.

В случае телеграфного запроса в Лондон мы берем на себя расходы на телеграмму с оплаченным ответом”⁹.

Но вскоре выяснилось, что Англия охотно пропускает

⁷ Воспоминания о В. И. Ленине. — Т. I. — С. 434.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 49. — С. 404–405.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 49. — С. 417–418.

сторонников войны, таких как Г. В. Плеханов, Л. Г. Дейч, Г. А. Алексинский, которым был предоставлен даже крейсер, арестовывая и задерживая интернационалистов, как было с Троцким, Мельничанским, Чудновским, Мухиным, Фишевым и Романчуком¹⁰.

Вопрос о возвращении эмигрантов не сходил с газетных полос, особенно левых направлений. Газеты писали о препятствиях, которые чинились эмигрантам со стороны правительств Англии, Франции, России. В частности, „Правда” сообщала: „Появляются известия, что французское и английское правительства стараются мешать возвращению в Россию наших товарищей, русских эмигрантов”¹¹. Даже генерал А. И. Деникин писал, что Ленина и его единомышленников „союзники несомненно не пропустили бы”¹².

Под могучим давлением общественного мнения Советов, рабочих и солдатских организаций Временное правительство объявило политическую амнистию, министр иностранных дел П. Н. Милюков телеграфировал своим дипломатическим представительствам о содействии всем русским политическим эмигрантам к возвращению на родину. Но это был в отношении многих, особенно циммервальдистов, сторонников прекращения войны, лишь красивый жест. В секретной телеграмме тем же дипломатам Милюков рекомендовал снабжать эмигрантов „установленными консульскими паспортами для въезда в Россию”, „если только лица эти не значатся в международных или наших контрольных списках”¹³. А в эти списки были включены и те, кто подозревался „в пропаганде о заключении мира”, принимал участие в Циммервальдской или Кинтальской интернационалистских конференциях и т. п.

Временное правительство, продолжавшее вместе со странами Антанты империалистическую войну, фактически составило с ними заговор о недопущении в Россию эмигрантов-интернационалистов и содействию скорейшему возвращению таких шовинистов, как Н. Д. Авксентьев, Л. Г. Дейч, Г. В. Плеханов, Б. В. Савинков, и им подобных. Английское и французское правительства, как сообщалось Временному правительству, окажут противодействие выезду пацифистов, то есть сторонников мира, „из Франции и проезду их через Англию”¹⁴.

Ныне установлено, что „Ленин и его группа безусловно про-

¹⁰ См. *Правда*. — 1917. — 9 (22 апр.). — № 28.

¹¹ *Правда*. — 1917. — 19 марта (1 апр.). — № 13.

¹² Деникин А. И. Очерки русской смуты. — Париж, 1921. — Т. I. — Вып. 2 — С. 71.

¹³ См. *История СССР*. — 1963. — № 5. — С. 5.

¹⁴ Там же. — С. 7.

силы французские паспорта, но в выдаче таковых им было отказано”, что все попытки большевиков-эмигрантов выяснить возможность возвращения в Россию через союзные страны окончились неудачей¹⁵. У Ленина теплилась надежда найти пути на родину через Англию по крайней мере до середины марта, когда В. И. Ленин уже определенно пришел к выводу, что „Англия не пустит”. Это констатировала по приезде в Россию Н. К. Крупская, об этом вспоминал Г. Шкловский в 1926 году¹⁶. Таким образом, как документы, так и воспоминания свидетельствуют о том, что В. И. Ленин и его сторонники в полной мере изучили вопрос о возвращении в Россию через союзные страны и лишь после того, как убедились в полной невозможности осуществления плана проезда через Англию, вынуждены были начать поиски иных путей возвращения на родину. И в этом случае приходится удивляться глубочайшему ленинскому пониманию тайных пружин межгосударственного межимпериалистического механизма, обеспечивавшего подавление инакомыслия и инакомыслящих в вопросах войны и мира. Делая вывод о невозможности проезда через Англию, Ленин мог только догадываться, что существуют контрольные списки, в которые занесены все циммервальдисты, что министр иностранных дел Милюков предписал своим полномочным представителям не выдавать паспортов на возвращение на родину интернационалистам. Для Ленина уже из печати стало ясно, что правители Англии и Франции посылают в Россию социал-патриотов, не пуская сторонников мира. Этот вывод Ленина полностью совпадал с мнением представителей всех партий, находившихся в эмиграции в Швейцарии, которые 2 апреля (20 марта) 1917 г. приняли резолюцию, где констатировалась очевидная невозможность ехать в Россию через Англию из-за противодействия со стороны английских и французских властей.

Разработка и принятие плана проезда через Германию

Не делая никаких иллюзий по поводу Англии и Франции в отношении проезда интернационалистов, В. И. Ленин интересовался и другими возможными путями на родину, но ни он, ни другие большевики не выступали с инициативой про-

¹⁵ Там же. — С. 8–9.

¹⁶ См. Солдатская правда, 1917. — 13(26) мая; Пролетарская революция. — 1926. — № 1(48). — С. 7.

езда через территорию Германии, понимая, что империалистическая буржуазия немедленно воспользуется этим предложением для очередной клеветнической кампании. В. И. Ленин решительно отклонил предложение Я. С. Ганецкого о получении содействия немецких социал-демократов в получении пропуска через Германию, тотчас пресек попытку воспользоваться услугами социал-шовиниста Парвуса¹⁷.

В эмигрантских кругах, в частности среди меньшевиков, возникла мысль о возможности обмена русских эмигрантов на немецких военнопленных в России. Один из меньшевистских лидеров, Л. Мартов, выдвинул в самой общей форме план проезда эмигрантов через Германию в нейтральный Стокгольм. Этот план на совещании социалистов-циммервальдистов был признан целесообразным. Председателю интернациональной социалистической комиссии Р. Гримму было поручено прозондировать почву по поводу реализации этого плана. Гримму удалось договориться с руководителем Политического департамента Швейцарии Гофманом (фактически выполнявшего функции министра иностранных дел), чтобы тот в качестве частного лица принял посредничество и добился принципиального согласия правительства Германии. После того, как Гофман договорился в принципе с немцами о свободе проезда эмигрантов независимо от их политических направлений, от отношения к вопросу о „защите отечества“, о продолжении войны Россией или заключении ею мира и т. д., Мартов и некоторые представители других фракций отказались от своих же предложений, мотивируя это тем, что надо прежде всего получить согласие от российских властей. Считая такое решение Мартова и К^о в величайшей степени ошибочным и приносящим глубочайший вред революционному движению в России, Заграничная большевистская коллегия ЦК РСДРП постановила принять предложение Р. Гримма, поскольку при сложившейся ситуации это единственный путь для возвращения на родину, а поэтому необходимо известить всех членов партии большевиков о принятии предложения и о немедленном отъезде, пригласить их принимать записки от всех желающих ехать. Постановление Заграничной коллегии ЦК РСДРП(б) было сообщено представителям других направлений.

После принятия четкого решения Заграничной коллегии ЦК РСДРП(б) Р. Гримм выступил с опровержением. Меньшевики, эсеры и бундовцы начали склоку, считая, что план

¹⁷ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 49. — С. 417, 418.

поезда через Германию может быть осуществлен, если будет получена санкция из Петрограда, то есть фактически они предлагали отложить осуществление плана на неопределенное время. В течение двух недель в Женеве, Лозанне и других городах Швейцарии целыми сутками велись дискуссии, шла борьба между сторонниками и противниками проезда через Германию. Н. К. Крупская писала по этому поводу: „...меньшевики и с.-р. подняли отчаянную склоку. Собственно говоря, никто не говорит, что принципиально не считает возможным ехать через Германию; на это храбрости хватит только у патриотов, но бояться патриотического настроения, бояться, что масса не поймет мотивов, будет считать изменниками и пр.“¹⁸. Ныне в свете исторических фактов, извлеченных историками из газет, журналов, архивов, в свете воспоминаний современников ясно, как радушно рабочие и солдаты России приняли своего вождя, отбросив клеветнические наветы на него буржуазии. А вот как сам В. И. Ленин, по свидетельству А. В. Луначарского, ответил с усмешкой на лице на доводы своих оппонентов, что рабочие не поймут доводов использовать какую угодно дорогу, для того, чтобы попасть в Россию и принять участие в революции: „Вы хотите уверить меня, что каким-нибудь клеветникам удастся сбить с толку рабочих и уверить их, будто мы, старые, испытанные революционеры, действуем в угоду германского империализма. Да это курам на смех“¹⁹.

Дискуссии с меньшевиками, эсерами и бундовцами, объяснения с Р. Гриммом, фактически солидаризировавшимся с ними, закончились тем, что большевикам пришлось отказаться от его услуг, хотя он и выразил согласие по-прежнему посредничать в деле организации проезда решивших ехать немедленно эмигрантов. Дальнейшие события полностью подтвердили верность этого решения.

Организаторы проезда русских эмигрантов попросили довести дело до конца Фрица Платтена, который энергично взялся за осуществление плана возвращения в Россию. 21 марта (3 апреля) на приеме у германского посланника в Берне барона фон Ромберга им было получено согласие на пропуск эмигрантов через Германию независимо от их партийной принадлежности. Пропуская русских интернационалистов в Россию, германские империалисты, естественно, рассчитывали,

¹⁸ Ленинский сборник. — XIII. — С. 271.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 31. — С. 492; Красная газета. — 1926. — 16 апр. — № 87.

что этот акт поможет им прежде всего ослабить Россию и добиться выгодного для себя сепаратного мира с ней. Но эти расчеты были недалекими. Оказавшись в нейтральной стране — Швеции, В. И. Ленин, по воспоминаниям Ф. Стрёма, заявил, что, вполне естественно, правительство Германии, разрешая проезд интернационалистов, „спекулировало на нашей оппозиции буржуазной революции, но этим надеждам не суждено оправдаться. Большевикское руководство революцией будет гораздо опаснее для немецкой императорской власти и капитализма, чем руководство революцией Керенского и Милюкова”²⁰. Истинные цели и все мытарства большевиков по организации проезда на родину через Германию были поняты и оценены западноевропейскими социалистами-интернационалистами, которые одобрили Протокол собрания членов РСДРП (б) о способах возвращения социалистов в Россию и выступили со специальным „Заявлением” для печати. В нем говорилось, что подписавшим это „Заявление” известны условия, на которых немецкое правительство разрешило проезд в Швецию, что оно при этом лишь спекулирует на усилении антивоенных тенденций в России. Западноевропейские интернационалисты ни минуты не сомневались, что русские интернационалисты едут в Россию затем, чтобы служить там делу революции, содействовать тому, чтобы и пролетарии всех стран, особенно рабочий класс Германии и Австрии, поднялись на революционную борьбу против своих правительств. Предвидение лучших представителей социал-демократии Европы полностью оправдалось. Подготовленный большевиками Великий Октябрь стал прологом революций 1918 года в Германии и Австро-Венгрии, покончивших с империалистическими империями в этих странах. Людендорф с запозданием в своих воспоминаниях сожалел, что правительство Вильгельма II не учло последствий пропуска большевиков в Россию и их деятельности на родине.

По поводу решения большевиков о проезде через Германию в „Заявлении” сказано: „...мы, нижеподписавшиеся интернационалисты Франции, Швейцарии, Польши, Германии, полагаем, что наши русские единомышленники не только вправе, но и обязаны воспользоваться представившимся им случаем проезда в Россию”²¹. Под документом 7 апреля (25 марта) стояли подписи П. Гарштейна (Германия), Анри Гильбо,

²⁰ Цит. по: История СССР. — 1963. — № 5. — С. 16.

²¹ КПСС в борьбе за победу социалистической революции в период двоевластия. — М., 1957. — С. 50.

Ф. Лорио (Франция), М. Г. Бронского (Польша), Ф. Платтена (Швейцария). Протокол одобрили также по приезде эмигрантов в Стокгольм интернационалисты: Норвегии — А. Г. Хансен, Швеции — К. Линдхаген, Ф. Стрём, К. Н. Карлсон, К. Чильбаум, Т. Нерман.

Перед отъездом из Швейцарии Ленин написал „Прощальное письмо к швейцарским рабочим”, которое 26 марта (8 апреля) было обсуждено и принято на собрании отъезжавших в Россию большевиков. В письме выражалась глубокая благодарность революционным рабочим Швейцарии, с которыми большевики работали многие годы. В нем подробно излагались стоящие перед российской революцией, перед революционными социал-демократами задачи. Эти же задачи В. И. Лениным были разъяснены в листовке „Товарищам, томящимся в плену” двум миллионам военнопленных в Германии и Австрии.

Из Берна через Германию в Стокгольм

Ф. Платтен, приняв предложение большевиков об организации их переезда через Германию, 3 апреля (25 марта) обратился к германскому послу и представил ему следующие письменные условия:

„1) Я, Фриц Платтен, беру под свою полную и непрерывную личную ответственность вагон с политическими эмигрантами и легальными лицами, желающими проехать в Россию через Германию.

2) С немецкими властями сносятся исключительно Платтен, без разрешения которого никто не может проникнуть в запертый за все время путешествия вагон. Вагону присваивается право экстерриториальности.

3) Проверки бумаг или лиц ни при въезде в Германию, ни при выезде из нее не должно быть.

4) В вагон допускаются лица абсолютно без всякого различия их политического направления и их отношения к вопросам войны и мира.

5) Всем едущим выдает билеты Платтен по нормальному тарифу.

6) Насколько возможно, проезд должен произойти без перерыва, прямым сообщением. Без технической необходимости перерыва в путешествии не может быть. Выходить из

вагона нельзя ни по чьему-либо приказанию, ни по собственной инициативе.

7) Разрешение на проезд дается на основе обмена едущих на немецких и австрийских пленных и интернированных в России.

8) Посредствующее лицо и едущие принимают на себя обязательство действовать в обществе и особенно среди рабочих в том направлении, чтобы этот постулат был осуществлен.

9) По возможности ближайший срок отъезда от швейцарской границы до шведской, а также технические подробности (багаж и пр.) устанавливаются немедленно”²².

Через два дня Платтен получил ответ с извещением, что его условия приняты, о чем было доложено отъезжавшим, которые своей личной подписью удостоверили, что им сообщены результаты переговоров Платтена с германским посольством, что им известны угрозы Временного правительства, что они во время поездки полностью подчиняются всем распоряжениям руководителя поездки Платтена.

Отъезжавшие собрались на вокзале в Берне, первая остановка была в Цюрихе, где проводы оказались многочисленными, оживленными. В толпе провожавших оказались и противники проезда через Германию — меньшевики, эсеры и социал-патриоты, которые неодобрительными выкриками пытались отравить радость уезжавших на родину (см. док. № 57). Им было невдомек, что вскоре и они сами вернутся в Россию проложенным Лениным путем, притом на тех же условиях, которые выработались для первой группы участников проезда через враждебную Германию. 30 апреля (12 мая) тем же путем выехала вторая группа политических эмигрантов (257 человек) в сопровождении Г. Фогеля, а 17(30) июня — третья в сопровождении О. Ланга²³. В связи с возвращением второй группы эмигрантов В. И. Ленин писал: „Во вторник 9 мая из Швейцарии приехало свыше 200 эмигрантов, проехавших через Германию, в том числе вождь меньшевиков Мартов, вождь социалистов-революционеров Натансон и др. Этот проезд еще и еще раз доказал, что из Швейцарии нет другого надежного пути, кроме как через Германию”²⁴. Меньшеви-

²² КПСС в борьбе за победу социалистической революции в период двоевластия. — М., 1957. — С. 48. См. док. № 43 наст. сборника. Переводы не идентичны.

²³ См. Крутиков Н. На крутом повороте. — М., 1965. — С. 66.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. — С. 73.

ки одобрили проезд своих лидеров Аксельрода, Мартова, Мартынова через Германию и признали своим долгом „всемерно бороться против всяких клеветнических наветов на этих товарищей за проезд через Германию”²⁵.

В первой группе эмигрантов, возвращавшихся на родину через Германию, из 32 человек было 19 большевиков (В. И. Ленин, Н. К. Крупская, Г. Е. Зиновьев, И. Ф. Арманд, Д. С. Сулиашвили, М. Цхакая, Г. А. Усиевич и др.), 6 бундовцев, 3 сторонника парижской интернациональной газеты „Наше слово”. С большим трудом отъезжавшие собрали деньги на проезд. Ф. Платтен потом вспоминал: „Денег, – в которых мы, как о том клеветали враги, утопали, – мы совершенно не имели. В последнюю минуту мы не сумели бы выкупить съестные припасы, если бы правление швейцарской партии не открыло нам кредита на 3000 фр. под поручительство Ланга и Платтена”²⁶. Лишь помощь швейцарских и шведских социалистов да скромная сумма, присланная ЦК РСДРП(б), дали возможность обеспечить материально проезд российских эмигрантов на родину.

Как свидетельствуют воспоминания Ф. Платтена, Н. К. Крупской, М. Цхакая и других участников проезда через Германию, немецкие власти точно выполнили принятые ими условия.

На германской пограничной станции Готмадинген русским революционерам был предоставлен вагон, три двери которого были запломбированы, четвертая, задняя дверь, оставалась открытой. Ближайшее к ней купе заняли два офицера – уполномоченные германского военного командования. На полу коридора мелом была отмечена граница между российскими революционерами и германскими офицерами. Никто, кроме Фрица Платтена, сопровождавшего русских эмигрантов, не имел права переходить меловую черту без согласия русских пассажиров.

В Зингене, у швейцарской границы, к поезду вышел член Генеральной комиссии германских профсоюзов В. Янсон, который попытался вступить в разговор с русскими политическими деятелями. Но Платтен отказал ему, сделав дружеский намек на то, что хочет избавить Янсона от неприятностей, которые у него могут быть²⁷.

Немецким газетам было строго запрещено сообщать что-

²⁵ Цит. по: История СССР. – 1963. – № 5. – С. 21.

²⁶ Платтен Фриц. Ленин из эмиграции в Россию. Карт 1917. – М., 1925. – С. 42.

²⁷ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. – Т. 4. – Март – октябрь 1917 г. – 1973. – С. 46.

либо о проезде русских эмигрантов, пока те не покинут территории Германии. Немецкие власти боялись, что такие сообщения приведут к манифестациям — к открытому проявлению симпатий населения Германии к русским революционерам.

12 апреля поезд русских политических эмигрантов достиг в Заснице побережья Балтийского моря. Из вагона по трапу пассажиры перебрались на шведский рейсовый паром-пароход, который и переправил их через усеянное минами море в шведский городок Треллеборг, где они были встречены польским социал-демократом Я. С. Ганецким и шведским журналистом Отто Гримлундом. Из Треллеборга они уже на поезде прибыли в столицу Швеции Стокгольм.

В Стокгольме Ленин и его товарищи были радушно и тепло приняты не только большевиками-эмигрантами, но и шведскими левыми социал-демократами. День пребывания в Стокгольме был заполнен до отказа. Ленин дает интервью корреспонденту „Politiken” о проезде, организует здесь Заграничное представительство (бюро) ЦК РСДРП, участвует в совещании шведских социал-демократов интернационалистов, присутствует на банкете, устроенном шведскими товарищами в честь прибывших эмигрантов, беседует с Ф. Стрёмом о предстоящей социалистической революции в России и перспективах мирового революционного движения, о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата и по другим важным вопросам.

Горячо поблагодарив шведских товарищей за радужную встречу и большое внимание, Ленин и его товарищи выехали 13 апреля из Стокгольма и через два дня были на пограничной станции Торнео. Их неожиданно быстрое появление у порога страны, охваченной революцией, на границе Финляндии, тогда входившей в состав России, обеспокоило агентов Антанты. Не скрывая своей злобы, английские офицеры, хозяйничавшие на шведско-финляндской границе, отвели душу тем, что подвергли Ленина обыску в отдельной комнате.

Как свидетельствуют факты, никакие препятствия, воздвигающиеся английскими, французскими и русскими правящими кругами, не удержали вождя российской революции вдали от революционной России. Но сразу же по приезде в Петроград все шовинисты и „оборонцы” начали бешеную агитацию против В. И. Ленина и всех вернувшихся после длительной эмиграции на родину, „пустив в ход гнуснейшую клевету о германских шпионах” (Н. Крупская). ЦК и ПК РСДРП (б) листовкой обратились ко всем гражданам с разоблачением клеветнических обвинений Ленина и возглавляемой им „Прав-

ды”, потребовали „уважения к постановлению Исполнительного Комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, который выслушал доклад эмигрантов и не нашел в их поведении ничего неправильного”²⁸. В другом воззвании ЦК и ПК РСДРП (б) – „Против погромщиков” – были разоблачены буржуазные газеты „Русская воля”, „Речь”, плехановское „Единство”, которые не перепечатали ни доклада эмигрантов, ни постановления Исполкома Совета. Но несмотря на эту кампанию контрреволюционных сил против Ленина, его сторонников, его партии, российский рабочий класс, а следом за ним трудящиеся массы России поддержали ленинскую платформу борьбы за социалистическую революцию, нередко встречали смехом рассказы о „связях Ленина с немецким генеральным штабом”, о его „измене родине” и т. д. и т. п. Они приветствовали Ленина как „идейного вождя российских рабочих”, „старого деятеля и неумолимого борца за социализм”, „передового борца рабочего класса”, „одного из лучших сынов России”²⁹.

Мы привели немало документов, фактов, воспоминаний не только в познавательных целях, не только, чтобы реально себе представить героический подвиг Владимира Ильича в ходе подготовки и осуществления нелегкого его возвращения из эмиграции в Россию. Это нам приходится делать, чтобы еще раз показать позорную роль современных клеветников, идущих по пути канувших в лету российских контрреволюционеров. Различного рода измышления современных ненавистников Великого Октября, по существу, во многом схожи с походом промонархистских, буржуазных и мелкобуржуазных сил против Ленина в 1917 году. Публикуемые в сборнике документы станут важным подспорьем в выяснении реальных фактов истории возвращения В. И. Ленина на родину в 1917 году.

Очень полезно, что редакция сопровождает издание приложением работ В. И. Ленина, относящихся к тому времени, другими публикациями очевидцев и библиографическим указателем. Это поможет читателю более глубоко понять события, отраженные в публикации В. Хальвега.

Доктор исторических наук А. М. Совокин

²⁸ КПСС в борьбе за победу социалистической революции. – С. 52–53.

²⁹ См. Биографическая хроника. – Т. 4. – С. 69, 70, 72, 74.

ВВЕДЕНИЕ

I

Кому сегодня придется побывать в холмистой старой части Цюриха по ту сторону Лиммата, побродить по узким, извилистым улочкам, расположенным вокруг Предигерплатц, где стоят словно бы романтически замечтавшиеся домики, тому вряд ли прежде всего подумается о том, что здесь когда-то в течение короткого срока находился взрывной центр всемирной большевистской революции. Пребывание Ленина на Шпигельштрассе, 14 было прервано 9 апреля 1917 г., его отъезд возвестил начало новой главы мировой истории.

„Предвоенный и времен войны Цюрих, — пишет бывший тогда лично знакомым с Лениным швейцарский врач и социалист Фриц Брупбахер, — являл собой невероятный хаос. На задворках у 200 000 цюрихских буржуа и обуржуазившихся рабочих толпились тысячи душ, собравшихся из всех господствующих стран: русские меньшевики и большевики, революционные синдикалисты и анархисты из Италии, Польши, Германии, России, Австрии. Бациллы поражающих идей Маркса, Бакунина так и носились в воздухе. Все, что в Европе находилось в состоянии брожения, слало сюда, в Цюрих, хотя бы одного из своих представителей в красный союз наций”¹.

И вот еще одна картинка: карикатура в парижской газете „Матэн” от 17 апреля 1917 г., день спустя после прибытия Ленина в Петербург из Швейцарии. На ней изображены два немецких солдата с винтовками «на караул» перед купе поезда-люкс. „Ты знаешь, Ганс, — спрашивает один из них, — кто путешествует в этом поезде-люкс? Второй отвечает: необычайно симпатичные русские анархисты”².

Минуло сорок лет со времени поездки Ленина из Цюриха в Петербург. „Запломбированный” вагон давно стал понятием, которое с самого начала было окутано вуалью таинственности и легендами. Еще в 1920 году Ландау-Алданов говорил, что „эта сенсационная поездка, предпринятая Лениным, привлекла к нему внимание всего мира”³. Вилли Мюнценберг, который тогда шел с Лениным рука об руку, добавляет: „Неосомненно, редко кто из путешественников имел столь решаю-

щее влияние на развитие истории, как те, которые под руководством Ленина оставили 9 апреля 1917 г. Цюрих и поехали через Германию в Петербург”⁴.

Предание это, однако, особого рода. Те, кто в действительности был ответствен за эту поездку и в решающей мере участвовал в ее подготовке, совсем не спешили поделиться своими воспоминаниями с общественностью; в данном случае вполне правомочно говорить о „заговоре молчания”.

Стоит лишь привести скурые заметки современников — в том их виде, в каком эти заметки о поездке Ленина существуют до сих пор, — тут же становится ясным, сколь различными были суждения об этом событии. Масарик, к примеру, считает, что „Ленин был логическим следствием русской алогичности. В данном случае plombированы ли германские вагоны или нет — не суть важно”⁵. Стефан Цвейг, напротив, полагает, что проезд в „опечатанном поезде” — это „звездный час человечества”⁶. В свою очередь, Уинстон Черчилль подчеркивает, что немцы применили против России „самое страшное оружие”. Они „транспортировали Ленина из Швейцарии в Россию в plombированном вагоне как чумную бациллу”⁷. Иначе опять-таки рассматривает переезд Ллойд Джордж. По его мнению, возможностью своего возвращения Ленин обязан любезности немецких военных властей, которым верилось, что с его помощью им удастся нарушить единодушие русского народа. Расчет немецких властей был вполне правильным. „Но какой ценой приходится Германии расплачиваться и по сегодня за тот кратковременный триумф!”⁸. И наконец, версия Троцкого: в случае с переездом Ленина „скрестились в одной точке два совершенно противоположных плана”, и этой точкой стал „plombированный вагон”⁹.

В связи с проездом Ленина через Германию особо отмечается личная роль Людендорфа. Так, уже Максимилиан Гарден в своей критической статье „Путь в Миргород”, опубликованной в 1920 году, указывает, что позволение, данное Ленину на переезд со стороны Генерального штаба, явилось „наиважнейшим решением” за все четыре года войны. „Никогда еще озорство истории не выказывало себя в столь серьезных обстоятельствах: при лихорадочно-бурной деятельности всех социалистических партий во всем мире всеми ими совместно было для дела революции содеяно дай бог одна сотая доля того, что совершил для нее прусский генерал Людендорф”¹⁰.

Иного мнения придерживается Маргарита Людендорф, первая супруга генерала. Ответственность за транспортировку Ленина и его товарищей, считает она, несет депутат рейх-

стага от партии Центра Эрцбергер; он сам хвастался ей о своем участии в этом событии. „Позже, — заключает Маргарита Людендорф, — когда у нас разразились беспорядки, на Людендорфа возложили вину за возникновение революции как в России, так и в нашей стране. Но я совершенно точно знаю — он лишь безмолвно терпел провоз Ленина и Троцкого. Идея исходила от Эрцбергера”¹¹.

Со своей стороны, Людендорф всегда упорно отвергал обвинение в ответственности его за содействие проезду Ленина. „В связи с отправкой Ленина, — подчеркивает он в своих „Воспоминаниях о войне”, — сугубую ответственность взяло на себя немецкое правительство”, — но тут же считает нужным заметить — „а все же мы тоже не оказались в проигрыше”¹². Несколько позже Людендорф поясняет: ввиду ограниченности военных средств Верховное главнокомандование не могло тогда отказаться от помощи рейхсканцлера, „даже от столь сомнительного и опасного ее вида, как доставка Ленина и его товарищей в Россию”. Если теперь со стороны социал-демократов высказываются упреки рейхсканцлеру и Верховному главнокомандованию за то, что „Ленину была дана возможность поехать в Россию”, то сие свидетельствует лишь „о собственной нечистой совести”¹³.

О содействии социал-демократов предстоящей поездке Ленина было среди прочих известно Виктору Науману, доверенному лицу графа Гертлинга. Он же в свою очередь называет одного из руководителей „социалистического большинства” д-ра Парвус-Гельфанда, поясняя, что это он, Парвус-Гельфанд, когда усилия немецкой стороны добиться мира с правительством Керенского оказались безрезультатными, допустил ошибку, а именно: предложил „с согласия рейхсканцлера и Генерального штаба перебросить находящихся в Швейцарии большевиков в Россию, с тем чтобы они там выступали за заключение мира”¹⁴. Что дело обстояло именно так, находит свое подтверждение у Шейдемана: поездка Ленина и его приверженцев являлась „делкой” д-ра Гельфанда, о которой он информировал лишь немногих¹⁵. Сам Гельфанд в сочинении „В борьбе за правду”, написанном им в свою защиту в апреле 1918 года, разумеется, обходит этот вопрос. Он довольствуется замечанием, что, когда разразилась революция в России, немецкая социал-демократия, „естественно, сделала все, что могла, чтобы помочь русским эмигрантам перебраться в Россию”¹⁶.

Наконец, тут всплывает имя графа Брокдорфа-Ранцау, тогдашнего немецкого посла в Копенгагене. Его биограф со-

общает: деятельность посланника при организации поездки Ленина в Россию ограничивалась „лишь исполнением полученных приказов, одобренных Верховным главнокомандованием, о благоприятствовании поездке большевистских вождей”¹⁷. Напротив, сам рейхсканцлер фон Бетман-Гольвег по этому поводу хранит полное молчание¹⁸. Но опубликовано мало материалов и с русской стороны о подоплеке, предпосылках и внутренних взаимосвязях поездки Ленина. Впрочем, существуют некоторые личные записи жены Ленина, его сотрудников и спутников по поездке Зиновьева и Радека, французского социалиста Анри Гильбо, а также большевистского агента в Стокгольме Фюрстенберга-Ганецкого¹⁹ и, кроме того, публикация отдельных союзнических документов о поездке Ленина²⁰. И все же два последних официальных советских издания биографии Ленина обходятся, касаясь его поездки, немногими ничего не значащими словами²¹. Правда, самим Лениным написан отчет, озаглавленный: „Как мы доехали”²². Но в этом отчете больше рассказано о внешнем ходе событий переезда и его подготовки. Позже во II Ленинском сборнике был напечатан ряд русских документов, включавших отдельные сведения о предыстории и проведении поездки Ленина²³.

В ряду появившихся до настоящего времени публикаций, касающихся этой темы, наиболее содержательной является книга, изданная в 1924 году швейцарским социалистом Фрицем Платтенем „Проезд Ленина в plombированном вагоне через Германию”. Платтен, будучи доверенным лицом Ленина и ответственным за проезд, вел по его поручению переговоры о технической стороне подготовки поездки с немецкими инстанциями. Его подтвержденный документами рассказ появился в соответствии с пожеланием Ленина, чтобы с правдивой достоверностью осветить ход этой поездки; толчком тут послужила статья Гардена „Путь в Миргород”²⁴. Публикация Платтена одновременно явилась отражением позиции Ленина по данным проблемам. Но все, что появилось в печати по этому поводу, нельзя, однако, считать достаточным, чтобы объяснить происходившие события с желаемой точностью. Это почувствовал уже Рихард Фестер, когда он в другой связи коснулся вопроса о появлении разрешения на проезд Ленина через Германию и охарактеризовал документированную историю этого разрешения как „исторический постулат”²⁵.

Отсюда следует, что стоит начать новые поиски. Благодаря тому, что Дирекция Департамента исследований Министерства иностранных дел Великобритании в Лондоне (Direc-

tion Research Departament de British Foreign Office) изъявила желание пойти нам навстречу, возникла возможность получить и изучить главные документальные источники, относящиеся к поездке Ленина, а именно документы Министерства иностранных дел Германии, в основном материалы Главного архива и Архива кайзеровского германского посольства в Берне.

Немецкие документы — до настоящего времени были известны только более позднего периода, которые просмотрены профессором Катковым (Оксфорд)²⁶, — позволяют теперь во взаимосвязи с имеющимися публикациями дать ответ на некоторые вопросы, которые можно разделить на две группы проблем:

1. Политическая подоплека и предыстория: какие точки зрения были определяющими для реализации поездки Ленина? От кого исходила инициатива, кто, собственно, ответствен за разрешение и проведение этой поездки?

2. Частности поездки: дипломатическая и техническая подготовка. Участники, организация транспорта. Как все в целом происходило на самом деле, что является легендой и что — истиной?

II

При освещении первой группы проблем надо исходить из особого характера немецко-русских отношений, сложившихся к августу 1914 года. Немецкая сторона пыталась заблаговременно вступить в переговоры с царской Россией, с тем чтобы с помощью сепаратного мира выволить ее из объятий Антанты. Одновременно Германия следит и за внутренними обстоятельствами жизни царской империи, особенно за развитием революционной оппозиции не только в самой России, но и в эмиграции²⁷.

В то время, как происходившие в 1915—1916 годах немецко-русские зондирующие переговоры о мире, из-за отсутствия с обеих сторон ярко выраженного военного превосходства, не привели ни к каким позитивным результатам²⁸, немецкий посол в Берне барон Гисберт фон Ромберг уже в сентябре 1914 года устанавливает первые контакты с русскими революционерами в Швейцарии. Его доверенное лицо — эстонец Александр Эдуард Кескюла — от имени этих революционеров ставит перед Ромбергом вопрос о позиции Германии в отношении будущей революции в России: не пойдет ли она на мирные переговоры с правительством, которое тогда окажется у власти, и не бросит ли она русских революционеров на

произвол судьбы? Высказываться по этому вопросу немецкое правительство на первых порах избегает²⁹.

И все же посол фон Ромберг продолжает и дальше получать донесения Кескюла об организациях, идеях и деятельности русских революционеров в Швейцарии. Вскоре в этой связи возникает имя Ленина. Донесение Кескюла от 25 марта 1915 г. (которое посол незамедлительно переправляет Бетман-Гольвегу) содержит данные о собрании русских „революционеров ленинского направления” и их решениях, в том числе о превращении империалистической войны в гражданскую, о создании нелегальных подпольных организаций повсеместно там, где правительство и буржуазия объявили о введении военного положения и отменили конституционные свободы, о поддержке братания солдат на фронте и вообще массовых выступлений пролетариата, приветствуется поражение царской монархии. По этому поводу посол замечает лишь, что для Германии наиболее важным представляется решение, „касающееся создания тайных нелегальных организаций”, а также положений, „согласно которым собрание высказалось за поражение России”³⁰.

В официальной памятной записке „Внутриполитическое положение России” от июля 1915 года Кескюла обращает также внимание на опасности, таящиеся в огромности России и ее модернизации. Наличие необъятных природных ресурсов позволит ей быстро превзойти Германию в экономическом и военном отношении. В этой связи он вновь указывает на Ленина и „энергичную деятельность революционных организаций” как на противовес опасности появления правительства „кадетов”³¹.

В заключительной части записки Кескюла доводит до сведения немецкого посла семь главных, выделенных из программы Ленина, пунктов: установление республики, конфискация помещичьих земель, введение восьмичасового рабочего дня, предложение мира без оглядки на Францию, отказ Германии от аннексий и военных контрибуций, а России — от Константинополя и Дарданелл, вступление русской армии в Индию.

Основываясь на этом, посол фон Ромберг создает целую концепцию последующих действий, проведение которых он в подробном письме от 30 сентября 1915 г. представляет на рассмотрение рейхсканцлера: ленинская программа, будучи использована „в неприятельских странах”, особенно во Франции, может оказать „неоценимую услугу”. Конечно, это должно быть „осуществлено совершенно секретно”, чтобы заста-

вить поверить, будто бы „уже начаты успешные переговоры с могущественными русскими кругами”. Достижение мира — ведущая идея Ромберга. Программу Ленина, считает он, необходимо подкинуть французской оппозиции, чтобы благодаря „перспективе сепаратного мира Германии с русской демократией всецело восторжествовать над господином Делькасе... и что в свою очередь сыграет нам на руку в пользу заключения сепаратного мира”³². Однако немецкое ответственное ведомство уклоняется от этого плана, так как из-за чьей-либо болтливости французское правительство могло бы заранее узнать о нем³³.

Информация о русской революции и ее вождях поступали также от немецких послов в Копенгагене и Стокгольме — графа Брокдорф-Ранцау и барона Люциуса фон Штёттена. В августе 1915 года граф Брокдорф-Ранцау телеграфирует Министерству иностранных дел о том, что Парвус-Гельфанд поставил его в известность о возрастающих „волнениях” в русских войсках³⁴. В сентябре 1915 года барон фон Люциус, со своей стороны, информирует рейхсканцлера о трех основных течениях в среде русских революционеров: на одном крыле находится Плеханов, важнейшей целью которого является уничтожение немецкого милитаризма; на противоположном полюсе — Ленин, для которого война против Германии — ничто, борьба с царизмом означает все. Он откровенно желает поражения России. Наконец, имеется еще „середина”, к ней принадлежит Аксельрод³⁵.

В немецких документах все в большей мере на первом плане оказывается личность Ленина. В послании от 10 марта 1917 г., то есть за несколько дней до начала Февральской революции в России, посол фон Ромберг направляет рейхсканцлеру два номера „Социал-демократа” — „центрального органа партии господина Ленина”, а также брошюру, написанную „господином Лениным”. Кроме того, посол в связи с этим говорит и об указанном ему Кескюла „недавно изданном под редакцией господина Ленина журнале”, который, по его словам, „содержит очень интересный материал” и вышел под названием „Сборник социал-демократа”³⁶.

В целом отношение кайзеровской Германии к русским революционерам в изложенном отрезке времени может быть охарактеризовано так: немецкое правительство держится выжидательно, но в то же время стремится к установлению связей с революционерами, чтобы постоянно быть в курсе их взаимоотношений. С именем Ленина и его важнейшими идеями рейхсканцлер был ознакомлен заблаговременно. Достоин

внимания появление затем плана посла фон Ромберга, в котором уже в 1915 году предлагается ради достижения целей, выгодных в Германии, воспользоваться программой Ленина для воздействия на Францию. В той же плоскости находятся замечания кайзера Вильгельма II, сделанные им в памятной записке от 7 августа 1916 г. по поводу внутреннего положения России: „Важно — чисто с военной точки зрения — с помощью сепаратного мира отколоть какого-либо военного противника от союзной Антанты, чтобы всю нашу военную мощь обрушить на остальных... Только когда внутренняя борьба в России за мирный договор с нами обретет достаточное влияние, мы сможем соответственно рассчитать наши военные планы”³⁷.

III

С началом Февральской революции в России, 14 марта 1917 г. по новому стилю, кайзеровская Германия и русские революционные эмигранты, подталкиваемые взаимной надеждой на мир, вынужденно идут к более тесному сближению³⁸.

Сначала в Германии приветствуют эту революцию, руководимую преимущественно либеральной буржуазией прозападной ориентации. Революция расценивается как „подлинный божий дар” (Штампфер). Бетман-Гольвег мгновенно ощутил „неслыханное значение события” и подчеркнул тот факт, что отныне обстановка изменилась в пользу Германии. Особенно немецкие социалисты, по словам Шейдемана, „с пылкой симпатией” приветствуют русскую революцию. Ввиду разрыва дипломатических отношений с Соединенными Штатами и несомненно скорого вступления их в войну заключение сепаратного мира с Россией можно ли не считать настоятельным требованием момента? „В военном отношении, — как судит генерал Людендорф всего несколько недель спустя после переворота в России, — следует оценить русскую революцию только как выгодную для нас. Ее последствия сказались на нашем военном положении так счастливо, что нам нет больше нужды считаться с возможностью наступления со стороны русских, и мы уже сейчас можем оттянуть наши силы... Если в дальнейшем ситуация на Востоке станет еще легче, — заключает он, — мы сможем снять оттуда еще большие силы... С таким пополнением мы уравняем соотношение сил на Западе в нашу пользу. Следовательно, мы вправе с большей уверенностью смотреть на наше положение в будущем”³⁹.

Однако действительно ли столь обоснованна уверенность Людендорфа? Временное правительство в Петербурге под руководством князя Львова, Милюкова, Керенского и Гучкова, на первых порах в своей деятельности почти не встречая препятствий со стороны весьма влиятельного, также находящегося в Петербурге Совета рабочих и солдат во главе с Чхеидзе, тотчас объявило, что оно во исполнение подписанных союзнических договоров царского правительства будет продолжать войну на стороне Антанты до победного конца. Стало быть, о сепаратном мире с Германией не может быть и речи.

Тем не менее немецкое кайзеровское государство, принимая во внимание развитие военных событий на Западе, в особенности возрастание готовности Соединенных Штатов вступить в войну, а также по внутрисполитическим причинам, в частности из-за усиливающегося сопротивления войне социалистов, было вынуждено добиваться с к о р е й ш е г о мира с Россией. О том, перед какой проблематикой были отныне поставлены руководители немецкой политики, какова мера их ответственности за принимаемые решения, нигде, вероятно, не было обрисовано со столь впечатляющей полнотой и одновременно трезвостью, как в „совершенно секретной” памятной записке графа Брокдорф-Ранцау, направленной им 2 апреля Министерству иностранных дел. В ней говорится, что ввиду революции в России для Германии существует лишь две возможности: либо она в состоянии в военном и в экономическом отношении до осени успешно продолжать войну, либо сделать это не в ее силах. Первая возможность для Брокдорф-Ранцау является решающей. „В этом случае, — продолжает он в духе концепции „разрушения” России, — мы непременно теперь же должны искать пути для создания в России возможно большего хаоса. Для достижения этой цели нам следует избегать всякого заметного извне вмешательства в ход русской революции”. Затем немецкий дипломат со всей откровенностью развивает в своей памятной записке ее наиболее важную мысль: „По моему мнению, нам необходимо, напротив, сделать все возможное, чтобы исподволь и скрытно углубить противоречия между умеренными и крайними партиями; ведь мы наиболее заинтересованы в том, чтобы последние одержали верх, ибо тогда переворот станет неизбежным и обретет формы, которые должны потрясти основы существования русской империи”. В немецких интересах, подчеркивает Брокдорф-Ранцау, предпочтительнее покровительствовать крайним элементам, „ибо вследствие этого будет осно-

вательнее проведена работа и скорее завершится дело". „Можно считать, что, по всей вероятности, через какие-нибудь три месяца в России произойдет полный развал, и в результате нашего военного вмешательства будет обеспечено крушение русской мощи“⁴⁰.

Таким образом, практически очерчена основная концепция немецкой политики в отношении России, проводившаяся с весны 1917 года и до мирных переговоров в Брест-Литовске. В подобном же духе высказывается и Виктор Науман. В письме к графу Гертлингу от 29 марта он говорит, что Германия „подошла к решающему моменту войны“ и что непозволительно было бы упустить „прямо-таки неправдоподобную удачу... ее надо ухватить за кончик хвоста“⁴¹. Принимая во внимание события в России, следовало бы „усвоить мысль Бисмарка о том, что если речь идет о спасении отечества, то любому союзнику говори — добро пожаловать“⁴².

С другой стороны, Ленин со своими соратниками, находясь в Цюрихе, узнает, что внезапно началась Февральская революция. И хотя он предвидел это событие, тем не менее оно его застало врасплох. Теперь „Ленин, — по словам Троцкого, — неистовствовал в цюрихской клетке, изыскивая пути выхода“⁴³. По выражению Парвус-Гельфанда, „он сидит в Швейцарии почти полностью отрезанный от России“⁴⁴, „закупоренный, как в бутылке“⁴⁵. Роберт Гримм в своих воспоминаниях рассказывает: „Ленин был искристо деятелен. Он вел конспиративную переписку во всех направлениях. В первую очередь он восстанавливал тайные связи с революционерами в России, писал русским эмигрантам, развеянным всеми ветрами по миру, давал указания, советовал, разрабатывал тезисы и резолюции“⁴⁶. По его мнению, ничего не могло бы быть хуже, чем допустить в России создание легальной рабочей партии, да к тому же еще, возможно, возглавляемой находящимися там социал-демократами, такими как Чхеидзе. Поэтому Ленин теперь ведет все усиливающийся огонь против подобных социал-демократов. Возникновение новой парламентарно-реформистской партии в России означало бы ориентацию на II Интернационал и перекрестило бы концепцию мировой революции. Исходя из этого тактического соображения, Ленин пропагандирует теперь идею Советов⁴⁷.

Так с этого дня — 17 марта 1917 г. — Ленин не знает больше ни минуты покоя; в самый кратчайший срок ему нужно добраться до России, он всецело живет новыми событиями, пишет „Письма из далека“, выступает перед общественностью, разъясняя основные причины и предпосылки русской револю-

ции⁴⁸. Но как итог всех его речей звучит одно: „...мы должны ехать, даже если наша дорога лежит через ад“⁴⁹.

В этот напряженный момент совпадения кайзеровско-немецких и русско-революционных интересов на сцене появляется д-р Александр Парвус-Гельфанд — уроженец России, социалист-революционер, участник революции 1905 года, а теперь член руководства СДПГ, доверенное лицо графа Брокдорф-Ранцау и советник немецкого правительства, которое охотно к нему прислушивается по вопросам русской революции. Как отзывался о нем Конрад Хаенши⁵⁰, Парвус — это „сенатор эпохи Ренессанса“, „умнейшая голова II Интернационала“, человек большого духовного богатства, который, по словам Виктора Наумана, „на теле слона носит голову Сократа“; правда, в многогранной деятельности этой неоднозначной личности, концептуальное мышление категориями мировой политики уживается с ярко выраженными чертами крупного спекулянта или торговца оружием, во всяком случае, эта противоречивость находится в странном единстве⁵¹.

Парвус-Гельфанд, будучи лично знаком с Лениным, посетил его в последний раз в 1915 году в Швейцарии. Теперь Парвус выступает за победу центральных держав. Осуществление социализма ему видится в „двойственном союзе прусского штыка и русского пролетарского кулака“. „Я хотел, — пишет он в декабре 1919 года, — победы центральных держав, потому что намеревался предотвратить реакцию победоносного царизма и империализма Антанты, а также предполагал, что в победоносной Германии социал-демократы были бы достаточно сильны, чтобы изменить режим“⁵².

Фриц Кахен, личный секретарь графа Брокдорф-Ранцау, снабжает Парвус-Гельфанда рекомендацией к Бетман-Гольвегу, которая поддерживается Эрцбергером и бароном фон Мальтцаном из Министерства иностранных дел; всего несколько дней спустя после переворота в России Парвус-Гельфанд, действуя в духе вышеприведенной концепции, предлагает рейхсканцлеру отправить Ленина через Германию в Петербург. Демократическая Германия, доказывал Парвус, должна сейчас протянуть руку мира демократической Эссии; при этом можно рассчитывать только на русскую социал-демократию, которая способна проявить подлинную готовность к миру. Но ее собственные вожди сидят в качестве эмигрантов в Швейцарии; им нужно теперь же разрешить проезд через Германию. Парвус-Гельфанд, хотя у него и нет единодушия с Лениным в основополагающих вопросах революции, тем не менее верит, что большевистский вождь, как „намного более реши-

тельный человек”, чем Чхеидзе или Керенский, „отстранит их и без промедления будет готов пойти на мир”⁵³.

Граф Брокдорф-Ранцау оказывает поддержку этому плану. 5 апреля он просит статс-секретаря Министерства иностранных дел Циммермана „благосклонно лично принять” Парвус-Гельфанда, обосновывая свою просьбу так: „Я полагаю, что недавнее обострение дел в России является очень важным для окончательного определения всего нашего будущего; по моему убеждению, неизбежно должны быть приняты радикальные решения, с тем чтобы в итоге обеспечить нам победу”. Мне хорошо известно, говорит Брокдорф-Ранцау, рисуя облик Парвус-Гельфанда, что „характер его, по мнению современников, неустойчив; однако, — добавляет он успокаивающе, — его связи в России, на мой взгляд, могут теперь иметь решающее значение для развития всей ситуации в целом”. Ведь Гельфанд был в России „одним из первых, кто работал для успеха, достигнутого теперь”⁵⁴.

Взаимодействие Парвус-Гельфанда и графа Брокдорфа — свидетельство тому, что время это было переходным. Старый революционер все свои чаяния связывает все-таки с немецкой военной силой, он надеется, что с победой Германии царизм падет. Неразборчивый в средствах, он сближается с консерватором, свободным от предрассудков, связывает себя с ним совместностью действий, отмечая ради достижения цели все идеологические расхождения.

Однако еще до приведенного письма Ранцау немецкая сторона уже вела совершенно секретно переговоры о возможном проезде русских революционеров через Германию. Позже, 11 апреля, Бетман-Гольвег лично докладывал кайзеру, что незамедлительно после начала русской революции им было указано послу в Берне: „Установить связь с проживающими в Швейцарии политическими изгнанниками из России с целью возвращения их на Родину, — поскольку на этот счет у нас не было сомнений, — и при этом предложить им проезд через Германию”⁵⁵.

Как это было и в практике предыдущих лет, такого рода связь устанавливается через посредников: например, хотя обстоятельность этого случая не совсем ясны, речь может идти о безрезультатной миссии в Цюрихе агента Парвус-Гельфанда Георга Склярца (после войны он стал известен как спекулянт)⁵⁶, которого Ленин, по выражению Платтена, не долго думая, выставил за дверь как „дешевого шпика немецкого правительства”⁵⁷.

Однако решающая предпосылка для предстоящей немец-

ко-большевистской „совместной акции” возникла в результате соответствующей позиции созданного с первых же дней русской революции „Центрального Комитета по возвращении на родину проживающих в Швейцарии русских эмигрантов”, который объединил в общей сложности 560 революционеров всех направлений, стоявших на платформе Циммервальдской конференции⁵⁸. Революционеры стремятся домой, ибо с началом Февральской революции Россия становится „местом массового паломничества”⁵⁹.

Представители всех участвовавших в Циммервальде русских и польских партий собираются вместе 19 марта, чтобы обсудить план, предложенный проживающим в Париже меньшевиком Мартовым. Сообразно с этим планом должен быть избран путь возвращения через Германию, ибо о другом, по всей вероятности, не могло быть и речи ввиду вполне очевидного отрицательного отношения Антанты, а также из-за угрозы нападения подводных лодок на морских путях. В качестве компенсации немецкому правительству следовало бы предложить возвращение на родину из России интернированных немцев и австрийцев. Швейцария официально посредничать не может, так как существует опасность, что Антанта усмотрела бы в этом нарушение ею нейтралитета. Часть более умеренных эмигрантов желает получить сперва ответ из Петербурга или дожидаться официального приглашения от Керенского. Но руководящие лица настаивают на немедленном возвращении домой. Живущий поныне в Берне швейцарский социалист, национальный советник Роберт Гримм облекается доверием вести переговоры. Они должны проходить в величайшей секретности. Но возникает неприятность: Гримм узнает, что об этих договоренностях было сообщено Мартову и другим членам парижской группы. Ему приходится опасаться, что кое-что может стать достоянием гласности и скомпрометировать Швейцарию⁶⁰. Она же между тем крайне заинтересована выпроводить этих опасных гостей, а также в том, чтобы не потерять шанс на европейский мир. И хотя Швейцария не утратила своих первоначальных опасений, она все же деятельно, но скрытно включилась в осуществление этого плана. Поэтому Гримм ведет переговоры как с федеральным советником Политического департамента в Берлине Гофманом, так и с немецким послом⁶¹.

Уже 23 марта Ромберг телеграфирует в Министерство иностранных дел, что, по сообщению Гофмана, выдающиеся русские революционеры выражают желание вернуться в Россию через Германию. Они опасаются, что, выбрав путь через Францию и следуя дальше морем, они могут подвергнуться нападению

подводных лодок⁶². В тот же самый день это важное сообщение было препровождено Верховному главнокомандованию в Кройцнах с соответствующим ходатайством. Два дня спустя Главнокомандование дает свое согласие: „В отношении проезда русских революционеров нет никаких сомнений, если они будут отправлены одним общим транспортом с надежным сопровождением”⁶³.

В представленных ниже документах условия, поставленные высшими военными службами в связи с пропуском революционеров через Германию, не находят отражения. Все же начальник Отдела III b (служба информации, контрразведка) Генерального штаба полковник Николаи позже заявил, что первоначально Верховное главнокомандование возражало против плана Министерства иностранных дел⁶⁴.

Вскоре Генеральный штаб занялся транспортно-техническими приготовлениями. Сомнения высказываются в основном лишь в отношении технических и „тактических” вопросов. Так, например, вызывает сомнение, будут ли революционеры, известные как противники войны вообще, пропущены финскими пограничными властями, вместе с которыми везде работают английские наблюдатели-контролеры. Но прежде всего, полагает Генштаб, надо всячески избегать „компрометации” уезжающих „слишком большой предупредительностью с нашей стороны”.

Тем временем революционеры, действуя в соответствии с принятым ими решением от 19 марта, сами установили контакты с немецкими учреждениями. Так, председатель комитета Семковский лично через директора Швейцарского телеграфного пресс-агентства Вальца зондирует почву у немецкого посла в Берне. Кроме того, Роберт Гримм знакомит с проектом поездки эмигрантов швейцарский Политический департамент. Там советуют, чтобы представители комитета установили связь непосредственно с немецким послом в Берне. Сам же посол, будучи поставлен в известность о переговорах Гримма с Гофманом, 31 марта получает указание Министерства иностранных дел о том, что он уполномочен разъяснить представителям, в каком духе регулируется этот вопрос Генштабом⁶⁵.

IV

В ходе общих переговоров между немецкими правительственными службами и представителями эмигрантского Цент-

рального Комитета поездка Ленина объективно выделяется в качестве особой акции.

Ввиду выжидательной позиции части эмигрантов, не желавших ехать через Германию без согласия на это петербургского правительства, Ленин решает действовать на свой страх и риск. Каждый миг дальнейшего пребывания в Швейцарии для него нестерпим, он считает „пыткой сидеть здесь в такое время“; тем более, что ему наперед известно, что „Англия... ни за что не пропустит ни меня, ни интернационалистов вообще, ни Мартова и его друзей, ни Натансона и его друзей“⁶⁶.

По инициативе Радека швейцарский корреспондент газеты „Франкфуртер цайтунг“ д-р Дейнгард и немецкий левый социалист Пауль Леви установили контакт с послом фон Ромбергом. Благодаря этому Ленин получает доказательство, сколь безотлагательной представляется немецкой стороне именно его поездка⁶⁷. Таков и смысл послания немецкой контрразведки от 30 марта Министерству иностранных дел со ссылкой на донесение одного своего агента. „Для Германии, – говорится в этом послании, – предпочтительнее был бы провоз сторонников партии Ленина, максималистов и большевиков“⁶⁸.

Подготовка к поездке Ленина происходит в течение немногих дней. 1 апреля большевистский вождь расстается с Гриммом, которого он заподозрил в попытке „намеренно помешать быстрому возврату на родину большевистской группы“⁶⁹. Он выбирает своим доверенным лицом швейцарского левого социалиста Фрица Платтена, о котором у него, правда, „нет хорошего мнения“, но которого, тем не менее, ценит как революционера⁷⁰. После некоторых сомнений Платтен сообщает, что он готов вести переговоры с немецкими властями и взять на себя роль руководителя транспорта с революционерами. Эрнст Нобс, швейцарский социалист и позже федеральный советник, добавляет к сему: «Когда я спросил Фрица Платтена, как это он согласился, чтобы договариваться с немецким посольством о поездке Ленина и его спутников через германскую империю в то время, как до этого разговор шел о Роберте Гримме, которому эти переговоры предстояло уладить, Платтен ответил: „Тебе ведь известно, что Гримм не большевик, он, напротив, политический противник большевиков, и Ленин поэтому передумал“»⁷¹.

С немецкой стороны едва могли дожидаться, когда Ленин будет готов к выезду, так как Антантой, по-видимому, уже ведется в Швейцарии „контрбработка“. Ромберг, со своей стороны, нетерпеливо ожидает какого-либо знака от револю-

ционеров: „Очевидно, что они опасаются скомпрометировать себя в Петербурге”⁷².

В самом деле, последняя фраза посла передает истинную причину задержки отъезда. Конечно, Ленину, прежде чем решиться поехать через Германию, необходимо обезопасить себя от возможных атак своих противников, их обвинений в том, что он — „немецкий агент”. Ему приходится тщательно, со всех сторон — как юридически, так и политически — ограждать себя.

Юридическое обеспечение поездки заключалось в формулировке особых ее условий⁷³, важнейшие из которых следующие:

1. Платтен — ответственный руководитель транспорта. Он единственный, кто ведет переговоры с немецкими органами; без его разрешения никто не имеет права войти в вагон, который должен быть постоянно заперт.
2. Этот вагон пользуется правом экстерриториальности. Ни при въезде в Германию, ни при выезде из нее не должна происходить проверка паспортов или личностей.
3. К поездке допускаются лица совершенно независимо от их политического направления, особенно их взглядов на вопрос о войне и мире.
4. Немецкой стороной разрешение на проезд дается на основе обмена уезжающих на немецких и австрийских граждан, находящихся в плену или интернированных в России.

Ленин — многоопытный юрист по призванию — сам набросал эти пункты; едва ли стоит подчеркивать, сколь тщательно они продуманы в подробностях. Троцкий в этой связи указал на то, как у Ленина здесь взаимно все связано: „смелость проекта и точный расчет в осуществлении”. „В этом великом революционере жил педантичный нотариус, который, однако, знал свое место и приступал к составлению своего акта в тот момент, когда это могло помочь делу ниспровержения всех нотариальных актов”⁷⁴.

4 апреля Платтен передает условия Ленина послу фон Ромбергу. Найдя удачный момент, он обращает его внимание на то, что „дела в России” принимают „опасный оборот для дела мира”; поэтому следует „сделать все, чтобы без малейшего промедления доставить в Россию находящихся здесь социалистических руководителей, влияние которых там велико”⁷⁵. За тем швейцарский социалист комментирует отдельные условия, которые немецкий посол, за немногим исключением, „молчаливо” принимает⁷⁶. Как на „ультимативное

условие” Платтен указывает на пункт об экстерриториальности; ввиду возможной в будущем клеветнической кампании сторонников Антанты следует при всех обстоятельствах избегать контактов между немцами и едущими эмигрантами.

Ленин практически диктует условия немецкому правительству. Факт этот отражен в замечании Ромберга Платтену примерно так, что-де не в дипломатических традициях, чтобы частные лица предписывали правительству государства, каким способом должен осуществляться проезд через его страну⁷⁷. Тем не менее посол рекомендует Берлину дать срочно, в тот же день, разрешение на принятие поставленных условий: „Учитывая недоверчивый характер русских, которые сначала не хотели верить в возможность безопасного проезда, бесцеремонность контрдействий со стороны Антанты, а также отсутствие единства мнений эмигрантов”, все же существует опасность, что они „опять передумают”⁷⁸.

Ленин чувствует, что время действительно чрезвычайно поджимает: широкая легализация русского рабочего движения могла бы полностью погубить его концепцию. С другой стороны, не только ленинские решительные меры привели к достижению мира. В тот момент боевая мощь русской армии была подорвана тем, что мобилизованный крестьянин начинает стремиться домой, чтобы не прозевать ранним летом 1917 года раздела земли. Теперь, когда царь после отречения от престола забыт, ничто не могло бы больше препятствовать земледельцу овладеть своей частью помещичьей земли и скота. И стало быть, немецкая комбинация уже в зародыше ошибочна.

Но берлинские службы этого предусмотреть не могли, и поэтому 7 апреля дают согласие на ленинские условия. Делается лишь оговорка, что Вильгельм Янсон, член Генеральной комиссии немецких профсоюзов⁷⁹, будет по ее поручению сопровождать этот транспорт. Уже за два дня до этого — в ответ на доклад Ромберга от 4 апреля — Министерство иностранных дел переслало послугу и предписания Генерального штаба.

Платтен утверждает себя в качестве руководителя транспорта революционеров.

В одной из последних бесед Ромберга с Платтенем посол передает руководителю транспорта Ленина согласованный ответ, содержащий и подробный регламент поездки. Платтен тут же выражает протест против привлечения Янсона, но Ромберг просит его „не относиться к этому как к вопросу, имеющему какое-либо принципиальное значение”, и дает понять, что такой отказ повлечет за собой „новые расспросы в Берлине”⁸⁰. Швейцарский социалист, со своей стороны, сообщает

послу, что группа Ленина в составе около 20 человек к отъезду уже готова. Пользуясь случаем, Ромберг пытается прозондировать почву, то есть выведать, как относятся в лагере революционеров „к осуществлению подготовки мирных акций”. Однако последний уклоняется от ответа: он, дескать, уполномочен мандатом „исключительно на регулирование чисто технических вопросов”⁸¹.

День 7 апреля застаёт Ленина за последними важными приготовлениями к отъезду. В этот день руководящие социалисты „интернационального” направления из Германии, Франции, Польши, Швейцарии, Швеции и Норвегии подписывают „Заявление” с целью обеспечить политическую гарантию большевистскому вождю. Едущие возвращаются в Россию, „чтобы служить там делу революции”, этой акцией они помогут поднять „и пролетариев других стран, и в особенности пролетариев Германии и Австрии, против их правительств”. В этих обстоятельствах „мы... считаем не только правом, но и долгом наших русских товарищей воспользоваться той возможностью проехать в Россию, которая им представляется”⁸².

V

Исходным пунктом при освещении поездки Ленина может служить вопрос: был ли вагон действительно „пломбированным”? Имеющиеся сведения представляются противоречивыми. В переданном Платтенем немецкому послу экземпляре условий поездки Ленина речь идет „о постоянно запертом вагоне”⁸³. Платтен в публикации 8 мая 1917 г. в газете „Цюрихер пост” указывает, что утверждение, будто вагоны, в которых ехали революционеры, „были plombированы и окна зашторены, — вымысел”. С другой стороны, позже в своих записках он замечает, что „три наших вагонных двери были запломбированы и только четвертая, задняя”, могла открываться, дабы сам Платтен и немецкий сопровождающий персонал могли выходить из вагона⁸⁴. Но представление о „пломбированном вагоне” — как на это указывает Троцкий⁸⁵ — объяснимо еще и предоставлением вагону экстерриториальности. Наглядно эта экстерриториальность была обозначена (исключая „нейтральную зону”) меловой чертой по полу коридора, которая отделяла территорию, занятую немецкой группой сопровождения, от территории, на которой находились русские революционеры⁸⁶. Кроме того, в этой связи нельзя забывать о том, что соглашением запрещалось контролиро-

вать как самих едущих, так и их паспорта, что багаж ехавших был „запломбирован” и доступ в этот вагон никому не был разрешен⁸⁷.

При отъезде революционеров из Цюриха атмосфера была очень возбужденной. В донесении одного из немецких агентов, который при этом присутствовал, подчеркивается, что и здесь „с привычной несдержанностью” проявился „раскол в рабочих партиях всех стран”⁸⁸. Развал II Интернационала, начавшийся в августе 1914 года, бурные споры социалистов различных направлений („Защитники Отечества”, „Центристы”, „Интернационалисты”) – все это нашло свое проявление и при отъезде Ленина. В пылу страстей политические противники отъезжающих обзывают их „провокаторами, подлецами, свиньями”⁸⁹.

В пути немецкая сторона дважды пытается установить связь с революционерами. Сначала уже известный нам представитель профсоюзов Вильгельм Янсон пытается приветствовать эмигрантов от имени Карла Легина и немецких профсоюзов. Его стремление вступить в разговор с едущими вызывает у них „взрыв веселья”. Исходя из политических соображений, они решают: поскольку известно, что Янсон с августа 1914 года проводит „политику гражданского мира”, на его приветствие, переданное через Платтена, не только не отвечать, но и самого его не принимать⁹⁰. По вполне понятной причине личной заинтересованности Ленин строго придерживается условий поездки. В данном случае его представления совпадают с точкой зрения посла Ромберга, который еще перед выездом высказался против сопровождения революционеров Янсоном, основываясь на том, что из-за этого может возникнуть компрометация⁹¹. Платтен объясняет Янсону положение дела, и тот после этого отказывается от встречи с эмигрантами⁹².

Вторую попытку вступить в связь с едущими предпринимает лично Парвус-Гельфанд после того, как это было обговорено с руководителями немецкого „социалистического большинства”⁹³, а также с согласия Министерства иностранных дел⁹⁴. Он собирается встретиться с Лениным на шведской земле и через одного общего товарища сообщает ему: „Сейчас прежде всего нужен мир; следовательно, нужны условия для мира, что намеревается он (Ленин) делать”⁹⁵. Но Ленин категорически отказывается встретиться с Парвусом-Гельфандом, которого он осуждает как „архишовиниста”. Большевистский вождь отвечает лишь одно: он не занимается дипломатией, его дело – социальная революционная агитация. Пар-

вус в состоянии раздражения поручает одному из посредников передать свое возражение, из которого видно, как мало понимает он суть ленинской природы: „Скажите Ленину – пускай он только агитирует, но если для него не существует государственной политики, то он станет безвольным орудием в моих руках”⁹⁶.

Но Ленин и тут последовательно проводит свою линию. Он полностью отдает себе отчет, чего в будущем ожидают от него и его группы немцы. Он, вероятно, примерно так тогда думал о словах своих „интернациональных” товарищей, высказанных ими в „Заявлении” от 7 апреля по поводу его отъезда: „Если бы Карл Либкнехт был сейчас в России, Милюковы выпустили бы его в Германию; Бетман-Гольвеги выпускают вас, русских интернационалистов, в Россию. Ваше дело – ехать в Россию и бороться там и с германским, и с русским империализмом”⁹⁷.

Но подобный ход мыслей был в то время чужд немецким службам. Они были прежде всего заняты тем, чтобы внимательно проследить за отдельными этапами поездки, и заинтересованы в том, чтобы „все удалось как нельзя лучше”. Для них желательно, чтобы поездка прошла быстро и беспрепятственно. Поэтому поезду с эмигрантами, как „важному дипломатическому транспорту”, повсюду предоставляется предпочтительное право проезда. Это пришлось испытать и самому немецкому кронпринцу, чей поезд почти два часа ожидал в Галле, пока будет пропущен транспорт с Лениным и его группой⁹⁸.

Теперь и кайзер Вильгельм II, хотя уже в конце событий, подключается к делу. 11 апреля „во время завтрака” (как об этом рассказывает представитель Министерства иностранных дел при Генеральном штабе) Вильгельм поставил вопрос о том, чтобы едущих через Германию революционеров «снабдить „Белыми книгами” и подобными изданиями, например, оттисками Пасхального послания и речи канцлера, с тем чтобы они могли ими воспользоваться для разъяснительной работы на своей родине». По его мнению, следует также за предоставленный эмигрантам проезд в Россию дать им поручение, в качестве ответной услуги, выступать на родине за немедленное заключение мира. Разумеется, кайзер связывает с разрешением на проезд также и вопрос об освобождении Россией интернированных немцев; и все же во всем комплексе вопросов обмен на интернированных играет второстепенную роль.

Генеральный штаб и далее продолжает проявлять интерес к поездке Ленина; он заявляет, что был бы готов – „на тот случай, если бы едущим русским был запрещен въезд в Шве-

цию”, — переправить их в Россию через немецкие линии фронта⁹⁹. Но шведское правительство уже 11 апреля заявило о своем согласии на проезд эмигрантов.

Во время переправы через Балтийское море все же возникает „неожиданный казус” — Ленина вдруг заставляют заполнить подробную анкету, которая обычно предлагается шведскими властями иностранцам. Ленин и его группа начали уже подозревать, что немцы заманили их в западню. Но тут выяснилось, что все это лишь чистая формальность¹⁰⁰. Большевикский посредник Ленина (а также Парвус-Гельфанда) в Стокгольме Фюрстенберг-Ганецкий наряду с немецкими службами хорошо подготовил и все дальнейшее. Ленин и его спутники, никем не тревожимые, едут через Швецию и дальше через Торнео в Финляндию.

В Мальмё прибывшие на встречу с Лениным русские революционеры заявили, что „безусловно необходимо иметь в распоряжении возможно большее число выдающихся агитаторов, чтобы противодействовать усилиям Милюкова и Гучкова, направленным на продолжение войны”¹⁰¹.

Вечером 16 апреля 1917 г. Ленин со своей группой прибывает на Финляндский вокзал в Петербурге, где его восторженно приветствуют рабочие массы. Немецкий агент сообщает об этом событии и добавляет, что Ленина от финской границы до Петербурга сопровождали два английских офицера. Однако в самой столице „народ освободил прибывших от нежелательного сопровождения”¹⁰². Платтена, напротив, на русско-финской границе английский офицер задержал¹⁰³.

Не прошло и недели после прибытия Ленина, как он шлет в Цюрих друзьям по партии свой отчет о поездке. В нем он подчеркивает, что немцы „обращались очень корректно” и „точно выполнили” все условия, согласованные перед поездкой. В вагон эмигрантов ни разу не входил даже проводник¹⁰⁴. Платтен также после своего возвращения высказывает признательность послу Ромбергу и благодарит „от имени русских за проявленную предупредительность”. Поездка „протекла превосходно”, к тому же Ленину и его приверженцам была устроена блестящая встреча в Петербурге. „Вполне можно сказать, — добавляет Платтен, — что за ним, Лениным, — три четверти петербургских рабочих”. Используя удобный случай, швейцарский социалист ходатайствует о разрешении на проезд на тех же условиях, что и ленинской группы, и для других революционеров, находящихся в Швейцарии: „Во всяком случае крайне необходимо, путем пополнения из-за границы, умножить число безусловных друзей мира... И в самой

Германии проживали некоторые русские революционеры, отправка которых в Россию могла бы быть весьма целесообразной”¹⁰⁵.

Окидывая взглядом характер описываемых событий, начиная от первых дней Февральской революции и до приезда Ленина в Петербург, нельзя не заметить стремительного хода их развития: это обусловлено настоятельным желанием как немецкого правительства, так и революционеров добиться продвижения к цели возможно быстрее. Политико-дипломатические и технические приготовления заняли всего около трех недель. Кульминацией переговоров представляются первые дни апреля, когда обе стороны пришли к взаимному пониманию. Сама поездка длилась не более недели.

VI

В связи со всем сказанным невольно напрашивается вопрос: неужели немецкие ответственные службы не отдавали себе отчета, что взаимодействие с большевиками было подобно игре с огнем? Действительно ли господствовала вера, что кайзеровская Германия могла бы вступить в союз с представителями русской социальной революции, не будучи сама в один прекрасный день охвачена такой же революцией?

Немецкие документы не содержат никаких сведений о подобных соображениях со стороны ответственных правительственных служб. Документы дают все основания полагать, что эти службы вряд ли обстоятельно занимались теорией и практикой большевизма или просто учитывали характер самого Ленина и его идей.

Основополагающие воззрения немецкой политики проистекают скорее из некоего ошибочного расчета, из обусловленности сиюминутностью обстоятельств: прежде всего должна быть выиграна война или, как минимум, достигнут мир на Востоке; что же произойдет *потом* — сейчас не время вдаваться в споры. Большевики, пожалуй, в состоянии привести к быстрому заключению сепаратного германо-русского мирного договора и этим действием перечеркнуть планы Антанты на Востоке. Ллойд Джордж следующими словами обрисовал подобный образ мышления: „Исключительно трудно быть дальновидным в ходе войны. Кругозор ограничен единственной заботой о победе. Для государственных мужей, куцым глазом рассматривающих положение дел с целью воспользоваться сиюминутным преимуществом, хорошим уро-

ком может стать возможное в будущем несчастье, не принятое ими во внимание, но которое может произрасти из этого временного успеха”¹⁰⁶.

Но так как у немецкой стороны, кроме „сиюминутной” концепции никакой иной, выходящей за ее рамки, не было, и рассматривалась лишь техническая сторона событий, то и проявилась та существенная черта, которую нельзя не заметить и в ходе второй мировой войны, — вступила в действие влиятельная бюрократия. Для нее главное — чтобы все шло „надлежащим порядком”. Вопросы „почему?” и „с какой целью?” отступают на задний план.

Поездка Ленина — сколь бы драматическими не казались нам, ныне живущим, ее дальнейшие последствия — происходит в высшей степени спокойно, почти „прозаически”, вполне в стиле „деловых буден”: в ней нет ничего необычного, нет и следа какой-либо „романтики”. И все же главной предпосылкой для осуществления всемирно-исторического события как раз и оказались все эти, как будто бы „незначительные” эпизоды, в которых проявилась немецкая „пунктуальность” и „аккуратность”: вот Платтен своевременно получает визы, вот уже предоставлены D-вагоны, команда сопровождения под началом надлежащего офицера уже на месте, вовремя выхлопотано разрешение шведского правительства на пропуск через страну, и вот транспорт с эмигрантами может следовать дальше без всякого промедления, словом, все идет „без осложнений”.

„Без осложнений” — это означает, что ради осуществления особых немецких интересов должен быть „заброшен десант”, состоящий из революционеров, которые с самого начала „избираются” для этих целей. „В путь двинутся только такие русские, — гласит одна из более поздних телеграмм военных органов, — которые станут добиваться мира”¹⁰⁷.

Эти рассуждения подводят нас к вопросу о том, кто же несет ответственность за поездку Ленина. Но именно исследованием немецких документов доказывается, что едва ли тут речь может идти об отдельной личности.

Правда, сама идея поездки Ленина в Россию через Германию исходит от немецкого социалиста русского происхождения, представителя „социалистического большинства” Парвус-Гельфанда. Она соответствовала концепции графа Брокдорф-Ранца о немецкой политике в будущем в отношении России. Именно благодаря ему эта мысль получает возможность быть реализованной. Предложение Парвус-Гельфанда достигает рейхсканцлера фон Бетман-Гольвега. Депутат Эрцбергер, а также представитель Министерства иностранных дел

Мальтцан действуют тоже как посредники. Рейхсканцлер, который и без того идет навстречу СДПГ, подхватывает идею, и вскоре уже сам занимается ее осуществлением. Он обязывает Министерство иностранных дел в Берлине во взаимодействии с немецкими послами в нейтральных странах, то есть в Берне, Копенгагене и Стокгольме, подготовить поездку Ленина: во-первых, через установление связей с самими революционерами, во-вторых, посредством дипломатически-политической подготовки этой поездки.

При этом на первый план выходит немецкий посол в Берне барон фон Ромберг. Он постоянно держит в курсе рейхсканцлера или Министерство иностранных дел, вносит предложения и делает все от него зависящее, чтобы замысел был осуществлен. Хотя он облечен лишь исполнительной властью, Ромберг — один из тех людей, кто богато одарен инициативой, что прежде всего проявилось при осуществлении поездки Ленина и в техническом ее отношении, и особенно в том, что касалось непосредственно личности Ленина. Благодаря хорошим отношениям с федеральным советником Гофманом из Политического департамента в Берне ему удалось действовать быстро и успешно.

Наряду с ним самостоятельно действует и Парвус-Гельфанд. Ему недостаточно лишь довести до сведения рейхсканцлера идею проезда Ленина; в процесс подготовки поездки он включается через своего агента Георга Склярца, поддерживает связь с большевистским доверенным лицом Фюрстенбергом-Ганецким в Стокгольме и ищет затем (хотя и тщетно) встречи с Лениным при его проезде через Швецию, намереваясь иметь личную с ним беседу. О разрешении на проезд для Ленина ходатайствует также и представитель „социалистического большинства” д-р Адольф Мюллер (Мюнхен), который в начале 1917 года активизирует свои усилия в Швеции¹⁰⁸.

Наконец, поездке Ленина стремится содействовать и представитель немецких профсоюзов Вильгельм Янсон. Однако достоверно известно, что помощь его была незначительной.

С просьбой о разрешении на проезд Ленина обратилось к Верховному главнокомандованию и Министерство иностранных дел; оно просит к тому же назвать имя офицера, подходящего для сопровождения транспорта. Тем самым был подключен и генерал Людендорф. Он, со своей стороны, поручает Отделу III в представительстве Генерального штаба в Берлине (контрразведка, паспортный центр) техническую подготовку и осуществление проезда поезда с эмигрантами, а также утверждает военного руководителя транспорта. В хо-

де этих приготовлений Министерство иностранных дел добивается согласия Швеции на проезд революционеров.

Итак, реальная картина в целом такова: с немецкой стороны в этом важном деле в совместных действиях постоянно участвуют представители „социалистического большинства“, рейхсканцлер, Министерство иностранных дел и Верховное главнокомандование в единении с немецкими профсоюзами. Верховное главнокомандование, занимая ключевую позицию всесильного исполнительного органа, организует детальное проведение транспорта, во всем же прочем, однако, подчиняется политическому руководству. Этот „поворот“ в отношениях между политическим руководством и военным командованием становится очевидным после начала Февральской революции. Политику Бетман-Гольвега по-прежнему определяет большое стремление к скорейшему заключению сепаратного мира с Россией. В этом пункте его поддерживает также „социалистическое большинство“. Верховное главнокомандование не может в данных обстоятельствах не содействовать политике, обещающей облегчение Восточному фронту¹⁰⁹. Именно это, а не что-либо иное, означают слова Людендорфа: „Военное руководство следует пожеланиям политики — дать вырветь условиям в России. Еще до того, как произошел обмен мнениями по этому вопросу между политическими и военными руководителями, главнокомандующий Восточным фронтом добился неожиданно большого успеха под Стоходом. По просьбе рейхсканцлера Верховное главнокомандование пошло даже столь далеко, что постаралось в известной мере притупить этот успех“¹¹⁰.

Во всем этом деле с поездкой Ленина Людендорф предстает как фигура, „стоящая в стороне“, но, однако, имеющая особый вес. Он не причастен ни к идее этой поездки, ни к ведению конкретных переговоров о ней с революционерами. Людендорф — до мозга костей военный специалист, который прежде всего принимает в расчет вооруженные силы, возможность их применения. Политику он, разумеется, во все большей степени подчиняет чисто военным целям. Но в данном случае политическое и военное руководство проявили исключительное единство. Людендорф узнает, что Ленин должен принести скорый мир на Востоке, а это для Людендорфа означает высвобождение дивизий для Западного фронта. Сама идея его вполне устраивает. А что в действительности представляет собой Ленин и каковы на самом деле его намерения — это Людендорфа не занимает. Он со всей откровенностью по этому поводу высказался в октябре 1937 года: „Я должен раз и на-

всегда ясно сказать — ни о Ленине, ни о Кинтале я не имел никакого понятия. Об этом транспорте я был поставлен в известность имперским руководством, кажется, Министерством иностранных дел, лишь постольку, поскольку выдачей паспортов по тогдашней структуре армии ведали Представительство Генерального штаба в Берлине или Отдел III b. В этом деле они следовали исключительно лишь указаниям руководства империи. Меня же только спросили: имею ли я что-либо возразить против этого. Возражений у меня не было, так как правительство империи отметило при этом, что, благодаря ослаблению России изнутри, появятся шансы на более приемлемые условия мира”¹¹¹.

Возникающая из немецких документов подлинная картина событий согласуется в главном со свидетельствами Людендорфа. Генерал практически превратился в „инструмент” Министерства иностранных дел, кроме того, немецкого „социалистического большинства” и, наконец, большевистских революционеров. И все-таки он занимает важную ключевую позицию: в первую очередь его распоряжения, связанные с установлением Генштабом технического регламента для этого транспорта, сделали возможным осуществление проекта поездки. Именно поэтому Людендорф „ответствен вместе с другими”. То, что генерал участвовал в одобрении предполагаемого проезда революционеров, а также заботился о том, чтобы поездка в действительности состоялась и, к тому же выразил готовность в крайнем случае пропустить эмигрантов в Россию через немецкую линию фронта, — все это, вместе взятое, и по сегодня связывает его имя с „пломбированным” вагоном Ленина.

Как явствует из документов или из существующих на сегодняшний день мемуаров, политическое руководство тоже мало задумывалось над вопросом о последствиях и осложнениях, таящихся в поездке Ленина. В них нет и намек на то, что возможность революционной опасности для самой Германии стала следствием действий тех самых людей, которые тогда проехали через ее территорию¹¹². Берется в расчет лишь дальнейшая революционизация России, которая пойдет на пользу Германии в военном отношении, и, однако, совсем не принимается всерьез идея всемирной революции (хотя она достаточно известна как из письменных, так и из устных высказываний революционеров). Сколь мало и в дальнейшем ответственные деятели немецкой политики понимали действительные целевые установки Ленина, свидетельствует, например, содержание письма Министерства иностранных дел от 10 августа 1917 г. послу фон Ромбергу: ему следовало бы способ-

ствовать „пересылке как можно большего числа изданных в Швейцарии и России сочинений, особенно принадлежащих ленинской группе”, „с целью распространения” их среди находящихся в Гааге (Голландия) „русских беженцев”¹¹³.

Германия со всей очевидностью борется за свое существование, и в тот момент ей представляется, что пригодно *любое* средство; и без того ведь в августе 1914 года солидарность монархий была разрушена и с отречением царя окончательно утратила силу. Виктору Науману роковым образом видятся открытыми все шлюзы. В письме к графу Гертлингу от 29 марта 1917 г. он излагает свою точку зрения в следующих выражениях: „Мне нет необходимости говорить вашему превосходительству, что я сам роялист, и чисто по-человечески судьба царской фамилии меня огорчает до глубины души, так же как и исторические раздумья о том, что революция в одной стране может найти преемственность и в других. Но понимание того, что дело идет о Германии и ее существовании, заставило все отступить на задний план, и мы совершаем кощунство, если мысли наши занимает что-либо иное”¹¹⁴.

И все же все усилия Германии в отношении поездки Ленина остались бы тщетными, не будь деятельного соучастия Швейцарии, то есть ее Политического департамента в лице федерального советника Гофмана и швейцарских социалистов, в особенности Роберта Гримма и Фрица Платтена. Швейцария, которая прежде предоставила русским революционерам право на убежище, теперь дала им разрешение на проезд¹¹⁵. И Швеция тоже содействовала поездке Ленина, выдав незамедлительно разрешение на его проезд и отказавшись от скрупулезной проверки большевистского вождя, осуществляемой обычно путем заполнения анкеты для иностранцев.

Антанта, напротив, была готова пропустить через союзные страны только таких революционеров, которые выступали за продолжение войны¹¹⁶, то есть за дальнейшее выполнение союзнических обязательств, тем более, что вооруженные силы Соединенных Штатов еще не могли активно действовать в Европе. Ленин же был широко известен как противник войны; он и его приверженцы едва ли могли рассчитывать на то, что союзники разрешат им проезд. На кого же, как не на Германию, которая была расположена ближе всего, оставалось им обратить взоры?

Какие же интересы так совместились, что столь разные партнеры – от Ленина до Людендорфа, от Парвуса до Бетман-Гольвега, от Платтена в Цюрихе до Ганецкого в Стокгольме – объединились для достижения единой цели: сидящего в Цюрихе на Шпигельгассе революционера, выступающего за все-

мирную революцию, выпустить, как джинна из бутылки? Ответ дает тот факт, что *все* участники *стремятся к миру*. Выказывание барона Хеннета¹¹⁷, австро-венгерского дипломата в Берне, жившего там во время переговоров немецкого посольства с русскими революционерами, является наиболее ярким свидетельством немецких настроений: «*Вся эта история точно характеризуется словами одного из здешних дипломатов, который занимался данной поездкой: „Офицер, происходящий из старейшего прусского рода, должен быть придан в качестве почетного сопровождающего этому русскому революционному сброду, высылаемому в Россию, но обхаживаемому в настоящий момент с единственной надеждой в какой-то мере ускорить заключение мира — таково положение вещей”*»¹¹⁸.

Не меньшую потребность в мире испытывала и Швейцария: небольшая страна, она была кругом обложена воюющими державами и практически зависима от них. И в ней в возрастающих размерах дает себя знать бедственное положение в экономике; и в ней ощущают страдания и нищету народы, охваченные войной¹¹⁹. Исходя из этого, для внешнеполитического руководства страны было само собой разумеющимся принять любую вырисовывающуюся возможность мира. «*Федеральный советник Гофман, — пишет Роберт Гримм, — связывал с русской революцией надежды на скорое окончание войны, на более быстрое достижение мира и, тем самым, на облегчение положения Швейцарии. Он говорил мне это с глазу на глаз совершенно откровенно. Его интересы были связаны исключительно со Швейцарией, но отнюдь не с какой-либо из воюющих стран*»¹²⁰. В подобных обстоятельствах находится и нейтральная Швеция; ее независимости и экономическому благополучию также угрожает затяжка войны¹²¹.

Разумеется, в этой связи немецко-большевистские отношения постоянно находятся на первом плане. И тут достаточно актуальным становится вопрос: кто кого в этих «взаимных отношениях» использует в качестве «средства» для достижения своих целей?

Немецкая сторона предприняла транспортировку Ленина в рамках широкой мирной акции, в которой играли некоторую роль также Роберт Гримм и Вилли Мюнценберг¹²². Для немецкой политики речь при этом идет лишь о видимости уступок в отношении революционеров. Подлинная заинтересованность Германии в этой транспортировке, разумеется, маскировалась формулой обмена русских эмигрантов, находив-

шихся в Швейцарии, на интернированных в России немцев и австрийцев. Поездка Ленина — это „ответный ход” немцев на вступление в войну Соединенных Штатов, военную политику Антанты и на отсутствие готовности к миру Временного правительства России. Исключительно метко с военной точки зрения представления немцев о „задаче” ленинского транспорта обрисовал Людендорф: Верховному главнокомандованию армии „требовалось для продолжения операций окончательное ослабление России и мир на Востоке. Революция до сих пор не принесла ни того, ни другого. Чем основательнее была бы ослаблена Россия, чем скорее Верховное главнокомандование армии достигло бы мира на Востоке при сохранении собственных сил, тем это было бы благоприятнее для хода войны”¹²⁴. Еще выразительнее эту мысль высказал генерал-майор Макс Гофман: „В войне с Россией мы, немцы, имеем несомненное право усилить в их стране и в войсках волнения, поскольку русская революция не принесла мира, как это вначале декларировалось. Так же, как я гранатами забрасываю вражеские окопы, как направляю на них отравляющие газы, я точно так же имею право применять против вражеских сил средства пропаганды”¹²⁵.

С другой стороны, принимая немецкое предложение о поездке, Ленин точно знает, что делает; он насквозь видит также настоящую подоплеку немецкой предупредительности¹²⁶. Очень ценно для понимания его позиции замечание Платтена о том, что над взглядами немецкого правительства (присутствие „интернационалистов” в России будет выгодным Германи) в кругах эмигрантов лишь смеялись¹²⁷.

Для Ленина, стремящегося изо всех сил дать толчок большевистской мировой революции, решающим является как можно скорее достичь России; то, что эту возможность предлагает ему противник, „классовый враг”, для него как раз никакой роли не играет. Вот почему большевистский вождь изъявляет готовность принять немецкое предложение, однако при этом ничем и ни в какой форме себя не связывая. Даже путевые расходы революционеры оплачивают из собственных средств¹²⁸. Слова Троцкого примерно так характеризуют взаимоотношение обоих партнеров: позволить группе русских революционеров проезд через Германию — это была „авантюра” Людендорфа, обусловленная тяжелым военным положением Германии. „Ленин использует расчет Людендорфа, имея при этом свой собственный расчет. Людендорф размышлял про себя: Ленин свергнет патриотов, тогда приду я и за душу Ленина и его друзей. Ленин же размышлял про себя:

я поеду в железнодорожном вагоне Людендорфа и заплачу ему за эту услугу на свой лад”¹²⁹.

Немцы пока еще не научились достаточно гибко мыслить, подобно русским, категориями всеобщей мировой революции¹³⁰. Поэтому их прогноз должен был стать полностью несостоятельным. В донесении, переданном 17 апреля 1917 г. из Берлина Представительством Генерального штаба в Берлине Верховному главнокомандованию, сообщается: „Въезд Ленина в Россию удался. Он действует в полном соответствии с тем, к чему стремится”. Заключение запоздалого мира в Брест-Литовске может служить как бы подтверждением некоторых надежд Германии.

Неудовольствие Временного правительства по поводу прибытия Ленина проявляется весьма отчетливо¹³¹. Приезд большевистского вождя воспринимается „как тяжелейшее испытание, какое только может выпасть на долю русской революции”¹³².

Представители Англии боятся самого Ленина „как хорошего организатора и исключительно опасного человека” — так об этом говорится в одном из докладов британского посла Бьюкенена¹³³. Немецкие политики, кроме того, могут поставить себе в заслугу транспортировку Ленина постольку, поскольку Антанте не удалось этому воспрепятствовать. Правда, союзники высказывали соображения на тот счет, нельзя ли с помощью шведских органов власти „задержать при проезде” „архиревolucionера”, как называет его лорд Говард Панритч. Но в конце концов от этого пришлось отказаться по соображениям, которые, например, лорд Говард преподносит так: „Как будто есть надежда, что можно овладеть ухудшающейся ситуацией. Но действительность пока такова, что в России происходит революция и нам лучше не вмешиваться в вопросы, в которых мы практически полные невежды”¹³⁴. Что оставалось союзникам — так это лишь действенная пропаганда против Ленина как предателя, что уже и было предпринято Бьюкененом¹³⁵.

Однако прибытие Ленина в Петербург практически означало для немцев хоть и не столь значительный, но все же успех. «Перевозка „груза” необычайной взрывной силы» (Троцкий) не смогла предотвратить крушения кайзеровской империи, но и большевиков, пришедших к государственной власти, не заставила осознать необходимость остановиться у границ Германии.

Поездка Ленина является „первым шагом” к великому повороту в русской революции от буржуазно-либеральной в начальной ее фазе к большевистско-пролетарской — в заключитель-

ной; большевистскому вождю она позволила *своевременно* вмешаться в ход революции и „интенсифицировать” ее в соответствии с собственным пониманием. Только с приездом Ленина в Петербург, уверенного в своем успехе, что отмечал и Платтен во время поездки¹³⁶, „большевистская партия начинает говорить полным и, что еще важнее, собственным голосом”¹³⁷.

Поездка Ленина осуществлялась как особая акция в рамках всеобщего стремления большинства русских эмигрантов в Швейцарии вернуться домой в Россию через Германию. Ленин первым пробил брешь; тем самым он указал путь широкой массе остальных революционеров, которые на первых порах, опасаясь возможной компрометации, вопреки всем планам подобного рода, еще не решались ехать через Германию.

После „прорыва дамбы” Лениным к немецкому правительству начинают обращаться новые группы революционеров с просьбой разрешить им проезд через Германию на тех же условиях, что были предоставлены ленинской группе¹³⁸. Революционеры с выгодой используют теперь соперничество ведущих войну держав: Антанта в „ответ” на удачливую немецко-ленинскую акцию в тот момент, в свою очередь, прямо-таки навязывает революционерам проезд через союзную территорию¹³⁹. Одна сторона стремится теперь превзойти другую.

Русские, всего несколько недель спустя после поездки Ленина, обосновывают немцам свою позицию так: „Теперь, когда Англия разрешает проезд всем, осторожность повелевает, чтобы Германия по легкомыслию не растеряла завоеванных симпатий. В этих целях... необходимо, чтобы Германия и теперь действовала так же, то есть разрешала бы проезд каждому, кто бы об этом ни ходатайствовал”¹⁴⁰.

Шлюзы открыты. Освобожденные революционные силы эмигрантов устремляются через них будто бурный поток, чтобы воссоединиться с революционными элементами в России. Так, в течение мая и июня 1917 года пересекают немецкую границу два следующих эмигрантских транспорта, в них едут более 400 человек. В том числе ведущие революционеры различных направлений, например Мартов, Аксельрод, Мануильский, Бобров, Луначарский и госпожа Балабанова¹⁴¹. Даже из Болгарии и Брюсселя едут через Германию, как, скажем, известный большевик Семашко¹⁴². Поездкой Ленина завершается „швейцарская фаза” русской революции, которая теперь идет к завершению в родной стране.

Было бы упрощенным и поверхностным подходить ко всему комплексу проблем, связанных с поездкой Ленина,

ставя только „вопрос вины”. Двойственность события — причем всемирная история остается как будто на втором плане — породила также двойственность и суждения о нем.

С точки зрения Германии, поездка Ленина — в связи с развитием немецко-русских взаимоотношений — является началом *невольного* содействия немецкой политики большевистской России. Однако перспективу происходившего нельзя представлять упрощенно: Шейдеман был не так уж далек от истины, полагая, что „умно составленный план” — та самая подмога большевикам при захвате власти — именно из-за „тупости” немецких участников на мирных переговорах в Брест-Литовске свелся на нет¹⁴³. Всегда, как это было в 1918, в 1941 и в последующие годы, когда немецкая политика объединяла в *единый* фронт национального самоутверждения русских патриотов всех идейных направлений, во всех этих случаях приходится говорить о просчетах самой немецкой политики. Однако решение в Рапалло, которое по меньшей мере было вынужденным, не вписывается в такую простую взаимосвязь.

И все же следует обратиться к гегелевской мысли о двуликости, о „лукавстве разума”. „Частное, — говорит Гегель в своей „Философии всемирной истории”, — в большинстве случаев слишком мелко по сравнению со всеобщим: индивидуумы приносятся в жертву и обрекаются на гибель”. Применительно к поездке большевистского вождя сказанное Гегелем можно было бы толковать примерно так: мерилом тут является совершение и завершение революции. Революция заставила эту поездку служить собственной цели — ей безразлично, что при этом будет разрушено, или кто при этом погибнет: падет ли германский кайзеровский рейх, сметен ли будет Людендорф, позже в советском исправительно-трудовом лагере погибнет как жертва сталинизма Фриц Платтен, а самому Ленину будет отпущено для его деятельности всего несколько коротких лет.

Но если бы мы хотели дать оценку событию, то Гегель, собственно, уже ее предвосхитил: „...во всемирной истории благодаря действиям людей вообще получают еще и несколько иные результаты, чем те, к которым они стремятся и которых они достигают, чем те результаты, о которых они непосредственно знают и которых они желают; они добиваются удовлетворения своих интересов, но благодаря этому осуществляется еще и нечто дальнейшее, нечто такое, что скрыто содержится в них, но не сознавалось ими и не входило в их намерения... что в непосредственном действии может

заключаться нечто дальнейшее, чего не было в намерениях и сознании действующей личности”.

В предлагаемой книге впервые опубликованные документы поделены на две группы: в каждой из них они расположены в хронологическом порядке. Техническое оформление издания осуществлялось в основном в соответствии с публикацией Г. Мейера „Политические документы в Министерстве иностранных дел Германии” (1920 г.). В каждом случае отмечалось, публикуются ли документы по оригиналу, фотографии или по микрофильмам.

В настоящее время эти немецкие документы находятся в распоряжении Министерства иностранных дел Великобритании и связанного с ним Государственного архивного управления в Лондоне, где они и хранятся (British Foreign Office. Public Record Office, London). Найденные документы дают возможность во всех подробностях пережить событие всемирно-исторического значения, позволяют подвергнуть анализу большие политико-стратегические взаимосвязи и в то же время проясняют такие детали, например, как происходило „снабжение довольствием на марше”. По этой причине настоящее издание подготовлено на более широком базисе.

Справочный аппарат был составлен критически и обстоятельно. Такой подход представляется более оправданным, так как соответствующие документы непосредственно или косвенно участвовавших стран (Швейцария, Швеция, Великобритания, Советский Союз) или не разрешались для исторического изучения¹⁴⁴, или публиковались лишь спорадически¹⁴⁵.

ДОКУМЕНТЫ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В КОМБИНАЦИЯХ И МЕРОПРИЯТИЯХ НЕМЕЦКОЙ ПОЛИТИКИ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ СЕПАРАТНОГО МИРА НА ВОСТОКЕ

Сентябрь 1914 г. — май 1917 г.

№ 1

Посланник в Берне барон фон Ромберг
В Министерство иностранных дел

Шифрованная телеграмма

Рукописный черновик посланника барона фон Ромберга

(Документы кайзеровской германской миссии в Берне. Отдел А. Россия. № 161; в настоящее время находятся в Министерстве иностранных дел Великобритании)

№ 578

Секретно!

Берн, 7 сентября 1914 г.

Русский¹, у которого, как представляется, имеются связи с революционерами в России, пытается через агента установить, в случае, если Россия в результате внутренних трудностей начнет мирные переговоры, пойдет ли на них Германия и не бросит ли она русских революционеров на произвол судьбы. Он полагает, что в результате больших русских потерь, особенно по материальной части, виды на революцию возрастают.

Через агента я пытался прежде всего установить, что здешним русским вождям точно известно о внутреннем положе-

нии России, планах и видах на революцию, а также об их отношении к национальному вопросу.

Был бы все же благодарен за указание, как мне поступать в дальнейшем, в связи с упомянутым зондажом.

Ромберг²

№ 2

**Заместитель статс-секретаря
Министерства иностранных дел Циммерман³
Посланнику в Берне барону фон Ромбергу
*Телеграмма. Расшифровка***

(Документы кайзеровской германской миссии в Берне. Отдел А. Россия; в настоящее время находятся в Министерстве иностранных дел Великобритании)

Послана из Берлина 9 декабря 1914 г. в 2.03 утра; поступила в Берн в 3.05 утра, в миссию в 7.50 утра.

№ 453

Ответ на телеграмму № 578. Если к Вашему высокоблагородию вновь обратится этот русский, который якобы поддерживает отношения с русскими революционерами, прошу обойтись с ним любезно, но избегая определенности.

Подпись: Циммерман

№ 3

**Посланник в Берне барон фон Ромберг
Рейхсканцлеру фон Бетман-Гольвегу⁴
*Черновик Ромберга***

(Документы кайзеровской германской миссии в Берне. Отдел А. Россия. № 161; в настоящее время находятся в Министерстве иностранных дел Великобритании.)

№ 794 (с дипломатической почтой, два приложения). Дата: Берн, 30 сентября 1915 г.

Секретно!

Эстонцу Кескюля⁵ посчастливилось с выяснением условий, на которых русские революционеры, в случае победы революции, были бы готовы заключить с нами мир. Их программа, по данным известного революционера Ленина⁶, содержит следующие пункты:

1. Установление республики.
2. Конфискация помещичьих земель.
3. Восьмичасовой рабочий день.
4. Полная национальная автономия⁷.
5. Предложение мира, без оглядки на Францию, но при условии, что Германия отказывается от аннексий и контрибуций.

К пункту 5 Кескюля замечает, что это условие не исключает отделения от России национальных государств, которые стали бы служить в качестве буферных государств.

6. Русские армии тотчас же покидают Турцию, и таким образом – отказ от Константинополя и Дарданелл.
7. Русская армия вступает в Индию.

Я оставляю вопрос открытым, придавать ли этой программе самой по себе большое значение, тем более что сам Ленин, как мне сообщили, довольно неоднозначно оценивает виды на революцию. Он, по-видимому, очень опасается недавно начатой оборонной кампании так называемых социал-патриотов⁸ против революции. По сведениям Кескюля, во главе этого движения стоят социалисты Аксельрод⁹, Алексинский¹⁰, Дейч¹¹, Дневницкий¹², Марк¹³, Ольгин¹⁴, Кахель¹⁵, Плеханов¹⁶. Они развертывают оживленную агитацию и, должно быть, распоряжаются крупными средствами, которые, очевидно, поступают от правительства. Их деятельность может быть тем опаснее для революции, поскольку сами они старые революционеры и, следовательно, основательно знают технику революции. Поэтому, по мнению Кескюля, есть срочная необходимость безотлагательно поспешить на помощь революционерам ленинского направления в Рос-

сии. В Берлине он лично доложит об этом. По его сведениям, настроение в настоящее время должно быть благоприятным в пользу переворота; множатся известия о рабочих беспорядках¹⁷, роспуск Думы¹⁸ вызвал всеобщее возбуждение. Но действовать нужно быстрее, прежде чем социал-патриоты одержат верх.

В приложении имею честь представить две агитационные брошюры¹⁹ социал-патриотов, которые они намерены широко распространить.

Но если даже, как уже говорилось, перспективы на переворот ненадежны и таким образом ценность ленинской программы сомнительна, все равно использование ее в неприятельских странах оказало бы неоценимую услугу. Особенно, по моему мнению, во Франции в условиях известной неосведомленности французов в иностранных, и особенно русских, делах она могла бы, при умелом распространении, воздействовать исключительно сильно. Если у Вашего превосходительства не будет других инструкций, я сообщил бы об этой программе некоторым французским агентам для распространения среди оппозиции. Я полагаю, что сама перспектива сепаратного мира Германии с русской демократией, при котором естественно французским миллиардам²⁰ будет грозить потеря, уже даст возможность добиться истинного триумфа над Делькассе²¹. Все это в конечном счете сыграет на руку нам при заключении сепаратного мира.

Конечно, ленинскую программу нельзя предавать гласности, во-первых, из-за того, что тем самым был бы разоблачен наш источник, а также потому, что дискуссией в прессе она потеряла бы для нас ценность. Я полагаю, ход этому надо было бы дать совершенно секретно, с тем чтобы возникла вера, что уже начаты переговоры с влиятельными русскими кругами.

Независимо от Франции, я хотел бы просить не говорить с Кескюля об использовании этой информации, дабы благодаря несвоевременному разглашению что-то могло быть выдано²².

Ромберг

№ 4

Статс-секретарь Министерства иностранных дел
фон Ягов

Посланнику в Берне барону фон Ромбергу

Шифрованная телеграмма

(Министерство иностранных дел, политический отдел, документы, касающиеся общих вопросов России. Микрофильм, Государственный архив, Лондон. Также в документах кайзеровской германской миссии в Берне. Отдел А. Россия. № 158)

Берлин, 4 октября 1915 г.

№ 1081

Имея в виду опасность разглашения и передачи русскому правительству ленинской программы, французским агентам пока не передавать²³.

фон Ягов

№ 5

Посланник в Берне барон фон Ромберг

В Министерство иностранных дел

Телеграмма. Расшифровка

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51F)

Послана из Берна 23 марта 1917 г., в 4.45 после полудня; поступила в 7.10 после полудня; вручена 23 марта 1917 г. после полудня.

№ 522

В связи с докладом № 779

Совершенно секретно! Очень спешно!

Вейс²⁴, с которым 25 марта у меня предстоит встреча, просил мне передать: дело революции обстоит весьма благоприятно, и он готов всеми силами продолжать нашу общую работу, направленную на достижение скорого мира. Однако ему должно быть точно известно, в какой мере он может и в будущем рассчитывать на нашу моральную поддержку и какую позицию займут центральные державы в отношении возможного социалистического русского правительства.

Рекомендую уполномочить меня передать ему примерно следующее: у нас нет желания вести войну против русского народа, мы хотели бы быть с ним в хороших отношениях. К тому же мы не имеем намерения вмешиваться во внутренние дела России и с радостью приветствовали бы стремление любого русского правительства, которое сводилось бы к восстановлению хороших взаимоотношений между Германией и Россией.

Прошу телеграфного указания до вечера 24 марта.

Ромберг

№ 6

**Посланник в Берне барон фон Ромберг
Рейхсканцлеру фон Бетман-Гольвегу**

Копия оригинала

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51F)

Дата: Берн, 27 марта 1917 г.; вручена 29 марта 1917 г.

№ 855

Совершенно секретно!

Содержание: беседа с нашим русским агентом Вейсом.

Я имел обстоятельную беседу с Вейсом, во время которой он настойчиво стремился прежде всего выяснить, как мы будем вести себя по отношению к революции в России. Особенно ему хотелось знать, не может ли случиться, что при известных обстоятельствах мы поддержим реакционную контрреволюцию, как это часто утверждается и намеренно распространяется нашими противниками; кроме того, серьезно ли мы собираемся поощрять пацифистские стремления революционной партии или же мы только будем пытаться использовать в военном отношении вызванную революцией дезорганизацию и уменьшившуюся сопротивляемость русской армии. Неблагоприятное впечатление вызвала у революционеров статья в газете „Lokalanzeiger“, выступающей как бы в качестве официоза. В этой статье говорится, что переворот в России означает большую опасность для Германии. Если бы Германия хотела усилить паци-

фистское направление в России, следовало бы избегать всего, чем могли бы воспользоваться подстрекатели войны в России и в странах Антанты. Антанта употребит все средства, чтобы натравить на нас русское население. Показательна здесь та вновь начатая в прессе Антанты кампания устрашения якобы нашими зверствами. Крайне желательно поэтому, чтобы со стороны авторитетной немецкой инстанции было бы что-то предпринято для убеждения русских революционеров в том, что и в Германии начнется новое время; ведь нет для нас ничего опаснее расхожего мнения-лозунга, будто Германия отныне последний оплот реакции, который должен быть уничтожен. Особенно благоприятное воздействие возымела бы опубликованная по какому-либо поводу политическая амнистия в Германии и здравомыслящим представителям крайне левых, таким как Ледебур²⁵, был бы разрешен выезд, с тем чтобы они могли вступить в сношения с русскими революционерами, ибо с людьми, подобными Шейдеману²⁶, революционеры разговаривать не захотят.

Господин Вейс убежден, что с той же определенностью, с какой он предсказал нам революцию на весну этого года, он может заверить нас, что пацифисты возьмут верх при условии, если с нашей стороны не будут допущены слишком большие ошибки. Я ответил господину Вейсу, что нам следовало бы предъявить его партии точно такие же требования, какие они предъявляют нам. От ее образа действия будет зависеть и наш образ действий. Само по себе в наши намерения не входит мешать революции или использовать ее в военных целях, если мы получим убедительные доказательства, что она в своем развитии обретает пацифистскую направленность. У нас, как и прежде, нет иного желания, как жить в мире с нашими восточными соседями; если мы в прежние времена ориентировались в основном на императорскую семью, то объясняется это тем, что в ней и почти только в ней мы находили понимание и поддержку для нашей добрососедской политики. Если бы мы нашли сейчас подобные же хорошие намерения у крайне левых, это нас устроило бы в той же мере, и мы стали бы поощрять всякое направление, которое будет способствовать миру. Но, с другой стороны, нельзя требовать от нас, чтобы в ходе войны мы попросту бездейственно наблюдали, как обосновывается и укрепляется новый режим в России, если нам не будут даны определенные доказательства, что это делается не в ущерб нам. Отсюда его задача — постоянно держать нас в курсе развития дальнейших событий. Господин Вейс вполне согласился со мной и сказал, что было бы в интересах самой его партии посоветовать наступление, как скоро он увидит, что тенденция к миру не мо-

жет осуществиться. Он полагает, что уже в мае станет совершенно ясно, в каком направлении пойдет дело в дальнейшем.

На мой вопрос, как в собственной его партии думают об условиях мира, он высказался так: войну ради Эльзас-Лотарингии никто не стал бы продолжать, так же как и ради Курляндии. Для Польши желательна нейтрализация, обеспеченная гарантией соседних государств, так что Россия, правда, потеряла бы Польшу, но это в то же время не способствовало бы укреплению Германии. Потребовалась бы, далее, интернационализация Дарданелл.

В заключение обсуждался вопрос о продолжении наших отношений с Вейсом. Он разъяснил мне, что кадеты²⁷ в союзе с Антантой распоряжаются неограниченными средствами для своей пропаганды. Напротив, революционеры, как и прежде, в этом смысле вынуждены преодолевать большие трудности. До сих пор он претендовал у нас только на очень ограниченные средства, скорее всего из предосторожности, потому что обладание большими деньгами могло бы вызвать к нему подозрение со стороны его собственной партии. Сегодня подобных опасений больше не существует. Чем больше суммы мы могли бы предоставить в его распоряжение, тем больше он мог бы действовать в пользу мира. По этому поводу я хотел бы прежде всего рекомендовать, чтобы в распоряжение господина Вейса были бы предоставлены на апрель 30 000 франков, которые он в первую очередь хочет употребить на то, чтобы стала возможной поездка его влиятельных партийных друзей в Россию. Ведь вполне обоснованно следует предполагать, что вскоре разовьются оживленные сношения между немецкими социалистами и русскими революционерами, и при этом еще в большей степени будет возникать вопрос о финансовом содействии деятельности, направленной на установление мира. Тогда выяснится, будем ли мы еще нуждаться в содействии господина Вейса. Но пока что, я думаю, было бы неразумно распрощаться с ним в этот решающий момент и тем самым напугать его. Факты доказывают, что он, во всяком случае, правдиво информировал нас и, как мне кажется, давал полезные советы. В какой мере он практически способствовал успеху, я правда, не могу указать, но зато и расходы, связанные с отношениями с ним, не были высоки. Я просил бы к 1 апреля дать указание, должен ли я выплатить Вейсу 30 000 франков и вправе ли я сказать ему о возможности предоставления дальнейших субсидий. 2 апреля я вижусь с ним снова.

Подпись: Ромберг

**Посланник в Берне барон фон Ромберг
Рейхсканцлеру фон Бетман-Гольвегу**

Копия оригинала

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51F)

Дата: Берн, 29 марта 1917 г.; вручена 1 апреля 1917 г. утром.

№ 879

С королевским фельдъегерем.

Секретно!

Кайзеровский генеральный консул в Базеле узнал из достоверного источника следующее:

находящиеся в Швейцарии — в Берне, Цюрихе и Женеве — русские социалистические и нигилистические комитеты обратились к представителям немецких газет в Швейцарии с просьбой содействовать через свои газеты тому, чтобы Германия не предприняла наступления против России, поскольку таковое помешало бы мирным планам означенных комитетов²⁸.

Ромберг

**Посланник в Копенгагене граф Брокдорф-Ранцау
В Министерство иностранных дел**

Телеграмма. Расшифровка

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51F)

Дата: Копенгаген, 2 апреля 1917 г., принята 3 апреля, в 3.13 утра; поступила 3 апреля.

Совершенно секретно!

Имел с господином фон Скавениусом²⁹ обстоятельную беседу о положении в России. Министр придает подстрекательским речам социалиста Скобелева³⁰ куда меньшее значение, чем хотела бы им придать пресса Антанты. Вместе с тем господин фон Скавениус видит в этом пример того, что Англия поддерживает контакт и с крайними социалистическими кругами.

В связи с русской революцией для определения нашей позиции, по моему мнению, имеются две возможности:

Либо мы в состоянии как в военном, так и в экономическом отношении успешно продолжить войну до осени. В этом случае мы непременно теперь же должны искать пути для создания в России возможно большего хаоса. Для достижения этой цели нам следует избегать всякого заметного извне вмешательства в ход русской революции. По моему мнению, нам необходимо, напротив, сделать все возможное, чтобы исподволь и скрытно углубить противоречия между умеренными и крайними партиями, ведь мы наиболее заинтересованы в том, чтобы последние одержали верх, ибо тогда переворот станет неизбежным и обретет формы, которые должны потрясти основы русской империи. Даже если умеренное направление осталось бы у руководства, я не мог бы, честно говоря, поверить в переход к нормальным отношениям без тяжелых конвульсий. Несмотря на это, по моему мнению, в наших интересах оказывать предпочтение крайним элементам, ибо вследствие этого будет проведена более основательная работа и скорейшее завершение дела. По всей вероятности, через какие-нибудь три месяца в России произойдет основательный развал, и в результате нашего военного вмешательства будет обеспечено крушение русской мощи. Если же мы сейчас преждевременно начнем наступление против России, то тем самым дали бы только стимул всем центробежным силам собраться воедино и, возможно даже, объединить армию для борьбы с Германией.

Но если до конца этого года мы не в состоянии продолжить войну с перспективами на успех, то следовало бы попробовать пойти на сближение с находящимися у власти в России умеренными партиями³¹ и привести их к убеждению, что, если они будут настаивать на продолжении войны, они тем самым будут обеспечивать только интересы Англии, прокладывая путь

реакции и, таким образом, сами поставили бы под угрозу завоеванные свободы³². В качестве добавочного аргумента следовало бы внушить Милюкову³³ и Гучкову³⁴, что Англия в связи с неустойчивым положением в России могла бы попытаться договориться с нами за ее счет.

Ранцау³⁵

№ 9

Посланник в Берне барон фон Ромберг

В Министерство иностранных дел

Телеграмма. Расшифровка

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 F)

Дата: Берн, 3 апреля 1917 г.; принята 4 апреля в 1.00 утра, получена 4 апреля 1917 г. в 4.45 утра; вручена 4 апреля 1917 г. утром.

Секретно!

С ссылкой на телеграмму № 597³⁶.

Русский агент Вейс заверяет, что революционное движение в России принимает совершенно удовлетворительное и предвещающее мир направление. Вейс, правда, указывает на раскол в Комитете рабочих и солдат*, причиной чего является возрастание в нем числа тех, кто присоединяется к взглядам Ленина (sic!). Ленинское крыло намерено прямым штурмом добиться мира³⁷, придерживается взгляда, что все революционные элементы должны действовать самостоятельно и прекратить сотрудничать с Временным³⁸ правительством³⁹. Другое крыло этого Комитета состоит частью из социал-патриотов, частью из колеблющихся элементов, не обретших еще руководителей,

* По-видимому, имеется в виду Исполнительный Комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. — Прим. ред.

которые готовы оказывать поддержку Временному правительству, пока оно не осуществит демократические реформы. Это крыло, не доверяя Германии, рассматривает положение пока еще как весьма неопределенное, но, по существу, они также за мир и не имеют никаких аннексионистских планов. Крыло это находится под английским и французским влияниями; в особенности же огромные суммы предоставляют англичане. К этому крылу принадлежит и господин Чхеидзе⁴⁰, но только потому, что пока он должен лавировать, чтобы укрепить свою политическую позицию. Но, согласно заверению Вейса, можно твердо рассчитывать, что Чхеидзе *безусловно* стоит за мир.

Англичане приложат все усилия, чтобы помешать взаимопониманию между немецкими и русскими социал-демократами. Вейс считает чрезвычайно важным, чтобы немецкие социал-демократы безотлагательно объяснили господину Чхеидзе и революционным партиям в России, в связи с уже посланной ими телеграммой, почему революция в Германии не имеет никакого смысла и не нужна. Предложенный господином Вейсом проект соответствующего заявления немецких социал-демократов следует с телеграммой 597⁴¹. Немецким социал-демократам проект, пожалуй, можно было бы предложить, доверительно сообщив, что он от русских...⁴² революционеров, но при этом, конечно, Вейс не должен быть скомпрометирован.

Вейс также сообщает, что здешние революционеры еще ждут разрешения Временного правительства на проезд через Германию, без которого они не хотели бы ехать. Революционеры узнали, что Англия их не пропустит.

Ромберг

№ 10.

Посланник в Берне барон фон Ромберг

В Министерство иностранных дел

Телеграмма. Расшифровка

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретно. Документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51F)

Послана из Берна 14 апреля 1917 г., в 11.45 после полудня; получена 15 апреля 1917 г., в 4.36 утра; вручена 15 апреля 1917 г.

Секретно!

Социалист, советник Национального совета Швейцарии *Гримм*⁴³ попросил содействия у федерального советника *Гофмана*⁴⁴ выхлопотать ему разрешение на поездку в Стокгольм и обратно; из Стокгольма он, возможно, поедет в Петербург. Ему представляется, что его присутствие там необходимо, чтобы нейтрализовать вредные для мира действия *Брантинга*⁴⁵. По его мнению, возможность достижения с Россией сепаратного мира должна быть непременно использована, тогда последовал бы всеобщий мир. Хотя *Гофман* лично и противник *Гримма*, о характере которого он невысокого мнения, все же он склонен ходатайствовать о разрешении. *Гримм*, как известно, резко боролся против нас, однако он неуклонно выступал в качестве противника войны, играл ведущую роль в *Циммервальде*⁴⁶ и *Кинтале*⁴⁷, имеет некоторые связи как с русскими и французскими крайне левыми, так и с группой *Либкнехта*⁴⁸. В отношении его стремлений к установлению мира *Гофман* считает его *in puncto* (абсолютно. — Ред.) честным. Он стремится сделать заслугой пролетариата возврат мира на земле. Наши проправительственные социалисты, разумеется, не хотят ничего знать о нем⁴⁹.

Гримм сегодня лично высказал мне ту же самую просьбу, говорил он вполне разумно.

Ему хотелось бы в Петербург:

во-первых, чтобы добиться разрешения на официальное возвращение через Германию русским эмигрантам в Швейцарию, особенно социалистам-революционерам⁵⁰, имеющим большое влияние среди крестьян, или, по меньшей мере, чтобы такое разрешение было дано Комитетом*. Без подобного прикрытия они не решаются на поездку;

во-вторых, он хочет выяснить возможность заключения мира и при этом готов поделиться с нами своими впечатлениями, например, через швейцарское посольство в Петербурге. Действовать необходимо быстро и притом, по его мнению, умеренным членам „*Deutschen Arbeitsgemeinschaft*”⁵¹, таким

* Имеется в виду Исполнительный Комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. — Прим. ред.

как Каутский (sic!)⁵², Меринг⁵³, Гаазе⁵⁴, должно быть разрешено говорить с русскими в Стокгольме; дальше он думает, что немецкое контрвыступление по поводу манифеста Львова⁵⁵ крайне необходимо. В нем должно быть объявлено об отказе от аннексий и контрибуций, с тем чтобы укрепить в России позиции партии, стоящей за мир. Я позволю себе добавить, что русские революционные круги настоятельно предупреждают нас от любой манифестации, которая создала бы впечатление, что мы с помощью революционеров спекулируем на военной дезорганизации России. Так, опубликование поздравления кайзера в связи со Стоходом⁵⁶, а также приписываемые фельдмаршалу Гинденбургу⁵⁷ высказывания о том, что революция содействует его целям⁵⁸, наконец, такие высказывания прессы, как, например, статья Ревентлова⁵⁹ в газете „Deutsche Tageszeitung“ от 12 числа этого месяца⁶⁰, причинили неизмеримый вред.

Гофман и президент Шульхесс⁶¹, особенно под впечатлением объявления войны Америкой⁶², кажутся нервными и обеспокоенными тем, что может остаться неиспользованной возможность добиться мира с русскими, намекают — не удовлетворимся ли мы миром при условии отказа от аннексий на Востоке и создания пограничных государств с гарантированной автономией. Мне представляется в связи с этими обстоятельствами необходимым поддержать разрешение на поездку Гримма, даже если наши социалисты будут высказываться против. После того, как Гримм осуществил ценную для нас поездку Ленина и его товарищей, в последнее время в газете „Tage-wacht“⁶³ и в Национальном совете Швейцарии соблюдает желательную нам позицию, было бы неразумно, если бы мы захотели воспрепятствовать его поездке. Он воспринял бы это, поскольку он очень тщеславен, как тяжкую обиду и был бы в состоянии сильнейшим образом вредить нам благодаря своим связям в революционных лагерях всех стран. Он просит дать гарантии, что сможет беспрепятственно проехать туда и обратно, и ему будет позволено взять с собой некоторое количество прокламаций и других печатных изданий. Я полагаю, что следовало бы обращаться с ним так же, как и с брюссельскими эмигрантами. Причинить военный вред он не может, а политически — несомненно полезен. В одном не приходится сомневаться, что русские революционеры скорее прислушаются к швейцарцу Гримму, который им симпатичен как циммервальдовец, чем к немецким социалистам, особенно шейдеммановского направления.

Прошу возможно более срочного решения.

Ромберг

**Статс-секретарь Министерства иностранных дел
Циммерман**

Посланнику в Берне барону фон Ромбергу

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании. 520/51F)

№ 428

Берлин, 15 апреля 1917 г.

Ответ на № 663, от 14 апреля.

Спешно!

Ничто не препятствует проезду Гримма туда и обратно. Предложить ему перейти немецкую границу у Вейль⁶⁴ – Леопольдсхее и ехать через Заснитц или Варнемюнде. Возвращение тем же путем. Печатные издания, которые Гримм повезет с собой, останутся с ним без досмотра. Прошу дать Гримму с собой рекомендательное письмо для пограничных властей. Желательно телеграфное уведомление о дне въезда в Германию.

Циммерман

Советник миссии из свиты кайзера

барон фон Грюнау

В Министерство иностранных дел

Телеграмма. Копия

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51F)

№ 498

Послана из Главной ставки 15 апреля 1917 г., в 8.00 после полудня, поступила в 11.35 после полудня; вручена 16 апреля 1917 г. утром.

Барону Лангверту⁶⁵

Высшее военное командование разрешило проезд советника Национального совета Швейцарии Гримма через Германию. Пограничные власти извещены, им указано — для въезда Вейль-Леопольдсхёе, для выезда — Заснитц или Варнемюнде, содержание печатных изданий и прокламаций Гримма не проверять.

Рекомендательное письмо кайзеровского посланника в Берне пограничным властям необходимо — возвращение домой следовало бы осуществить тем же путем.

Подпись: Грюнау⁶⁶

№ 13

Посланник в Берне барон фон Ромберг

В Министерство иностранных дел

Телеграмма. Расшифровка

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51F. Черновик в документах кайзеровского германского посольства в Берне. Отдел А. Россия. № 161)

Дата: Берн, 16 апреля 1917 г.; принята 17 апреля в 12.30 утра; поступила в 7.15 после полудня; вручена 17 апреля после полудня.

№ 672

Ответ на телеграмму № 429.

Секретно!

Задание было уже выполнено⁶⁷. Продолжаю придерживаться — так же, как и федеральный советник Гофман — взгляда, что решение было правильным, тем более что князь Львов⁶⁸ говорил швейцарскому послу в Петербурге: для него отъезд эмигрантов из Швейцарии создает крайне неудобную ситуацию⁶⁹. Что поездка эта могла осуществиться — заслуга Гримма. Гримм, как известно, несомненно наиболее решительный противник

официальной Германии, но и не более дружественно относится к Антанте, как, скажем, Гаазе, Ледебур. Нигде так не страшились Циммервальдской и Кинтальской конференций⁷⁰, руководителем которых был Гримм, нигде с ними так не боролся, как во Франции и Англии. Гримм решительно высказался у Гофмана за сепаратный мир с Россией. Мне он сегодня сказал: Антанта распространяет сообщения, будто бы мы хотим заключить сепаратный мир с русскими, чтобы обрушиться на Францию; он стремится опровергнуть это мнение. В Национальном совете Швейцарии Гримм внес запрос, направленный против позиции депутатов от Западной Швейцарии; согласно его запросу, Швейцария должна будет, в случае протеста против нарушений Германией международного права, подобным же образом протестовать и против Антанты. Судя по событиям в России, Гримм едва ли сможет придерживаться другой политики, нежели той, которую, по всей вероятности, проводит Ленин; это означает продолжение революции, а также принуждение теперешнего правительства к заключению мира вразрез с его интересами.

Мне кажется, что Шейдеман враждует с этим (sic!) Гриммом, боится его вмешательства из личных и партийных соображений. По моему мнению, все идет к тому, чтобы всеми средствами разжигать русскую революцию и в этих целях годится сотрудничество даже с каким-нибудь Гриммом, независимо от движущих им побуждений и его взглядов.

Поскольку он все же теперь едет и спрашивал меня, что он мог бы передать в России, прошу разрешения ответить — мы стоим на почве опубликованного теперь германо-австрийского заявления в пользу мира⁷¹.

Ромберг

№ 14

Посланник в Берне барон фон Ромберг

В Министерство иностранных дел

Телеграмма. Расшифровка

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании. 520/51F)

Послана: из Берна 19 апреля 1917 г., в 7.35 после полудня; поступила в 10.05 после полудня; вручена 20 апреля 1917 г. после полудня.

№ 694

Секретно!

Личностью, заслуживающей доверия, тесно соприкасающейся с русскими революционерами, было указано, что на прокламацию Львова⁷² следовало бы с немецкой стороны более четко, чем это прозвучало в ответе, опубликованном в газете „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“⁷³, разъяснить, что Германия при заключении мира с Россией со своей стороны тоже отказалась бы от аннексий. Такое заявление чрезвычайно облегчило бы задачу русских революционеров, стремящихся к скорейшему заключению мира. Далее, по мнению моего очень хорошо информированного доверенного лица, в немецкой прессе слишком мало уделяли внимания сущности прусской избирательной реформы⁷⁴. Если бы значение этой реформы было разъяснено всесторонне, русские пацифисты имели бы возможность лучше обосновать свое утверждение, что Россия могла и должна была бы заключить мир с *новой* Германией.

Ромберг

№ 15

Посланник в Берне барон фон Ромберг

В Министерство иностранных дел

Телеграмма. Расшифровка

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война. 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51F)

Послана из Берна 24 апреля 1917 г., в 5.40 после полудня; поступила в 8.07 после полудня; вручена 25 апреля 1917 г. утром.

Секретарь Интернационального объединения социалистических молодежных организаций Мюнценберг (sic!)⁷⁵ просит разрешения для проезда в Стокгольм на предстоящее в самом ближайшем времени заседание объединения⁷⁶. Надежное доверенное лицо рекомендует дать разрешение, поскольку Мюнценберг будет действовать ради мира. Прошу телеграфного ответа — должна ли быть дана виза⁷⁷.

Ромберг

№ 16

Посланник в Берне барон фон Ромберг

Рейхсканцлеру фон Бетман-Гольвегу

Шифрованная телеграмма

Черновик Ромберга

(Документы кайзеровской германской миссии в Берне. Отдел А. Россия. № 158/I; в настоящее время находятся в Министерстве иностранных дел Великобритании)

№ 856

Берн, 13 мая 1917 г.

Совершенно секретно!

Адольф Мюллер⁷⁸ просит меня телеграфировать Вашему Превосходительству следующее: весь мир напряженно ожидает заявлений Вашего Превосходительства, от которых будет зависеть решение вопроса о войне⁷⁹. На основе добросовестнейшего изучения положения дел он пришел к горькому убеждению, что мир с Россией может быть достигнут лишь при несомненном отказе от аннексий и контрибуций. Без этой предпосылки отделение России от ее союзников исключено. Но если такой отказ произойдет, то можно было бы почти гарантировать, что вскоре был бы заключен сепаратный мир с русскими. Наш риск при подобном заявлении незначителен, так как полностью исключено, чтобы Англия уже сейчас была готова вести переговоры на этой базе. Если же вопреки всем ожиданиям случится именно так, у нас было бы достаточно козырей на руках, чтобы выторговать полноценные уступки. Он не может достаточно настоятельно рекомендовать следовать его совету, так как стало бы весьма быстро известно, что мир можно было

бы заполучить такой ценой. Разочарование в этой надежде и новая зимняя военная кампания вызвали бы в стране весьма серьезные последствия, за которые он никакой ответственности не хотел бы нести. О настроениях в нашем народе, армии и даже в кругах высшего офицерства строятся иллюзии.

Формула нашего заявления должна бы быть совершенно простой и недвусмысленной, чтобы воздействовать на русских солдат и рабочих; у русских революционеров все еще сохраняется сильное недоверие к нашему правительству; чтобы его поддержать, затрачиваются чудовищные английские и американские денежные средства. В заявлении следовало бы также уклониться от всего, что могло бы быть воспринято как вмешательство в русские дела, а следовательно, и более конкретное вмешательство в национальный вопрос⁸⁰.

Федеральный советник Гофман, на основе имеющихся у него данных, полностью разделяет эту точку зрения.

Точно такой же взгляд высказал и Склярц⁸¹, имевший общение с русскими революционерами в Стокгольме. Ему не довелось передать соответствующую запись, которую хотел получить фон Лангверт⁸². Склярц полагает, что наиболее благоприятный момент для нашего заявления уже прошел, так как Гучков опять обрел почву под ногами⁸³, однако успех еще вполне возможен.

Ромберг

№ 17

Посланник в Берне барон фон Ромберг

В Министерство иностранных дел

Телеграмма. Расшифровка

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51F. Черновик Ромберга в документах кайзеровской германской миссии в Берне. Отдел А. Россия. № 158/2; в настоящее время находятся в Министерстве иностранных дел Великобритании)

Дата: Берн, 14 мая 1917 г.; принята 15 мая в 1.30 утра; поступила 15 мая в 9.45 утра.

№ 866

В дополнение к телеграмме № 856.

Федеральный советник Гофман подтвердил сообщенную мне д-ром Мюллером запись, согласно которой переговоры о сепаратном мире с Россией станут в ближайшее время бесперспективными. Напротив, русские, едва они уверятся в том, что мы отказались от аннексий и контрибуций, будут оказывать нажим на союзников, с тем чтобы они заключили мир на той же основе. Ввиду абсолютной уверенности, что союзники ответят отказом, русские затем будут считать себя вправе вести переговоры о сепаратном мире.

Важно, чтобы было устранено существующее разногласие между заявлением Чернина⁸⁴ и нашим⁸⁵, на котором спекулирует Антанта. Гофман понимает невозможность возобновления нашего предложения Антанте о мире⁸⁶, тогда как мы, не теряя достоинства, можем повести в отношении России разговор в предупредительном тоне.

ДОКУМЕНТЫ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСПОРТЫ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ ИЗ ШВЕЙЦАРИИ И БОЛГАРИИ ЧЕРЕЗ ГЕРМАНИЮ В РОССИЮ

Март — июль 1917 года

№ 18

Посланник в Берне барон фон Ромберг

В Министерство иностранных дел

Телеграмма. Расшифровка

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 E. Черновик от руки Ромберга. Документы кайзеровской германской миссии в Берне, Отдел А, касающиеся русских эмигрантов, № 162/1; в настоящее время находятся в Министерстве иностранных дел Великобритании)

Послана из Берна 23 марта 1917 г., в 12.10 утра; поступила в 3.55 утра; вручена 23 марта 1917 г. утром.

№ 518

Совершенно секретно!

Федеральный советник Гофман узнал, что здешние выдающиеся революционеры имели бы желание возвратиться домой в Россию через Германию; они страшатся пути через Францию из-за опасности нападения подводных лодок при дальнейшем

следовании морем. Прошу указания на тот случай, если подобные ходатайства поступят ко мне.

Ромберг

№ 19

**Статс-секретарь Министерства иностранных дел
Циммерман**

**Представителю Министерства иностранных дел
при Главной ставке**

секретарю миссии барону фон Лерснеру¹

Телеграмма по Юзу

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 E)

№ 461

Берлин, 23 марта 1917 г.

Кайзеровский посланник в Берне телеграфирует (источник — телеграмма посланника в Берне барона фон Ромберга в Министерство иностранных дел, № 518 от 23 марта 1917 г.; см. выше док. № 18):

Так как мы заинтересованы в том, чтобы влияние радикального крыла революционеров в России одержало верх, мне кажется допустимым возможное разрешение проезда через Германию. Поэтому я хотел бы поддержать разрешение на этот проезд. Ваше высокоблагородие, соизвольте уведомить об этом Верховное главнокомандование, попросив их высказать свою точку зрения.

Циммерман

№ 20

**Представитель Министерства иностранных дел
при Главной ставке секретарь миссии
барон фон Лерснер**

В Министерство иностранных дел

Телеграмма

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 E)

Послана из главной ставки 25 марта 1917 г., в 12.15 утра; получена в 1.15 утра; вручена 25 марта утром.

№ 371

Срочно!

На телеграмму № 461.

Верховное главнокомандование велит телеграфировать:

В отношении проезда русских революционеров нет никаких сомнений, если они будут отправлены одним общим транспортом с надежным сопровождением. Урегулирование может последовать в Берлине через представительство Отдела III б² с Министерством иностранных дел.

Подпись: Лерснер

№ 21

Заместитель статс-секретаря Министерства иностранных дел фон Штумм³

Посланнику в Берне барону фон Ромбергу

Шифрованная телеграмма

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 E)

№ 344

Берлин, 25 марта 1917 г.

На телеграмму № 371.

У Верховного главнокомандования нет никаких сомнений в отношении проезда русских революционеров, если они будут отправлены одним общим транспортом с надежным сопровождением. По поводу урегулирования с транспортом будут даны дополнительные указания⁴.

фон Штумм

Заместитель статс-секретаря Министерства иностранных дел фон Штумм

Посланнику в Берне барону фон Ромбергу

Шифрованная телеграмма

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 E)

№ 348

Берлин, 26 марта 1917 г.

В связи с телеграммой № 344.

Один общий транспорт под военной охраной, передача на выбор у пограничного пункта Готмадинген⁵ или Линдау через надежного консульского чиновника. Срочное сообщение о дате выезда и поименные списки должны находиться здесь за четыре дня до перехода границы. Возражения Генерального штаба против отдельных лиц маловероятны. На всякий случай будет обеспечен обратный транспорт в Швейцарию⁶.

фон Штумм

Посол в Берне барон фон Ромберг

В Министерство иностранных дел

Телеграмма. Расшифровка

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 E. Черновик от руки Ромберга. Документы кайзеровской германской миссии в Берне, отдел А, касающиеся русских эмигрантов. № 162/1; в настоящее время находящиеся в Министерстве иностранных дел Великобритании)

Послана из Берна 28 марта 1917 г., в 11.40 после полудня; поступила 29 марта в 1.55 утра.

Ответ на телеграмму № 344.

На многих собраниях русских эмигрантов обсуждался вопрос о возвращении в Россию через Германию и было высказано пожелание предложить немецкому правительству в виде компенсации возврат задержанных в России гражданских лиц, а возможно, и военнопленных. В таком смысле советник Национального совета Швейцарии социалист Гримм высказал федеральному советнику Гофману пожелание собравшегося в Цюрихе одного из комитетов⁷ по репатриации⁸. Я просил господина Гофмана сказать Гримму, что у нас против проезда принципиальных возражений не возникает. Гофман хочет через Гримма посоветовать этому комитету просить министра Керенского⁹ вступить через шведское правительство в связь с нами по поводу разрешения на проезд. Эмигранты не могут непосредственно обратиться к нам, ибо тем самым они были бы скомпрометированы. По тем же причинам не рекомендуется, чтобы мы открыто высказали слишком большую заинтересованность. Главным мне представляется прежде всего, чтобы эмигранты увидели — мы хотим им пойти навстречу. Но, может быть, имело бы смысл ненавязчиво дать понять о нашей готовности и через шведское посольство в Петербурге.

Ромберг

№ 24

Доклад одного из агентов военному атташе миссии в Берне майору фон Бисмарку

(Документы кайзеровской германской миссии в Берне, отдел А, касающиеся русских эмигрантов. № 162/1; в настоящее время — в Министерстве иностранных дел Великобритании)

Копия под № 4890/17 для господина фон Шуберта¹⁰.

Касается пункта 223 (Русская революция). Цюрих, 27 марта 1917 г.

Сегодня вечером господин Ленин, а в ближайшую пятницу господин д-р О. Блюм¹¹ (прежде — редактор социалистической газеты в Риге) — оба этих социалистических вождя сделают по докладу о русской революции¹². Я просил АВ 10¹³, который тоже лично знает д-ра Блюма, побывать на докладе и сделать соответствующее секретное сообщение.

Далее, я хотел бы передать для обсуждения как-то услышанное мною оригинальное предложение, чтобы немецкое правительство разрешило непригодным к военной службе русским эмигрантам, находящимся в Швейцарии, свободный проезд через Германию, с тем чтобы люди не подвергались паспортным мытарствам со стороны Антанты и опасности нападения наших подводных лодок на морских путях в Россию. Я думаю, что это предложение должно быть поддержано, поскольку при нынешнем положении мы крайне заинтересованы, чтобы радикальная партия, стоящая за мир, взяла бы верх, а к ней принадлежат почти все находящиеся здесь эмигранты. Кажущаяся предупредительность, следовательно, будет только полезна и заодно станет действенной демонстрацией против прежнего враждебного нам правительства, а также против кадетов, ныне все еще находящихся у руля власти, которым возвращение влиятельных радикальных элементов совершенно нежелательно. Для всех них как представитель наиболее авторитетен Горький¹⁴, а он высказался за немедленный, но не унижительный мир¹⁵.

Это разрешение было бы, пожалуй, наиболее целесообразно передать в Берн через профессора Рейхесберга¹⁶, который в течение долгих лет является председателем русской эмигрантской кассы взаимопомощи. Если желаете, я мог бы поговорить с Р., которого хорошо знаю много лет и который ко мне расположен. Возможно, это следовало бы осуществить и этим путем, чтобы наши новые мирные предложения, переданные таким корректным дипломатическим образом, с помощью преднамеренной разговорчивости были бы доведены до русского рабочего класса, дали бы в руки его вождям могучее средство пропаганды. Еще напоминаю, что круги, в общем-то настроенные к нам благосклонно, шокированы редакционным стилем нашей русской газеты „Russkij Wjestnik”¹⁷ для военнопленных. Газета коварным образом весьма неумно высказалась за старую систему. Опирается ли мой осведомитель в своем обоснованном возмущении на сходную статью во „Frankfurter Zeitung” („I. Morgenblatt” от 24 марта 1917 г.), установить не удалось.

№ 25

Посланник в Берне барон фон Ромберг Рейхсканцлеру фон Бетман-Гольвегу

Оригинал

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия

для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 Е. Черновик Ромберга в документах кайзеровской германской миссии в Берне. Отдел А, касающийся русской эмиграции. № 162/1; в настоящее время находится в Министерстве иностранных дел Великобритании)

Дата: Берн, 29 марта 1917 г.; вручен 2 апреля 1917 г. утром.

№ 887

Секретно!

С королевским фельдъегерем.

Содержание: поездка русских революционеров из Швейцарии в Россию.

У господина Вальца, директора швейцарского агентства печати и издателя „Tagesanzeiger“, в Цюрихе работает сотрудником один русский, назвавшийся д-ром Браунштейном¹⁸.

Настоящее имя этого русского не Браунштейн, а Семковский¹⁹. Прежде он был секретарем у известного русского социалистического вождя Аксельрода, и теперь он председатель заграничного секретариата Организационного комитета русской социал-демократической рабочей партии²⁰. Он рассказал господину Вальцу, что недавно в Цюрихе состоялось собрание русских эмигрантов, которое высказалось за мир. Кроме русских эмигрантов — их в Цюрихе было около 160 — в собрании участвовали несколько французских и итальянских революционеров и два швейцарских социалиста. Была послана телеграмма Керенскому и Милюкову, чтобы узнать, можно ли вернуться в Россию²¹.

Браунштейн зондировал у господина Вальца, считает ли он возможным, чтобы русские эмигранты могли бы вернуться в Россию через Германию. Он опасается, что Антанта или вообще запретит въезд русским эмигрантам, или же при проезде их через страны Антанты создаст трудности, так как ей известно, что эмигранты стоят за мир.

Я предложу господину Вальцу сообщить Браунштейну, что он слышал якобы от немецких журналистов, что Германия принципиально никаких трудностей чинить не будет, если русские эмигранты попытаются отправиться в Россию через Германию.

Ромберг

Руководитель политической секции Генерального штаба²² в Берлине капитан фон Хюльзен²³

В Министерство иностранных дел

Оригинал

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 E)

Дата: Берлин, 30 марта 1917 г.; вручен 30 марта 1917 г. после полудня.

№ Pol. 14957

Секретно!

I. Приложение

Агент с нашей стороны по заданию отсюда находился несколько дней в Швейцарии. 29 марта 1917 г. он вернулся оттуда и сообщает следующее:

«Значительная часть русских, проживающих в Швейцарии, хочет вернуться в Россию. Антанта в принципе согласна с этим; только приверженцы русских революционных партий, которые в то же время стоят за немедленный мир, под нажимом Англии не должны быть допущены в Россию. Трех таким русским революционерам в последние дни, несмотря на паспорта, выданные русским консульством в Берне, во въезде во Францию было отказано. Совершенно доверительно эти русские революционеры просили меня склонить немецкое правительство содействовать им в том, чтобы, несмотря ни на что, они могли бы добраться до России; они сделали мне следующее предложение:

Пусть немецкое правительство согласится поддержать ходатайство, которое возбудил бы перед правительством Швейцарии один из проживающих в Швейцарии русских, чтобы проживающие в Швейцарии русские (около 300—400 человек) были специальным поездом направлены ради краткости пути через Германию в Швецию. Среди этих трехсот-четырехсот русских (всех партий) находились бы и нежелательные для Антанты личности. Как скоро немецкое правительство согласится с предложением, этот агент должен тайно проинформи-

ровать тех людей, о которых идет речь, чтобы необходимые шаги были предприняты перед швейцарским правительством (см. приложенную газетную вырезку²⁴). Предварительное условие успеха кроется в быстроте исполнения и в том, чтобы как можно меньше внимания вызывалось к этому в Швейцарии. Следовало бы отсоветовать ставить такого рода условия, как исключение из транспорта военнообязанных и других. Для Германии предпочтительнее был бы провоз сторонников партии Ленина, максималистов²⁵ и большевиков, число которых составляет что-то около 40 человек. Среди них находятся Ленин и Рязанов²⁶ из Берна, Семенов²⁷, Григорьев²⁸, Абрамов²⁹, Дора Долин³⁰ и Мария Гутштейн³¹ из Цюриха. Представляется несущественным, что одновременно проедут от 20 до 30 так называемых „революционных патриотов“ и меньшевиков, стоящих за войну, поскольку они все равно достигнут России с помощью Антанты!»

Решение по этому вопросу предоставляется на ваше усмотрение. Для содействия агент с нашей стороны находится в вашем распоряжении.

фон Хюльзен

№ 27

**Посланник в Берне барон фон Ромберг
Рейхсканцлеру фон Бетман-Гольвегу**

Оригинал

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 E. Оригинал доклада военного атташе миссии в Берне в документах кайзеровской германской миссии в Берне, касающихся русских эмигрантов. Отдел А. № 162/1; в настоящее время находится в Министерстве иностранных дел Великобритании)

Дата: Берн, 30 марта 1917 г. Вручен 2 апреля 1917 г. после полудня.

№ 899

В связи с докладом от 29 марта, № 887.

Секретно!

Военный атташе сообщает мне следующее:

«Как я узнал от одного агента, так называемым социал-патриотам, желающим вернуться отсюда в Россию через страны Антанты, Англия как будто отказывает в этой поездке. По меньшей мере утверждается, что известный автор книги „16 лет в Сибири” *Лев Дейч*³², который, чтобы вернуться в Россию, выехал сразу же после начала революции, задержан в Лондоне, где ему отказывают в визе. Дейч в течение нескольких лет редактировал газету в Нью-Йорке и держался во время войны точно как Плеханов и другие „русские доброжелатели”, — выражение, которым русские революционеры обозначают этих товарищей, настроенных патриотически и объявивших себя сторонниками войны».

№ 28

Посланник в Берне барон фон Ромберг

В Министерство иностранных дел

Телеграмма. Расшифровка

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 E)

Послана из Берна 31 марта 1917 г., в 1.15 утра; поступила в 5.20 утра.

№ 568

В связи с телеграммой № 554.

Советник Национального совета Швейцарии Гримм от имени цюрихского комитета сказал федеральному советнику Гофману, что русские эмигранты, которые большей частью стоят за мир, просят о предоставлении им возможности незамедлительного возвращения в Россию; путем переговоров через посредство шведского правительства было бы потеряно дорогое время. Поездка через страны Антанты, независимо от опасности нападения подводных лодок на морских путях, невозможна, так как

Антанта позволит проехать только таким эмигрантам, которые стоят за продолжение войны. По возвращении в Россию эмигранты будут бороться за то, чтобы известное число пленных немцев, находящихся в России, было освобождено.

После переговоров со мной господин Гофман посоветовал Гримму, чтобы представители Комитета вступили в непосредственную связь со мной, а кроме того, телеграфировали Керенскому. Последнее Гримм не считает уместным, поскольку он не доверяет Керенскому.

Представитель Комитета, вероятно, уже завтра обратится ко мне. Я намереваюсь информировать его в духе телеграммы № 348³³ и предложу немедленно представить списки едущих.

Ромберг

№ 29

**Статс-секретарь Министерства иностранных дел
Циммерман**

Посланнику в Берне барону фон Ромбергу

Шифрованная телеграмма

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, S20/51 E)

№ 377

Берлин, 31 марта 1917 г.

На телеграмму № 568³⁴.

Заключительное предложение: Согласен.

Циммерман

№ 30

**Покорнейшее донесение секретаря миссии
фон Ов-Вахендорфа³⁵**

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно.

Берлин. 31 марта 1917 г.

В Генеральном штабе сегодня после обеда состоялось совещание об отправке русских революционеров, на котором присутствовали: ротмистр Цюрн – руководитель паспортного центра, капитан Бурман от штаба командования Северо-восточного фронта и я.

Бурман подчеркнул, что командование Северо-восточным фронтом лишь в малой степени заинтересовано в этом деле, но на всякий случай просит по возможности заблаговременно сообщить фамилии.

Цюрн сделал вывод, что опасения Генерального штаба основываются прежде всего на том, что представляется сомнительным, чтобы финские пограничные власти, которым приданы английские чиновники, пропустят настроенные против войны элементы. Весьма проблематичным представляется и достижение преследуемой нами цели. Прежде всего следовало бы избежать слишком большой предупредительности с нашей стороны по отношению к едущим, чтобы не скомпрометировать их с самого начала. Против транспортировки значительно большего числа выдвигаются опасения лишь политического характера. Какой-либо отбор невозможен. Самое большое, на что можно пойти, – это предоставить выдачу разрешений на проезд только лицам, непригодным к военной службе, тогда в нашей власти было бы вывезти вместе с таковыми приемлемые для нас элементы.

Указывалось на желательность наличия ходатайства швейцарского правительства (см. письмо политической секции)³⁶. Цюрн высказал опасение, что, если мы без ходатайства Швейцарии неожиданно пошлем все эти беспокойные элементы в Швецию, сие может быть использовано против нас. Летом 1915 года Швейцария уже выступала с официальным ходатайством о возвращении лиц, не имеющих средств.

Ов

№ 31

**Заместитель статс-секретаря Министерства
иностранных дел фон Штумм**

Посланнику в Берне барону фон Ромбергу

Шифрованная телеграмма

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные докумен-

ты о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 E)

№ 380

Спешно!

В связи с телеграммой № 377 от 31 марта.

Согласно поступившим к нам сведениям, желателен наискорейший проезд русских революционеров через Германию, так как контробработка Антанты в Швейцарии уже началась. Предлагаю на ваше усмотрение максимальное ускорение ваших переговоров с представителем комитета.

Штумм

№ 32

Руководитель политической секции
Генерального штаба в Берлине
капитан фон Хюльзен

Посланнику Министерства иностранных дел
фон Бергену³⁷

Оригинал

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 E)

Дата: Берлин, 3 апреля 1917 г.; вручен 3 апреля 1917 г. после полудня.

№ Pol. 15082

Секретно!

В нашем письме от 30 марта 1917 г. № Pol. 14957, направленном в Министерство иностранных дел, указанный в нем агент, который незадолго до этого в Швейцарии имел контакт

с русскими революционерами, в скором времени должен будет по нашему заданию опять покинуть Берлин. Секция была бы поэтому весьма благодарна за скорый любезный ответ на упомянутое выше письмо, касающееся перевоза через Германию в Россию значительного числа проживающих в Швейцарии русских³⁸.

фон Хюльзен

№ 33

Посланник в Берне барон фон Ромберг В Министерство иностранных дел

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 Е. Черновик Ромберга. Документы кайзеровской германской миссии в Берне, отдел А, касающиеся русских эмигрантов, № 162/1; в настоящее время находится в Министерстве иностранных дел Великобритании)

Дата: Берн, 3 апреля 1917 г.; послан 4 апреля в 9.45 утра; поступил в 11.35 утра; вручен 4 апреля 1917 г. после полудня.

№ 601

Ответ на телеграмму № 380.

Хотя через различные каналы я и велел передать эмигрантам о нашей готовности и мне повторно было сообщено о посещении представителя, никто еще не установил со мной связи; очевидно, что они опасаются скомпрометировать себя в Петербурге³⁹. Часть желает на всякий случай дожидаться инструкций петербургского правительства⁴⁰ или комитета рабочих*, другие все еще колеблются, стоит ли им воспользоваться нашим

* Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. — Р е д.

предложением. Полагаю, мы можем только подождать. Возможно, могли бы и немецкие социалисты установить связь с эмигрантами.

Ромберг

№ 34

Посланник в Берне барон фон Ромберг

В Министерство иностранных дел

Телеграмма. Расшифровка

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 E)

Послана из Берна 4 апреля 1917 г., в 5.35 после полудня; поступила в 7.20 после полудня; вручена 4 апреля 1917 г.

№ 603

В связи с телеграммой № 601.

Секретарь социал-демократической партии Платтен⁴¹ разыскивал меня по поручению группы русских социалистов, вождями которых, в частности, являются Ленин (sic!) и Зиновьев (sic!)⁴², чтобы передать просьбу о незамедлительном разрешении на проезд некоторого числа, от 20 до максимум 60 человек, наиболее выдающихся эмигрантов. Платтен пояснил, что дела в России принимают опасный оборот для дела мира, следует сделать все, чтобы без малейшего промедления доставить в Россию находящиеся здесь социалистических руководителей, влияние которых там велико. К сожалению, у многих эмигрантов нет удостоверений личности и они придают особое значение тому, чтобы их имена, помимо Ленина и Зиновьева, не были бы названы. А в остальном они готовы подчиниться любым условиям – проезду без остановок, в запертых и даже занавешенных купе; но они должны быть уверены, что никто не будет задержан, их вагону будет обеспечена экстерриториальность, включение в число едущих последует без учета их позиции – за войну они или за мир. Со своей стороны, они обещают добиваться в России освобождения некоторого числа немец-

ких пленных. Платтен, который для организации информационного бюро хочет поехать в Стокгольм, намеревается присоединиться к эмигрантам, готов лично поручиться за каждое отдельное лицо и от ...ungen^{42a} выдать им документы, в которых, однако, по возможности, не должны проставляться имена. Платтен мог бы с каким-нибудь немецким чиновником доставить эмигрантов к границе, представлять их по одному пограничным властям.

При той исключительной нашей заинтересованности в незамедлительном отъезде я настоятельно советую срочно дать разрешение, приняв поставленные условия. Учитывая недоверчивый характер русских, которые сначала не хотели верить в возможность безопасного проезда, бесцеремонность контрдействий со стороны Антанты, а также отсутствие единства мнений у эмигрантов, надо иметь в виду, что еще существует большая опасность, что они вновь дадут себя переубедить. Если мы окажем им безоговорочное доверие, они на это хорошо отзовутся; мне представляется особенно полезным, что мы даем понять, насколько доверяем швейцарским социалистам, и что принимаем их гарантии как удовлетворяющие. Они несомненно посчитают это нашей серьезной заслугой, благодаря чему, надеюсь, будет возможно с их посредством установить весьма важные связи с Россией. Платтен сам признает, что возможно двойное мнение по поводу права и логики условий поездки эмигрантов. Но они верят, что этим способом ограждают себя от компрометации в России⁴³ и нельзя пускаться в дискуссию после трудно достигнутого соглашения. Отъезд должен состояться не позднее пятницы. Впрочем, по мнению Платтена, исключена возможность того, чтобы так называемые социалистические патриоты, то есть противники мира, заявили о своем желании участвовать в поездке. Прошу дать срочно хотя бы предварительный телеграфный ответ, должны ли русские быть в готовности к пятнице.

Ромберг

№ 35

Посланник в Мюнхене фон Тройтлер⁴⁴

В Министерство иностранных дел

Телеграмма. Расшифровка

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные до-

кументы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 Е)

Послана из Мюнхена 4 апреля 1917 г., в 1.30 после полудня; поступила в 3.00 после полудня; вручена 4 апреля 1917 г. после полудня.

Д-р Мюллер только что сообщил мне, что есть намерение возвратить из Швейцарии в Россию через Германию и Скандинавию русских революционеров, которые там будут действовать в нужном нам духе. Их должны провезти якобы в швейцарском вагоне. Мюллер сообщил, что доверенное лицо Гельфанда⁴⁵ Склярц⁴⁶ уже в Берлине, чтобы вести переговоры по поводу этой поездки. Д-р Мюллер советовал по возможности ускорить дело, лучше всего по договоренности с федеральным советником Гофманом в Берне.

Тройтлер

№ 36

Посланник в Берне барон фон Ромберг

В Министерство иностранных дел

Телеграмма. Расшифровка

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 Е. Черновик Ромберга в документах кайзеровской германской миссии в Берне, отдел А, касающихся русских эмигрантов, № 162/1; в настоящее время находится в Министерстве иностранных дел Великобритании)

Дата: Берн, 4 апреля 1917 г., послана 5 апреля в 1.00 утра, поступила в 3.20 утра.

№ 607

В связи с телеграммой № 603.

Советник Национального совета Швейцарии Гримм сказал федеральному советнику Гофману, что сейчас заботятся о том,

чтобы представители Петербургского революционного комитета встретились в Стокгольме с эмигрантами из Швейцарии. Очень желательно в интересах мира, чтобы и немецкие социалисты, но, конечно, не направления Шейдемана, а, напротив, более умеренные элементы Рабочего сообщества*, такие, например, как Каутский (sic!), Меринг, появились в Стокгольме, чтобы повести разговор о мире. Гримм при этом, посмеиваясь, заметил, что для германского правительства нет в этом никакого риска, так как немцы еще не скоро созреют для революции.

Гофман сказал о Платтене, что он, правда, решительного направления⁴⁷, но, кроме этого, он ничего неблагоприятного о нем не слышал.

Ромберг

№ 37

**Заместитель статс-секретаря Министерства
иностранных дел фон Штумм**

Посланнику в Берне барону фон Ромбергу

Шифрованная телеграмма

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 E)

№ 302

Берлин, 4 апреля 1917 г.

С уважением пересылаю при сем Вашему высокоблагородию для информации копию письма Представительства Генерального штаба в Берлине от 30 прошлого месяца по вопросу проезда русских революционеров из Швейцарии через Германию.

Представительству Генерального штаба в Берлине с нашей стороны сообщено, что Ваше высокоблагородие уполномочено поставить в известность представителя Цюрихского комитета

* См. ниже, прим. 51. – Р е д.

русских эмигрантов о поставленных военными властями условиях проезда.

Штумм

№ 38

**Заместитель статс-секретаря Министерства
иностранных дел фон Штумм**

Посланнику в Берне барону фон Ромбергу

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 E)

№ 394

Берлин, 5 апреля 1917 г.

Срочно!

Секретно!

Ответ на телеграмму № 603.

Генеральный штаб согласен. Переход границы у Готмадингена. Толковый офицер сопровождает транспорт от Готмадингена до Засница. Передача в Готмадингене через чиновника⁴⁸ Министерства иностранных дел⁴⁹. При переходе границы никаких паспортных формальностей. Багаж будет запломбирован. Безопасный проезд обеспечен. Немецкий руководитель профсоюзов социалист Янсон⁵⁰, вероятно, примкнет к транспорту в Готмадингене.

По техническим причинам — наибольшее число едущих шестьдесят⁵¹.

О сроке поездки последует более подробное сообщение. Предположительно в субботу вечером два D-вагона второго класса будут подготовлены в Готмадингене.

Штумм

**Посланник в Берне барон фон Ромберг
Рейхсканцлеру фон Бетман-Гольвегу**

Оригинал

(Министерство иностранных дел. Политический отдел.
Документы, касающиеся общих вопросов России. Микро-
фильм. Государственный архив, Лондон)

№ 979

Берн, 5 апреля 1917 г.

Два приложения.

Имею честь представить Вашему превосходительству статью: „Ленин о русской революции” из „Volksrecht”⁵² от 31-го прошедшего месяца и 2-го гекующего месяца⁵³.

В статье воспроизводится содержание одного доклада, который недавно сделал в Цюрихе известный вождь русских революционеров Ленин. Сообразно с этим представляется, что Ленин категорически и резко высказался против войны и против ее защитников Милюкова, Гучкова и Керенского, названных им марионетками Антанты⁵⁴.

Соответствующую позицию, согласно копии прилагаемого письма одного агента, приняло также собрание русского Центрального Комитета, состоявшееся 31 марта в Народном доме в Берне⁵⁵.

Ромберг

Копия

**Собрание русского революционного
Центрального Комитета**

Народный дом, Берн, 31 марта

Центральный Комитет русских революционных партий с благодарностью отклонил приглашение Временного правительства немедленно вернуться в Россию. Ответ был обсужден в субботу на заседании и телеграфно сообщен Максиму Горькому. Отрицательная позиция мотивирована тем, что при возвращении им придется ехать через Англию, а они опасаются Англии. Так как позиция революционных партий была направлена против англо-французского преступления, которое поставило у руля власти Гучкова и Милюкова, и поскольку они решили всеми средствами и силами осуществлять подлинную

революцию, революционеры опасаются попасть в сферу власти Англии. Поэтому они только тогда возвратятся в Россию, когда для них будет открыта другая дорога ⁵⁶.

Как мне стало известно из верного источника из Женевы, русские в последнюю неделю приняли там подобное же решение. Об идентичном решении сообщает также и известный русский революционер Ленин, он как раз приехал из Цюриха ⁵⁷. Со всех сторон приходят заявления, в которых Временное правительство клеймат как орудие англо-французских интересов. Союзы и договоры, которые заключило царское правительство, революционная Россия не может признавать, и каждое правительство, продолжающее войну, должно будет однажды держать ответ перед русским народом. Не исключена надежда, что те, кто является орудием в руках Англии, будут посажены на скамью подсудимых.

№ 40

**Статс-секретарь Министерства иностранных дел
Циммерман**

**Представителю Министерства иностранных дел
при Главной ставке барону фон Лерснеру**

Телеграмма по Юзу

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 E)

№ 549

Берлин, 5 апреля 1917 г.

С ссылкой на телеграмму № 371 от 25-го прошлого месяца.

Согласно сообщению из Берна, возможен незамедлительный отъезд находящихся в Швейцарии русских эмигрантов. Прошу обсудить с Верховным главнокомандованием, не могло бы оно рекомендовать какого-либо офицера, обладающего тактом и соответствующим политическим пониманием, с тем чтобы доверить ему руководство проездом через Германию. Верховное главнокомандование могло бы оказать влияние на выбор этого офицера.

В политическом отношении представляется желательным, чтобы при всем само собой разумеющемся строгом соблюде-

нии всех требуемых, обязательных с военной точки зрения мер предосторожности все эмигранты были по возможности ограждены от всякого рода неприятностей и беспокойства. По поводу организации проезда эмигрантов детали будут согласованы здесь с Представительством Генерального штаба.

Циммерман

№ 41

**Представитель Министерства иностранных дел
при Главной ставке барон фон Лерснер**

В Министерство иностранных дел

Телеграмма

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 E)

Послана из Главной ставки 6 апреля 1917 г. в 12.15 после полудня; вручена 6 апреля 1917 г. после полудня.

№ 437

На телеграмму № 549.

Генерал Людендорф⁵⁸ велит телеграфировать:

„Я позабочусь о выборе пригодного и соответственно информированного офицера согласно высказанным пожеланиям”.

Лерснер

№ 42

Посланник в Берне барон фон Ромберг

Германскому генеральному консульству в Женеве

Шифрованная телеграмма

Черновик от руки, написанный секретарем миссии фон Ренте-Финком⁵⁹

(Документы кайзеровской германской миссии в Берне, отдел А, касающиеся русских эмигрантов, № 162/1; в настоящее время находятся в Министерстве иностранных дел Великобритании)

№ 25, от 6 апреля.

Берн, 5 апреля 1917 г.

Совершенно секретно!

Социалистический генеральный секретарь швейцарец Платтен завтра в первой половине дня, около 10 часов, будет ходатайствовать в паспортном бюро о визировании своего паспорта для проезда через Германию в Швецию и обратно.

Прошу сейчас же, без исполнения обычных формальностей, выдать ему визу на проезд через Готмадинген — Засниц. Время въезда между 6-м и 15-м этого месяца включительно. Обратный въезд по желанию.

Прошу обслужить господина Платтена по возможности быстро и незаметно, и в случае, если он не появится до обеденного перерыва, оставить чиновника для оформления в паспортном бюро⁶⁰.

Подписи: Ромберг
Ренте-Финк

№ 43

Посланник в Берне барон фон Ромберг
Рейхсканцлеру фон Бетман-Гольвегу

Оригинал

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 E)

Дата: Берн, 5 апреля 1917 г.; вручен 6 апреля 1917 г. после полудня.

№ 970

Очень срочно!

Секретно!

I. Приложение

Имею честь препроводить при сем прилагаемые условия проезда русских эмигрантов из Швейцарии в Стокгольм, которые мне передал господин ПЛАТТЕН.

Ромберг

Копия
**условий переговоров, касающихся
возвращения эмигрантов в Россию**

1. Я, Фриц Платтен, руковожу за своей полной личной ответственностью переездом через Германию вагона с политическими эмигрантами и легальными лицами, желающими поехать в Россию.
2. С немецкими органами общается только Платтен, без разрешения которого ни одна личность не имеет права вступить в постоянно запертый вагон.
3. Вагон, в котором следуют эмигранты, пользуется правом экстерриториальности.
4. Ни при въезде в Германию, ни при выезде из нее не должна происходить проверка паспортов или личностей.
5. К поездке допускаются лица совершенно независимо от их политического направления и взглядов на войну и мир.
6. Платтен приобретает для уезжающих нужные железнодорожные билеты по нормальному тарифу.
7. Поездка должна происходить по возможности безостановочно в беспересадочных поездах. Не должны иметь места ни распоряжение о выходе из вагона, ни выход из него по собственной инициативе. Не должно быть перерывов при проезде без технической необходимости.
8. Разрешение на проезд дается на основе обмена уезжающих на немецких и австрийских пленных и интернированных в России. Посредник и едущие обязуются агитировать в России, особенно среди рабочих, с целью проведения этого обмена в жизнь.
9. Возможно кратчайший срок переезда от швейцарской границы до шведской равно как технические детали должны быть немедленно согласованы.

Берн – Цюрих, 4 апреля 1917 г.⁶¹

Подпись: Фриц Платтен

**Заместитель статс-секретаря Министерства
иностранных дел фон Штумм**

Посланнику в Берне барону фон Ромбергу⁶²

Шифрованная телеграмма

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 E)

№ 401

Берлин, 7 апреля 1917 г.

Ответ на доклад № 970.

С условиями Платтена согласен, кроме второго условия, так как удовлетворено предложение немецких профсоюзов, по поручению которых сопровождать едущих эмигрантов будет Янсон⁶³.

Штумм

Посланник в Берне барон фон Ромберг

В Министерство иностранных дел

Телеграмма. Расшифровка

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 E. Рукописный черновик посланника барона фон Ромберга в документах кайзеровской германской миссии в Берне, отдел А, касающихся русских эмигрантов, № 162/1; в настоящее время находится в Министерстве иностранных дел Великобритании)

№ 619

Берн, 6 апреля 1917 г.

Срочно!

Ответ на телеграмму № 394.

Платтен сообщает, что около 20 лиц ленинской группы готовы к отъезду.

Но есть также шансы, что еще присоединятся важные социал-революционеры (партии Вейса)⁶⁴. Однако пока что не было достигнуто согласия, и весьма сомнительно, что переговоры с ними могут быть своевременно закончены. Поэтому крайне желательно, чтобы поездка была отложена до воскресного вечера. Участие социал-революционеров имело бы очень большое значение, принимая во внимание важную роль, которую они сыграли в начале революции⁶⁵. Совместное появление вождей обеих партий произвело бы сильное впечатление в России и в значительной мере способствовало бы активным действиям в пользу мира. Поэтому настоятельно рекомендую выполнить пожелание и отодвинуть поездку до воскресного вечера.

Эмигранты просят — не могли бы мы побудить шведское правительство как-то способствовать тому, чтобы их въезд в Швецию был заранее гарантирован. Господин Платтен, сопровождающий эмигрантов, просит распорядиться, чтобы ему не чинили препятствий при возвращении из Стокгольма в Швейцарию.

У каждого из эмигрантов что-то вроде трех корзин багажа, и они предпочитают ехать третьим классом^{65a}, так как многие из них без средств и не смогут оплатить более высокую стоимость проезда. Но и разрешать бесплатный проезд не рекомендуется, так же как не следует выказывать особую, бросающуюся в глаза предупредительность в обхождении. Эмигранты также, кроме как через Платтена, не должны общаться с кем либо из немцев на немецкой территории. Само собой разумеется, что в прессе о поездке эмигрантов ничего упоминаться не должно.

О стоимости проезда прошу проинструктировать вокзал в Готмадингене.

Прошу срочного телеграфного ответа по поводу передвижки срока поездки. Ответ должен быть здесь завтра, в субботу не позднее 10 часов утра.

Ромберг

№ 46

Заместитель статс-секретаря Министерства иностранных дел фон Штумм

Посланнику в Берне барону фон Ромбергу

Шифрованная телеграмма

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные докумен-

ты о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 E)

№ 397

Берлин, 6 апреля 1917 г.

Немедленно.

Срочно.

В связи с телеграммой № 394.

В понедельник утром русские эмигранты должны прибыть в Готмадинген. Там через сопровождающего чиновника передача руководителю транспорта едущих эмигрантов ротмистру фон дер Планицу. Срочное сообщение на пограничный контрольный пункт в Готмадингене для Планица о количестве едущих и времени прибытия. В тот же вечер продолжение поездки до Зингена. Отъезд из Зингена в D-вагонах 10-го утром в 5 часов.

Прибытие в Засниц в среду в 1 час дня.

О еде по возможности позаботятся.

Поименные данные не требуются.

Донесение по телеграфу.

Штумм

№ 47

**Статс-секретарь Министерства иностранных дел
Циммерман**

**Посланнику в Стокгольме
барону Люциусу фон Штёттену⁶⁶**

Шифрованная телеграмма

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 E)

№ 480

Берлин, 7 апреля 1917 г.

Некоторое число находящихся в Швейцарии русских революционеров (точное количество пока еще не установлено) получают разрешение проехать через Германию, чтобы через Швецию вернуться в Россию. Их будет сопровождать секретарь швейцарской социал-демократической партии Платтен. Прибытие в Засниц предположительно в среду 11-го этого месяца. (Источник: телеграмма посла в Берне барона фон Ромберга в Министерство иностранных дел № 619 от 6 апреля 1917 г.; см. выше док. № 45⁶⁷.)

Прошу доверительно побудить шведское правительство сделать все необходимое.

Донесение о позиции последнего по телеграфу.

Циммерман

№ 48

Посланник в Берне барон фон Ромберг

Рейхсканцлеру фон Бетман-Гольвегу

Оригинал

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 E)

Дата: Берн, 7 апреля 1917 г.; вручен 9 апреля 1917 г. после полудня.

№ 994

Секретно!

I. Приложение.

Майор фон Бисмарк⁶⁸ представил мне отчет одного агента о русских революционерах, прилагаемый при сем в копии.

Как мне рассказал господин Платтен, известия, получаемые в Швейцарии русскими революционерами из России, крайне скудны. Все сообщения из России и в Россию подвергаются органами Временного правительства строгой цензуре. Поэтому

му очень трудно составить правильное представление о положении в России.

Ромберг

**Приложение к сообщению миссии в Берне
от 7 апреля 1917 г., № 994**

Копия.

Берн, 3 апреля 1917 г.

№ N4921/17

Мой агент сообщает мне следующее:

Уже несколько дней назад русские эмигранты сообщили Временному правительству и Рабоче-солдатскому комитету свои предложения и пожелания, но и по сей день остались без ответа. Их предложение касается обмена немецких пленных на эмигрантов. Они по-прежнему убеждены, что их возвращение на родину через страны Антанты невозможно; и если Кропоткин⁶⁹, будучи приглашенным министерством, мог покинуть Англию, то объясняется это тем, что он обратился в социал-патриота, ратует за войну и явится противовесом социал-революционерам.

Сношения с Временным правительством, говорят, поддерживались через товарищей, внушающих доверие, прибывших туда, но и по сей день не получивших ответа; по всей вероятности, они задержаны. Они убеждены, что возвращение на родину через зону Антанты для большинства (как, например, для Ленина) исключено.

О вероятном ходе революции следует заметить:

В настоящее время революционерам недостает практического и теоретического руководства. Между тем для осуществления практического политического руководства надо ожидать возвращения из Сибири известных пяти ссыльных, выбранных от рабочих курий депутатов Думы, которые при объявлении войны обратились с манифестом протеста против войны к международному пролетариату и за это были сосланы⁷⁰. Одни из них через 14 дней, другие же только месяцы спустя вернутся из ссылки. А „духовные“ теоретики-вожди, такие как Ленин и другие, находятся за границей. Что можно ожидать для дела мира от них, как только они смогут вмешаться в революционное движение, следует из характеристики, которую дает им господин Корнблюм⁷¹, — они полностью стоят на пози-

ции Либкнехта. Отсюда ясно, почему у них нет никаких надежд, что они будут репатрированы с помощью Антанты.

Подпись: Бисмарк

№ 49

Посланник в Берне барон фон Ромберг

В Министерство иностранных дел

Телеграмма. Расшифровка

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 E)

Дата: Берн, 8 апреля 1917 г.; послана 9 апреля в 1.00 утра; поступила 9 апреля в 3.10 утра; вручена 9 апреля утром.

№ 631

Секретно!

Ответ на телеграмму № 401.

Эмигранты готовы к серьезным трудностям, возможно, к уголовному преследованию со стороны русского правительства в связи с их проездом через вражескую страну⁷². Очень важно, следовательно, в интересах самих едущих застраховать их от какого-либо общения с немцами в пути через Германию. Платтен объяснит это Янсону. Необходимо, чтобы немецкая пресса обошла молчанием это событие, пока о нем не заговорят за границей. Когда более уже невозможно будет избежать умолчания, надо не допустить никаких комментариев по поводу поездки, и прежде всего, чтобы не связывались с эмигрантами какие-либо ожидания, которые могли бы привести к компрометации. Также ни в коем случае не может быть упоминаема в прессе посредническая роль Швейцарии.

Отъезд, как запланировано, состоится завтра⁷³. Известно точно – 29 русских едут, возможно – до 37 человек⁷⁴, члены различных групп ленинского (sic!) направления. Поедут ли социал-революционеры, еще не ясно.

Ромберг

**Посланник в Берне барон фон Ромберг
В Министерство иностранных дел**

Телеграмма

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 E)

Послана из Берна 9 апреля 1917 г. в 2.05 после полудня; получена в 4.05 после полудня; вручена 9 апреля 1917 г. после полудня.

№ 634

Секретно!

В связи с телеграммой № 631.

Хотел бы еще раз подчеркнуть, что эмигранты сами ничего не предпринимали, чтобы добиться в Швеции разрешения на поездку, то есть они полностью полагаются на действия, о которых мы там просили.

Ромберг

**Посланник в Стокгольме
барон Люциус фон Штёттен**

В Министерство иностранных дел

Телеграмма

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 E)

Послана из Стокгольма 10 апреля 1917 г. в 4.20 после полудня; поступила в 6.57 после полудня.

№600

Ответ на телеграмму № 480.

Здесьнее правительство разрешает проезд.

Люциус

№ 52

**Статс-секретарь Министерства иностранных дел
Циммерман**

Посланнику в Берне барону фон Ромбергу

Шифрованная телеграмма

Черновик Циммермана

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 E)

№ 417

Берлин, 11 апреля 1917 г.

В связи с телеграммой № 413 от 10-го текущего месяца.

По сообщению кайзеровского посланника в Стокгольме шведское правительство разрешает проезд русским эмигрантам.

Циммерман

№ 53

Покорнейшее донесение^{74а}

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 E)

Дата: Берлин, 11 апреля 1917 г. после полудня.

Господин фон Хюльзен сообщает, что поездка русских происходила до сих пор очень слаженно. Офицер в штатском

при проходе здесь поезда посетил его. От имени русских Платтен заявил, что они весьма удовлетворены предупредительностью немецкого правительства. О питании заботы было проявлено достаточно, но русские пожелали очень немного. Для едущих в вагоне детей в Берлине было приготовлено молоко.

Во Франкфурте вагон с русскими из-за опоздания их поезда не удалось присоединить к другому поезду, так что произошла некоторая задержка транспорта. Поэтому русские сегодня должны остаться в Заснице. Там позаботились о хорошем пристанище в закрытом помещении.

№ 54

Кайзер Вильгельм II⁷⁵

Рейхсканцлеру фон Бетман-Гольвегу

Телеграмма

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 E)

Послана из Хомбурга, 11 апреля 1917 г. в 7.00 после полудня; поступила в 8.37 после полудня.

Копия.

В сегодняшней вечерней газете „Frankfurter Zeitung” помещена телеграмма из Швейцарии, из которой следует, что тамошний Комитет русских эмигрантов жалуется, что они не могут воспользоваться разрешением своего правительства на возвращение, так как и Англия, и Франция отказали им в проезде в Россию. Комитет получил поэтому задание установить связь с немецким правительством, чтобы получить разрешение на проезд через Германию в Скандинавию. В качестве ответной услуги Россия должна предложить освобождение интернированных немецких гражданских пленных. В другом месте той же газеты напечатана телеграмма, из содержания которой следует, что русское правительство снова отказалось отпустить из России пленных из Восточной Пруссии. Я не был бы против просьбы русских эмигрантов, если мои восточно-пруссские соотечественники обретут благодаря этому свободу. Эмигрантам следовало

бы за проезд в качестве ответной услуги предложить выступить в России за немедленное заключение мира. В качестве пояснительного материала им могли бы быть даны „Белые книги”⁷⁶, другие опубликованные нами документы (бельгийские⁷⁷) и некоторые мобилизационные приказы царя, изданные незадолго до войны⁷⁸, которые до сих пор не могли быть известны в России. Министерству иностранных дел надлежит постоянно ставить меня в известность о ходе этого дела. Только что мною получена через Амстердам телеграмма агентства Вольф, содержащая сообщение „Таймс”, согласно которому Совет рабочих и солдат (в Петрограде. — *Ред.*) создал комиссию по иностранным делам, коей следует вступить в сношения с врагом и начать подготовку к немедленному заключению мира. Поступили сообщения, что солдатские комитеты на фронте одобряют это мероприятие. При этом была названа среди других и 109-я русская дивизия, которая стоит под Туккумом⁷⁹. Место пребывания комиссии — Стокгольм.

Подпись: Вильгельм

№ 55

Рейхсканцлер фон Бетман-Гольвег

Кайзеру Вильгельму II

Телеграмма

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 E)

№ 259

Берлин, 11 апреля 1917 г.

Ваше Величество, разрешите в ответ на Вашу милостивую телеграмму от сегодняшнего числа всеподданнейше сообщить, что немедленно с началом русской революции я указал послу Вашего Величества в Берне: установить связь с проживающими в Швейцарии политическими изгнанниками из России с целью возвращения их на родину — поскольку на этот счет у нас не было сомнений — и при этом предложить им проезд через Германию⁸⁰. Часть эмигрантов несколько дней назад уже проехала через Германию⁸¹. Этот факт, во избежание любой сенсации, не

был разрешен к публикации в прессе. Эмигрантам было предложено выступить в России за то, чтобы интернированные немецкие гражданские пленные и насильно увезенные из Восточной Пруссии лица были бы отпущены, взамен чего с нашей стороны не будут чиниться препятствия последующим эмигрантам при их проезде из Швейцарии через Германию. Наши „Белые книги” и прочие опубликованные нами документы⁸² по поводу позиции наших врагов и особенно России до и во время войны эмигрантам известны. Министерство иностранных дел, согласно полученному от Вашего Величества приказу, будет постоянно сообщать о дальнейшем развитии дела⁸³.

Распространенное агентством Вольф сообщение „Таймс” о комиссии по заключению мира, назначенной рабоче-солдатским Советом, живо заинтересовало и меня. Послу Вашего Величества в Стокгольме я дал указание проверить правильность сообщения и телеграфировать, возможно ли и как установить контакт с этой комиссией.

Всеподданнейше
фон Бетман-Гольвег

№ 56

Посол в Берне барон фон Ромберг
Секретарю посольства в Цюрихе фон Симсону
Черновик, написанный от руки секретарем
посольства
фон Ренте-Финком

(Документы кайзеровской германской миссии в Берне, отдел А, касающиеся русских эмигрантов, № 162/1; в настоящее время находятся в Министерстве иностранных дел Великобритании)

I. Приложение

Берн, 12 апреля 1917 г.

Покорнейше прошу Ваше Высокоблагородие всячески содействовать тому, чтобы следующие строки⁸⁴, относящиеся к статье в газете „Tagesblatt” № 12801 от 11-го числа текущего месяца, были возможно скорее напечатаны редакцией газеты „Züricher Morgen Zeitung”.

Ромберг

К отъезду русских беженцев

В дополнение к нашей заметке от 11-го числа этого месяца о возвращении русских беженцев на родину⁸⁵ мы узнали, что действительно некоторое число эмигрантов смогло предпринять поездку домой через Германию, причем, однако, политические взгляды возвращающихся на родину, среди которых находились женщины и дети, совершенно не принимались во внимание.

№ 57

**Военный атташе в Берне майор фон Бисмарк
Посланнику в Берне барону фон Ромбергу**

Оригинал

(Документы кайзеровской германской миссии в Берне, отдел А, касающиеся русских эмигрантов, № 162/1; в настоящее время находятся в Министерстве иностранных дел Великобритании)

№ Р.12396/17

Берн, 12 апреля 1917 г.

I. Приложение

При сем передаю отчет одного агента, касающийся русской революции.

Касается Р.255 (русская революция) 11/4 12396 Р.

Я слышал сегодня об отъезде некоторых лиц и в 3.20 отправился на вокзал, где действительно отошел в Зинген скорый поезд с вагоном, полным русских революционеров. Среди отъезжающих из Швейцарии из значительных личностей видел я только Феликса Платтена⁸⁶, известного анархо-социалистического подстрекателя, второго, после Гримма, „консула” здешней рабочей партии. Затем еще русского Ленина, который открыто едет в качестве руководителя всей небольшой группы. Отъезд как будто должен был состояться тайно, но набралось еще что-то около 100 других русских обоих полов, которые со смешанным чувством провожали отъезжающих. Как ни странно, тут же была дочь польского рабочего вождя Феликса Кона⁸⁷, но отца мне заметить не привелось. Прощание было довольно возбужденным, и здесь с привычной несдержанностью проявился раскол в рабочих партиях всех стран. Jusqu'аубoutisten⁸⁸ ругались неприличными словами, орали, что едущие —

все немецкие шпики и провокаторы, „вас всех повесят, вы, подстрекатели против евреев” и т. д. Один молодой русский особенно выделялся и все время выкрикивал: „Провокаторы, подлецы, свиньи” и т. п., в ответ на это кто-то из поезда кричал: „Ты, подлец, кто ты, собственно, такой, ты специально послан из Женевы как провокатор. Я точно знаю, что ты каждый месяц получал свои 200 франков из тамошнего консульства”⁸⁹ и т. д. Так как я не знаю русского языка, мне по мере надобности пришлось просить переводить дружественно расположенных ко мне русских. Когда поезд стал отходить, едущие, вместе со многими оставшимися друзьями, запели „Интернационал”, в то время, как некоторые опять кричали вслед: „Провокаторы, шпики!” В общем и целом – маленький, забавный, настоящий польско-русский этюд.

Ленин – это, несомненно, опасный противник Милюкова, он имеет очень большое влияние в широких массах. Однако он сам не исключает того, что, возможно, немедленно будет арестован⁹⁰. Уже 19.3. предостерегал он рабочий комитет относительно Керенского⁹¹, которого он в здешнем докладе обрисовал как человека незрелого, без серьезных взглядов⁹². Я полагаю, что должен повторить свои уже высказанные устно сомнения – я считаю тактической ошибкой, если мы будем требовать от этих людей честного слова, что они будут бороться за мир. Люди, правильно отобранные, станут делать это и так, но благодаря такому обязательству обвинение в шпионаже будет представляться правомерным.

№ 58

Покорнейшее донесение

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив. Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 E)

Дата: Берлин, 12 апреля 1917 г.; вручено 12 апреля 1917 г. Лерснер телефонирует:

1. Его Величество кайзер сегодня во время завтрака высказал пожелание о том, чтобы снабдить перевозимых через

Германию русских социалистов „Белыми книгами” и подобными изданиями, например оттисками Пасхального послания⁹³ и речи канцлера⁹⁴, с тем чтобы они могли ими воспользоваться для разъяснительной работы на своей родине.

2. На тот случай, если транспорту с русскими был бы запрещен въезд в Швецию, Верховное главнокомандование выражает готовность переправить едущих через немецкие линии фронта в Россию.

3. Тех русских, которые пока еще пребывают в Швейцарии, Верховное главнокомандование выражает готовность переправить в Россию через наши линии фронта.

Телеграмма об этом следует.

№ 59

**Представитель Министерства иностранных дел
при Главной ставке секретарь миссии
барон фон Лерснер**

В Министерство иностранных дел

Телеграмма

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 E)

Послана из Главной ставки 12 апреля в 6.15 после полудня; поступила в 7.30 после полудня; вручена 13 апреля 1917 г.

№ 469

В связи с телеграммой № 437.

Русские, едущие из Швейцарии в Россию, в случае, если им нельзя будет ехать через Финляндию, могут быть проведены через наши линии фронта.

Верховное главнокомандование предоставляет эту возможность на усмотрение также другим русским из Швейцарии.

Подпись: Лерснер

**Статс-секретарь Министерства иностранных дел
Циммерман**

Послу в Берне барону фон Ромбергу⁹⁵

Шифрованная телеграмма

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 E)

№ 423

Берлин, 13 апреля 1917 г.

Предоставляю Вашему превосходительству запрошенную информацию для надлежащего распространения среди русских эмигрантов. (Источник: телеграмма представителя Министерства иностранных дел при Главной ставке, секретаря миссии барона фон Лернера в Министерство иностранных дел № 469 от 12 апреля 1917 г.; см. выше, док. № 59.)

Циммерман

**Посланник в Копенгагене
граф фон Брокдорф-Ранцау**

В Министерство иностранных дел

Телеграмма. Расшифровка

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 E)

Послана из Копенгагена 13 апреля 1917 г. в 11.30 утра; поступила 14 апреля в 3.04 после полудня; вручена 14 апреля 1917 г.

№ 575 от 13 апреля.

Секретно!

Вчера в Мальмё прибыли 33 русских эмигранта, бургомистр Стокгольма приветствовал их в Треллеборге, немедленно проехали дальше в Стокгольм. Они рассказывали своим товарищам, что в Швейцарии находится еще большое число русских эмигрантов, которые не могли поехать, так как до сих пор не улажены формальности с паспортами. Является ли причиной этого немецкая или швейцарская сторона — неизвестно. Ускорение дела представляется срочным; появившиеся в Мальмё для встречи русские революционеры объяснили, что, безусловно, необходимо иметь в распоряжении возможно большее число выдающихся агитаторов, чтобы противодействовать усилиям Милюкова и Гучкова, направленным на продолжение войны.

Среди оставшихся в Швейцарии эмигрантов находятся многие известные агитаторы.

Датский социалист Боргбьерг⁹⁶ получил в Хапаранде⁹⁷ сообщение, что ему запрещен въезд в Россию; Боргбьерг заявил протест по этому поводу и, вероятно, попытается присоединиться к 33 эмигрантам, которые уже сегодня вечером выехали из Стокгольма в Россию.

Ранцау

№ 62

**Статс-секретарь Министерства иностранных дел
Циммерман**

Посланнику в Берне барону фон Ромбергу

Телеграмма. Расшифровка

(Документы кайзеровской германской миссии в Берне, отдел А, касающиеся русских эмигрантов. № 162/1; в настоящее время находятся в Министерстве иностранных дел Великобритании)

Послана из Берлина 14 апреля 1917 г. в 1.50 утра; поступила в Берн 14 апреля в 2.35 утра; получена 14 апреля в 6.55 утра.

№ 423

Вашему превосходительству для информации и для надлежащего распространения среди русских эмигрантов:

По сообщению Верховного главнокомандования, русские, едущие из Швейцарии в Россию, в случае, если им нельзя будет

ехать через Финляндию, могут быть проведены через наши линии фронта.

Верховное главнокомандование предоставляет эту возможность на усмотрение также другим русским из Швейцарии.

Подпись: Циммерман

№ 63

Лейтенант и фельдъегерь Шюлер⁹⁸

Посланнику в Берне барону фон Ромбергу

Оригинал

(Документы кайзеровской германской миссии в Берне, отдел А, касающиеся русских эмигрантов, № 162/1; в настоящее время находятся в Министерстве иностранных дел Великобритании)

В связи с письмом № 12396/17
господина военного атташе
от 12 апреля 1917 г.

Берн, 16 апреля 1917 г.

По поводу так называемых инцидентов на вокзале в Цюрихе имею честь доложить:

Действительно на перроне, около вагона, отведенного для уезжающих русских, находилось большое число мужчин и женщин, собравшихся, очевидно, для того, чтобы попрощаться. Согласно данному мне указанию, я просил господина Платтена коротко доложить мне, что все, „как договорено, в порядке”. После этого я поднялся в свое купе в начале поезда.

Пока я находился на перроне вблизи русских, кроме скопления людей, пришедших на проводы, я никаких упомянутых инцидентов, особенно бросающихся в глаза возбужденностью и недисциплинированностью, не заметил. Правда, после того как я поднялся в свой вагон, вследствие опоздания прошло еще четверть часа до отхода поезда. О том, что произошло примерно в это время, я ничего доложить не могу, так как ввиду длины поезда не мог уже наблюдать упоминаемый последний вагон.

Шюлер

Лейтенант и фельдъегерь

Посланник в Берне барон фон Ромберг

В Министерство иностранных дел

Телеграмма. Расшифровка

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 F)

Послана из Берна 17 апреля 1917 г. в 5.40 после полудня; поступила в 8.35 после полудня; вручена 18 апреля 1917 г. утром.

№ 675

Ответ на телеграмму № 431.

Секретно!

Советник Национального совета Швейцарии Гримм снова подтверждает, что ряд видных революционеров хотели бы поехать через Германию, но без определенной страховки не отваживаются. Поэтому Гримм, по соглашению с ними, предлагает, чтобы правительство кайзера в продолжение предшествовавших переговоров об организации русского поезда — последнее тамошнее распоряжение Шв 43542 от 21 ноября 1916 г. — разрешило находящимся еще в Швейцарии русским проезд через Германию и в качестве компенсации за это предложило бы русскому правительству, через посредничество Швеции, выполнить обещанное, согласно сообщениям печати, освобождение восточно-прусских заложников. По данным Гримма, некоторые эмигранты, если бы этот шаг стал известен здесь через бюро телеграфного агентства Вольфа, не колеблясь, воспользовались бы разрешением.

Ромберг

**Статс-секретарь Министерства иностранных дел
Циммерман**

Посланнику в Берне барону фон Ромбергу

Шифрованная телеграмма

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные докумен-

ты о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 F)

№ 445

Берлин, 19 апреля 1917 г.

На телеграмму № 675 от 17-го числа текущего месяца.

Секретно!

Представляется сомнительным, чтобы в качестве компенсации за проезд тамошних революционеров предложить русскому правительству пойти на освобождение восточно-прусских заложников, так как среди революционеров, о которых идет речь, находятся и такие, чье присутствие в России теперешним властью имущим нежелательно. Но русским эмигрантам можно дать понять, что с нашей стороны могло бы последовать разрешение на проезд и другим русским, дополнительно к числу уже проехавших. Не могли бы революционеры, что еще остались в Швейцарии, получить санкцию Ленина на возвращение в Россию?

Циммерман

№ 66

**Германский посол в Стокгольме барон
Люциус фон Шгёттен**

В Министерство иностранных дел

Телеграмма. Расшифровка

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 F)

Послана из Стокгольма 19 апреля 1917 г. в 7.20 после полудня; поступила 20 апреля в 12.05 утра; вручена 20 апреля 1917 г. утром.

№ 656

В связи с телеграммой № 480.

Швейцарец Платтен, как он здесь рассказал, был возвращен с русской границы тамошним английским офицером⁹⁹. Он хочет поэтому вернуться в Швейцарию и проедет через Засниц в субботу, 21-го, с визой в паспорте № 2108 здешнего консульства. Указание погранпункту на ваше усмотрение.

Платтен на некоторое время задержится в Берлине.

Люциус¹⁰⁰

№ 67

Посланник в Берне барон фон Ромберг

В Министерство иностранных дел

Телеграмма. Расшифровка

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 F. Черновик, написанный от руки бароном фон Ромбергом, документы кайзеровской германской миссии в Берне, отдел А, касающиеся русских эмигрантов № 161/2; в настоящее время находится в Министерстве иностранных дел Великобритании)

Послана из Берна 21 апреля 1917 г., в 11.35 утра; поступила в 3.40 после полудня.

№ 704

Ответ на телеграмму № 445.

Секретно!

Как мне кажется, моя телеграмма № 675 была неправильно понята. По предложению Гримма, необходимо в предложении русскому правительству категорически избегать упоминания о разрешении на проезд для русских *революционеров*.

В прошлом году при посредничестве Швейцарии велись переговоры с русским правительством о том, чтобы разрешить некоторому числу проживающих в Швейцарии русских: большим женщинам, старикам и т. д. проехать специальным поездом через Германию. Эти переговоры, которые в последний раз были связаны с приведенным в моей телеграмме распоряжением № IIIb 43542 от 21 ноября прошлого года, остались без резуль-

татов. По предложению Гримма, следовало бы, исходя из этих переговоров, добиться разрешения на проезд больных, слабых русских женщин и детей по гуманным причинам, за что в виде компенсации освободить восточно-прусских заложников. Как только об этом разрешении станет известно, русские революционеры воспользовались бы им под предлогом болезни, старости и таким образом могли бы поехать, не будучи скомпрометированы.

Ромберг

№ 68

**Представитель Министерства иностранных дел
при Главной ставке советник миссии
барон фон Грюнау**

В Министерство иностранных дел

Телеграмма

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 F)

Послана из Главной ставки 21 апреля 1917 г. в 5.35 после полудня; поступила в 6.35 после полудня; вручена 21 апреля 1917 г. после полудня.

№ 551

Верховное главнокомандование передает следующее сообщение политической секции Генерального штаба в Берлине.

„Штейнвакс¹⁰¹ 17 апреля 1917 г. телеграфирует из Стокгольма: въезд Ленина в Россию удался. Он действует в полном соответствии с тем, к чему стремится¹⁰². Из-за этого рев ярости антантовских социал-демократов в Стокгольме. Платтен англичанами не пропущен через границу, этот факт привлек здесь большое внимание.

Платтен — уважаемый швейцарский социалистический руководитель, который сопровождал русских революционеров

из Швейцарии через Германию в Стокгольм и сам желавший поехать оттуда в Петербург”.

Подпись: Грюнау

№ 69

**Посланник в Берне барон фон Ромберг
В Министерство иностранных дел**

Телеграмма. Расшифровка

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 F. Черновик, написанный от руки бароном фон Ромбергом. Документы кайзеровской германской миссии в Берне, отдел А, касающиеся русских эмигрантов, № 161/2; в настоящее время находятся в Министерстве иностранных дел Великобритании)

Послана из Берна 24 апреля 1917 г. в 11.00 утра; поступила в 1.50 после полудня; вручена 24 апреля 1917 г. после полудня.

№ 721

В связи с телеграммой № 704 от 21 апреля.

Внушающий доверие швейцарский социалист еще раз от имени русских эмигрантов сообщил мне, что большое число их с женщинами и детьми готово начать поездку на родину через Германию, если им станет известно, что всем русским в Швейцарии, по предложенному мною способу, без учета их политических убеждений, будет предоставлено разрешение на проезд. Швейцарский же агент говорит, что 200 эмигрантов поехали бы незамедлительно, громадное большинство которых явные сторонники идеи мира.

Прошу как можно скорее ответить, есть ли шансы, что предложение будет принято, так как эмигранты очень нетерпеливы. Антанта, со своей стороны, предлагает проезд, но эмигранты не доверяют этому предложению.

В случае, если всеобщий проезд невозможен, прошу непременно дать специальное разрешение известному старому рево-

люционеру, принявшему швейцарское гражданство, Аксельроду вместе с его тяжело больной дочерью.

Ромберг

№ 70

**Посланик в Берне барон фон Ромберг
Рейхсканцлеру фон Бетман-Гольвегу**

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 F. Черновик Ромберга. Документы кайзеровской германской миссии в Берне, касающиеся русских эмигрантов. Отдел А. № 161/2; в настоящее время находятся в Министерстве иностранных дел Великобритании)

№ 1226

Берн, 26 апреля 1917 г.

I. Приложение

Секретно!

Через королевского фельдъегеря.

Имею честь представить Вашему превосходительству прилагаемую копию сообщения одного агента по поводу первого письма Ленина о поездке.

Ромберг

Содержание: первое письмо Ленина о поездке.

Первое письмо Ленина

Сегодня, в воскресенье, 22 апреля, в Берн пришло первое письмо Ленина и других товарищей. Это не частное письмо, а официальное партийное письмо. Подлинник письма будет мне предоставлен до вечера понедельника с дословным переводом на немецкий язык. Ленин пишет в письме, что немцы обращались очень корректно и точно выполнили все обговоренные в Берне условия, особенно те, согласно которым ни один немец

не должен был войти в их вагон (так же, как не зашел в вагон ни один солдат и даже проводник), и они тоже не могли выйти, чтобы общаться с немцами; никакого осмотра не было предпринято¹⁰³.

Утверждения антантовских итальянских и французских газет, будто Ленин при проезде через Германию беседовал там с Шейдеманом и с германскими и австрийскими дипломатами и позволил оказать на себя влияние в дружественном немцам смысле, письмом самого Ленина опровергаются как обычная ядовитая клевета антантовской прессы¹⁰⁴.

№ 71

Посланник в Берне барон фон Ромберг

Рейхсканцлеру фон Бетман-Гольвегу

Оригинал

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Отдел А. Секретные документы о войне 1914 года. Мирные настроения и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 F)

Дата: Берн, 26 апреля 1917 г.; вручена 29 апреля 1917 г. утром.

№ 1229

Через королевского фельдъегеря.

Секретно!

Один агент сообщает мне, что Ленин был в Петербурге восторженно встречен рабочими¹⁰⁵. От финляндской границы до Петербурга его и его товарищей сопровождали английские офицеры. В столице, однако, народ освободил прибывших от нежелательного сопровождения. Очевидно, столь унижительного обхождения с русским человеком в его собственном „свободном” отечестве не привелось ощутить поджигателям войны типа Плеханова¹⁰⁶.

Ромберг

Верховный судья Швейцарии Цграген ¹⁰⁷

Посланнику Германии в Берне барону фон Ромбергу

Оригинал письма

(Оригинал письма, написанного Верховным судьей Цграгеном. Документы кайзеровского германского посольства в Берне, касающиеся русских эмигрантов, относящиеся к марту 1917 года. – Т. 1. – № 162/1; в настоящее время находятся в Министерстве иностранных дел Великобритании)

Берн, 26 апреля 1917 г.

Ваше превосходительство!

Имея в виду мои устные переговоры с Вашим превосходительством, сообщаю Вам, что Комитет по возвращении на родину русских эмигрантов в Цюрихе (Секретариат Организационного комитета ¹⁰⁸ и сторонники этого комитета) уполномочил меня, Ваше превосходительство, просить кайзеровское правительство Германии оказать эмигрантам содействие в получении разрешения на проезд в Швецию. Эти русские эмигранты просят разрешить им проезд на тех же условиях, которые в свое время были определены для поездки ленинской группы.

Моим доверителям хотелось бы отъехать как можно быстрее, и они были бы очень рады, если бы по их прошению состоялось наискорейшее решение.

Примите уверение в моем совершенном почтении

Цграген, Верховный судья

Посланник в Берне барон фон Ромберг

В Министерство иностранных дел

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Секретные документы о войне 1914 года. Настроения в пользу мира и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании. 520/51 F. Черновик Ромберга. Документы кайзеровской германской мис-

сии в Берне, касающиеся русских эмигрантов, относящиеся к марту 1917 года. – Отдел А. – Т. I. – № 161/2; в настоящее время находятся в Министерстве иностранных дел Великобритании)

Отправлена из Берна 27 апреля 1917 г. в 12.45 после полудня; получена в 01.47 после полудня.

№ 742

Секретно!

Секретариат Организационного комитета русских революционных эмигрантов в Цюрихе обратился ко мне через посредничество швейцарского социал-демократа, внушающего доверие, с просьбой о том, чтобы 5 его членам – Мартову¹⁰⁹, Мартынову¹¹⁰, Аксельроду, Семковскому, Астрову и членам их семей было оказано содействие в выдаче им немедленного разрешения на проезд в Швецию на тех же условиях, что ранее были определены для группы Ленина. Комитет, после того как все его усилия получить от Временного правительства гарантию на проезд через страны Антанты остались безрезультатными, решил отбросить все соображения и сомнения, связанные с компрометацией¹¹¹. Они – несомненные приверженцы немедленного заключения мира, наиболее известные здесь после Ленина революционеры. Число отъезжающих еще не определилось. Можно было бы в качестве сопровождающего рекомендовать Мюнценберга, на коего¹¹² указано в моей телеграмме № 722; кроме того, как и в первом случае, следует позаботиться о немецком военном сопровождающем. Необходимо неотложное принципиальное решение, дабы не возымели силу противоположные влияния. Срок отъезда еще предстоит обговорить с участниками. По слухам, англичане задержали корабль¹¹³ с многочисленными русскими эмигрантами из Америки, что благоприятно воздействовало на решение здешнего Комитета¹¹⁴.

Ромберг

№ 74

**Статс-секретарь Министерства иностранных дел
Циммерман**

Посланнику в Берне барону фон Ромбергу

Телеграмма. Расшифровка

(Документы кайзеровской германской миссии в Берне, касающиеся русских эмигрантов, относящиеся к

марту 1917 года. – Отдел А. – Т. I. – № 161/2; в настоящее время находятся в Министерстве иностранных дел Великобритании)

Отправлена из Берлина 27 апреля 1917 г. в 2.45 утра; поступила 27 апреля в 4.30 утра; вручена 27 апреля 1917 г. в 7.10 утра.

№ 483 от 26 апреля.

Информация для Вашего превосходительства:

Представитель при Главной ставке телеграфирует: „В разговоре с генералом Людендорфом я установил, что он был бы согласен с тем, если Ваше превосходительство имело бы в виду, чтобы русских беженцев, возвращающихся из-за границы домой, которые до сих пор направлялись через Стокгольм, пропустить через наши линии фронта, с тем чтобы они непосредственно в армии вели пропаганду за мир¹¹⁵. В этих целях с военной стороны им были бы открыты пути настолько широко, в какой мере это окажется возможным, и их пропустили бы только там, где с русской стороны было бы дано согласие пропустить их незаметно, без огласки. Но, разумеется, никакой гарантии брать на себя невозможно, соответствующие лица действовали бы лишь при условии собственной ответственности, и они сами должны обеспечить себе путь к отступлению. Если все же кто-то из беженцев окажется готовым на это, то такая попытка могла бы быть предпринята”.

Циммерман

№ 75

Посланник в Берне барон фон Ромберг

В Министерство иностранных дел

Телеграмма. Расшифровка

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Секретные документы о войне 1914 года. Настроения в пользу мира и содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 F)

Отправлена из Берна 28 апреля 1917 г. в 8.40 после полудня; поступила в 11.55 после полудня; вручена 29 апреля 1917 г. утром.

№ 757

В связи с телеграммой № 742.

Русский эмигрантский комитет просил меня узнать, не могла ли бы примерно через 8 дней выехать через Германию группа от 200 до 250 эмигрантов на тех же условиях, что и группа Ленина. Они были бы особенно благодарны, если до этого в соответствии с моими телеграммами № 704 и 721¹¹⁶ открыто было бы сообщено об общем разрешении на проезд через Германию, но при этом сам отъезд не был бы поставлен в зависимость от такого разрешения. На основании берлинской телеграммы № 445 от 19-го числа настоящего месяца¹¹⁷ я ответил, что кайзеровское правительство принципиально согласно с проездом и других эмигрантов, оставляя за собой право на уточнение деталей о сроках и условиях. Прошу по возможности срочный, хотя бы предварительный ответ, так как эмигранты должны начать подготовку к своей поездке. Со стороны Антанты и части здешних русских ведется усиленная агитация против поездки. Скорый одобрительный ответ необходим для того, чтобы решившиеся на поездку не отпали вновь.

Ромберг

№ 76

**Статс-секретарь Министерства иностранных дел
Циммерман**

Посланнику в Берне барону фон Ромбергу

Шифрованная телеграмма

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Секретные документы о войне 1914 года. Настроения в пользу мира и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 F)

№ 505

Берлин, 29 апреля 1917 г.

На телеграмму № 704 от 21 числа текущего месяца и 721 от 24 числа текущего месяца.

Согласно существующей здесь точке зрения, имеется опасность, что неожиданное предложение немецкой стороны рус-

скому правительству, сделанное в соответствии с предложением русских эмигрантов и в связи с ранее достигнутыми соглашениями (об условиях проезда группы Ленина. — *Ред.*), теперь пропустить через Германию определенное число находящихся в Швейцарии русских и опубликование такого нашего предложения Вольфом¹¹⁸ могли бы вызвать у русского правительства недоверие; в таком случае видимая ныне склонность русского правительства пойти нам навстречу в вопросе освобождения заложников из Восточной Пруссии могла бы исчезнуть, превратиться в свою противоположность. Поэтому меня не оставляют сомнения по поводу этого предложения. Однако Ваше превосходительство может известить эмигрантов, что германское правительство готово в любой момент предоставить им право на проезд через Германию. Проезд будет осуществлен без остановок, в особом поезде, в сопровождении военной охраны; исключаются ведение какой-либо революционной пропаганды и любой контакт с другими лицами. При этом следует доверительно обратить внимание эмигрантов на то, что мы надеемся на их действительное влияние с целью освобождения заложников из Восточной Пруссии. Прошу возможно быстрее телеграфировать дату поездки и число отъезжающих.

Циммерман

№ 77

**Руководитель Политической секции
Генерального штаба в Берлине
капитан фон Хюльзен**

Послу, графу фон Поурталесу в Берлине

Оригинал

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Секретные документы о войне 1914 года. Настроения в пользу мира и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании 520/51 F)

Дата: Берлин, 29 апреля 1917 г.; вручен 29 апреля утром.

№ Pol. 15809

Секретно!

В связи со здешним № Pol. 15744 от 26 апреля 1917 г.

Как вам уже передано по телефону секретарем посольства господином фон Эрнстом¹¹⁹, Паспортный центр Представительства Генерального штаба в Берлине 28 апреля 1917 г. получил нижеследующую телеграмму от его прямого начальника, руководителя Отдела III в Генерального штаба действующей армии:

„Верховное главнокомандование только тогда согласится на проезд примерно 200 русских эмигрантов, если проезд через Германию будет происходить без остановок, в особом поезде, в сопровождении военной охраны; какая-либо революционная пропаганда исключена и любой контакт с другими лицами запрещается. Министерству иностранных дел следует предоставить право, ставить ли поездку дополнительного числа русских в зависимость от освобождения заложников из Восточной Пруссии. При каждом возможном в дальнейшем транспорте необходимо получать особое заявление о согласии на это условие”.

фон Хюльзен

№ 78

**Представитель Министерства иностранных дел
при Главной ставке
советник барон фон Лерснер**

В Министерство иностранных дел

Телеграмма

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Секретные документы о войне 1914 года. Настроения в пользу мира и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании. 520/51 F)

Отправлена из Главной ставки 29 апреля 1917 г. в 8.00 после полудня; получена в 9.20 после полудня; вручена 30 апреля утром.

№ 636

В связи с телеграммой 588.

Генерал Людендорф приказал телеграфировать:

„Военный атташе в Берне телеграфирует:

Центральный комитет в Цюрихе на свою телеграмму, посланную Чхеидзе, Керенскому и Вере Фигнер¹²⁰, получил ответ Милюкова, что поездку через Германию он считает невозможной. Он телеграфировал в Лондон и Париж, чтобы всем эмигрантам предоставлялся свободный проезд¹²¹. Но поскольку одновременно из Стокгольма поступила телеграмма, что, по полученным там депешам, ряд возвращающихся из Америки эмигрантов задержан в Галифаксе¹²², Комитетом в Цюрихе в адрес Совета рабочих и солдатских депутатов послана телеграмма-жалоба, в которой он обвиняет Милюкова, что тот даже не обосновывает свою точку зрения, хотя и знает, что поездка через Англию и Норвегию крайне затруднительна¹²³. При нехватке транспортных средств такая поездка длилась бы месяцы. Милюков признал наличие «черных списков» элементов, нежелательных для Англии и Франции. Обещание Милюкова пересмотреть эти списки не имеет никакого значения, так как у эмигрантов нет доверия к союзникам, они опасаются, что их там задержат. Комитет расценивает отношение Милюкова к эмигрантам как издевательское. Я еще раз потребовал указать нам примерное число эмигрантов, которых следует иметь в виду для поездки в Россию.

Если там (в немецких органах. — *Ред.*) не взяли верх другие намерения, я поддерживаю проезд эмигрантов через Германию, а именно до германского Восточного фронта, чтобы разрешить им переход на позиции русских войск. Разумеется, при переходе наших позиций не может быть обещана безопасность, хотя, естественно, участки перехода были бы выбраны так, чтобы в нашем смысле они оценивались как безопасные”.

Лерснер

№ 79

**Посланник в Берне барон фон Ромберг
Рейхсканцлеру фон Бетман-Гольвегу**

Оригинал

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Секретные документы о войне 1914 года. Настроения в пользу мира и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство

иностранных дел Великобритании, 520/51 F. Черновик Ромберга. Документы кайзеровской германской миссии в Берне, отдел А, касающиеся русских эмигрантов. № 161/2; в настоящее время находятся в Министерстве иностранных дел Великобритании ¹²⁴)

Дата: Берн, 30 апреля 1917 г.; вручен 2 мая 1917 г. после полудня.

№ 1273

Через королевского фельдъегеря.

Совершенно секретно!

Господин Платтен, который в свое время сопровождал русского революционера Ленина и его сторонников в поездке через Германию, посетил меня сегодня, чтобы поблагодарить от имени русских за проявленную к ним предупредительность. Поездка прошла превосходно. К сожалению, самому Платтену было запрещено сопровождать товарищей в поездке по России. На границе он был допрошен английским офицером, после чего ему отказали в разрешении на въезд. Напротив, Ленину его последователями была устроена блестящая встреча. Вполне можно сказать — за ним три четверти петербургских рабочих. Труднее — пропаганда среди солдат, ибо в их среде еще очень распространено мнение, что мы намереваемся напасть на русскую армию. Еще совсем не ясно, какое примет развитие революция. Возможно, окажется достаточной замена социалистами отдельных членов Временного правительства, таких как Милюков и Гучков. Во всяком случае, крайне необходимо путем пополнения из-за границы умножить число безусловных друзей мира, и поэтому он рекомендует предоставление тем эмигрантам, которые уже готовы выехать по возможности на тех же льготных условиях, какие были предоставлены Ленину и товарищам. По словам Платтена, к наибольшей поспешности еще более вынуждает опасение, что Антанта окажет давление также и на швейцарское правительство, с тем чтобы оно запретило выезд.

Еще господин Платтен сказал, что и в самой Германии есть некоторое число русских революционеров, отправка которых в Россию могла бы быть весьма целесообразной. Он обещал в дальнейшем сообщить мне их имена.

Из замечаний Платтена выяснилось, что эмигрантами очень ощущается нехватка средств для пропаганды ¹²⁵, в то время как их противники, конечно, распоряжаются неограниченными

суммами. Денежные фонды, собранные для поддержки эмигрантов, в большинстве случаев попали в руки социал-патриотов. Здесь через одного агента я прошупываю весьма щекотливый вопрос – нельзя ли их каким-либо путем поддержать материально, без того, чтобы с их стороны имелся бы какой-нибудь повод. Между тем я был бы благодарен за телеграфное сообщение, не поддерживаются ли революционеры финансово каким-нибудь иным путем ¹²⁶.

Ромберг

№ 80

**Военный атташе посольства в Берне
майор фон Бисмарк**

Посланнику в Берне барону фон Ромбергу

Оригинал

(Документы кайзеровской германской миссии в Берне, касающиеся русских эмигрантов, относящиеся к марту 1917 года. – Отдел А. – Т. I. – № 161/2; в настоящее время находятся в Министерстве иностранных дел Великобритании)

№ 5177/17

Берн, 1 мая 1917 г.

Мною получена 29 апреля от Его превосходительства Людендорфа следующая телеграмма:

„К вашему рапорту, касательно русских эмигрантов, прошу прежде всего сообщить данные об их приблизительной численности. Затем я отправляю рапорт в Министерство иностранных дел”.

Эта телеграмма, очевидно, относится к рапорту майора фон Клейста от 26 апреля, который я, как это принято, передал в Генеральный штаб в Берлине и о котором за своим № 5132/17 я сообщил Вашему высокоблагородию.

На телеграмму Его превосходительства Людендорфа я ответил 30 апреля:

„Дело эмигрантов – предмет длительных переговоров между здешними русскими, послом и Министерством иностранных дел. Рапорт майора фон Клейста, который я только переслал в Берлин, является преждевременным. Обобщающее донесение о деле в целом следует”.

Сегодня утром я получил из Главной ставки следующую телеграмму:

„Его превосходительство Людендорф указывает на то, что только те из русских будут пропущены через Германию, кто не настроен к немцам явно враждебно”.

Сегодня я телеграфировал Его превосходительству Людендорфу:

„В путь двинутся только такие русские, которые станут добиваться мира”.

Привожу Вашему высокоблагородию этот обмен телеграммами для ознакомления, с тем чтобы избежать недоразумений, которые, возможно, могут из-за этого возникнуть.

Бисмарк

№ 81

**Статс-секретарь Министерства иностранных дел
Циммерман**

Посланнику в Берне барону фон Ромбергу

Телеграмма. Расшифровка

(Документы кайзеровской германской миссии в Берне, касающиеся русских эмигрантов, относящиеся к марту 1917 года. – Отдел А. – Т. I. – № 161/2; в настоящее время находятся в Министерстве иностранных дел Великобритании)

Послана из Берлина 2 мая 1917 г. в 2.40 утра; принята в Лоэррахе 2 мая в 3.30 утра; поступила 2 мая 1917 г. в 10.00 утра.

№ 522 от 1 мая.

В связи с телеграммой № 483 от 26 апреля.

Представитель при Главной ставке сообщает:

„Генерал Людендорф приказал телеграфировать:

Военный атташе в Берне телеграфирует:

Центральный комитет в Цюрихе на свою телеграмму, посланную Чхеидзе, Керенскому и Вере Фигнер, получил ответ Милюкова, что поездку через Германию он считает невозможной¹²⁷. Милюков телеграфировал в Лондон и Париж, чтобы всем эмигрантам предоставлялся свободный проезд. Но поскольку одновременно из Стокгольма поступила телеграмма, что, по полученным там депешам, ряд возвращающихся из Амери-

ки эмигрантов задержан в Галифаксе¹²⁸, Комитетом в Цюрихе в адрес Совета рабочих и солдатских депутатов послана телеграмма-жалоба, в которой он обвиняет Милюкова, что тот даже не обосновывает свою точку зрения, хотя и знает, что поездка через Англию и Норвегию крайне затруднительна. При нехватке транспортных средств такая поездка длилась бы месяцы. Милюков признал наличие «черных списков» элементов, нежелательных для Англии и Франции. Обещание Милюкова пересмотреть эти списки не имеет никакого значения, так как у эмигрантов нет доверия к нему, они опасаются, что их там задержат. Комитет расценивает отношение Милюкова к эмигрантам как издевательское. Я еще раз потребовал указать нам примерное число эмигрантов, которых следует иметь в виду для поездки в Россию.

Если там (в немецких органах. — *Ред.*) не взяли верх другие намерения, я поддерживаю проезд эмигрантов через Германию, а именно до германского Восточного фронта, чтобы разрешить им переход на позиции русских войск. Разумеется, при переходе наших позиций не может быть обещана безопасность, хотя, естественно, участки перехода были бы выбраны так, чтобы в нашем смысле они оценивались как безопасные”.

Циммерман

№ 82

Посол в Берне барон фон Ромберг

В Министерство иностранных дел

Телеграмма. Расшифровка

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Секретные документы о войне 1914 года. Настроения в пользу мира и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 G)

Дата: Берн, 2 мая 1917 г., отправлена 3 мая в 12.40 утра; получена 3 мая в 6.55 утра; вручена 3 мая 1917 г. после полудня.

№ 779

В связи с телеграммой № 756.

Двести пятьдесят русских эмигрантов просят, чтобы в поезде, в котором они поедут вместе с малыми детьми, имелась возможность вскипятить молоко и чай. Они просят также, если можно, предоставить скидку на проездные билеты или, может быть, твердо установленную умеренную общую сумму оплаты за спецпоезд. Наконец, они просят установить, сколько каждый из едущих может провезти с собой багажа. Настоятельно рекомендую пойти навстречу. Прошу скорейшего установления срока поездки, так как эмигранты готовятся к возможно быстрому отъезду.

Ромберг

№ 83

**Помощник статс-секретаря Министерства
иностраннных дел фон Штумм**
Посланнику в Берне барону фон Ромбергу
Шифрованная телеграмма

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Секретные документы о войне 1914 года. Настроения в пользу мира и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 G)

№ 533

Немедленно

Ответ на телеграмму № 779.

Особый поезд для двухсот пятидесяти русских эмигрантов предположительно будет предоставлен между 9-м и 12-м числами этого месяца. Точное установление срока может последовать лишь через несколько дней. Едущие должны быть в готовности. Тариф для этого особого общественного поезда — $1\frac{3}{4}$ пфеннига вместо нормального тарифа в 3 пфеннига за километр. Пожалуйста, установите, сколь велика будет часть расходов, которые возьмет на себя Министерство иностранных дел. Пищу можно будет готовить в багажном вагоне. Каждая персона может сдать 35 кг багажа, кроме того, иметь вполне достаточное количество ручного багажа.

**Представитель Министерства иностранных дел
при Высочайшей свите**

Советник миссии барон фон Грюнау

В Министерство иностранных дел

Телеграмма

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Секретные документы о войне 1914 года. Настроения в пользу мира и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 G)

Послана из Главной ставки 4 мая 1917 г. в 12.40 после полудня; получена в 2.45 после полудня; вручена 5 мая 1917 г. после полудня.

№ 661

На телеграмму № 776.

Верховное главнокомандование заявляет о своем согласии на проезд пяти русских революционеров¹²⁹.

Подпись: Грюнау

**Помощник статс-секретаря Министерства
иностраннных дел фон Штумм**

Посланнику в Берне барону фон Ромбергу

Шифрованная телеграмма

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Секретные документы о войне 1914 года. Настроения в пользу мира и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 G)

№ 541

Ответ на телеграмму № 742.

Верховное главнокомандование с проездом пяти русских революционеров согласно. Оно рекомендует, однако, чтобы они присоединились к общему транспорту отъезжающих, для которых предусмотрен особый общественный поезд. День отхода особого поезда будет сообщен завтра.

Штумм

№ 86

Германский поверенный в делах в Берне

В Министерство иностранных дел

Телеграмма. Расшифровка

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Секретные документы о войне 1914 года. Настроения в пользу мира и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 G)

Отослана из Берна 5 мая 1917 г., в 7.45 после полудня; поступила в 10.48 после полудня; вручена 6 мая 1917 г. утром.

№ 805

Секретно!

Ответ на телеграмму № 544.

Для посланника барона фон Ромберга:

Как условились, уведомил Цграгена. Он только что получил письмо эмигрантского Комитета в Цюрихе; в нем эмигранты выражают желание получить от нас заверения, что после отправки поезда, отходящего в скором времени, следующий поезд со 150–200 эмигрантами мог бы отойти в пределах месячного срока; Комитет указывает на то, что, чем больше будет пропущено эмигрантов, тем легче по прибытии в Россию они смогли бы добиться освобождения соразмерного числа интернированных немцев.

Цграген рекомендовал дать Комитету испрашиваемые заверения и возможно скорее, во всяком случае еще до отхода ближайшего поезда. Он указывает на то, что в этом случае Комитету будет облегчен выбор наиболее подходящих эмигрантов для проезда в следующем поезде, причем другие могли бы быть обнадешены, что смогут уехать последующим поездом.

Просим телеграфного указания.

Барон Хеннет¹³⁰ сообщает: надежный агент (социалист), противник Гримма, настоятельно советовал способствовать проезду наиболее важных эмигрантов прежде, чем Гримм возвратится в Швейцарию. Иначе Гримм, находясь под влиянием Антанты, возможно, станет препятствовать отъезду этих эмигрантов. В свое время Гримм пытался в последний момент задержать и группу Ленина — и именно из-за страха перед Антантой: это вызвало острое столкновение между Лениным и Гриммом¹³¹. Поэтому необходимо помешать тому, чтобы Гримм воздействовал на Црагена (sic!) таким образом, что тот снова станет колебаться, ибо он не слишком сильная личность.

Быть может, в случае необходимости Гримм мог бы быть задержан в Швеции, пока отсюда не отойдет ближайший поезд с эмигрантами.

Шуберт¹³²
Бетман-Гольвег¹³³

№ 87

Посланник в Берне барон фон Ромберг

В Министерство иностранных дел

Шифрованная телеграмма

(Черновик Ромберга. Документы кайзеровской германской миссии в Берне, касающиеся русских эмигрантов, относящиеся к марту 1917 года. — Отдел А. — Т. I. — № 162; в настоящее время находятся в Министерстве иностранных дел Великобритании)

№ 832

Берн, 9 мая 1917 г.

Секретно!

Весьма срочно!

Ввиду неотложного значения доставить на почту специальным курьером!

Прошу незамедлительно телеграфировать, когда отходит поезд особого назначения. Известие здесь должно быть получено по меньшей мере за два дня до отхода, чтобы осталось достаточно времени встретиться с руководителем эмигрантов, поскольку

ку необходимы окончательные договоренности относительно поездки.

Быстрейший по возможности отъезд эмигрантов между тем представляется крайне желательным.

Подпись: Ромберг

№ 88

**Посланник в Берне барон фон Ромберг
Рейхсканцлеру фон Бетман-Гольвегу**

Оригинал

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Секретные документы о войне 1914 года. Настроения в пользу мира и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 G. Черновик Ромберга. Документы кайзеровской германской миссии в Берне, касающиеся русских эмигрантов, относящиеся к марту 1917 года. – Отдел А. – Т. 1. – № 162; в настоящее время находятся в Министерстве иностранных дел Великобритании)

Дата: Берн, 10 мая 1917 г.; вручен 14 мая 1917 г. после полудня.

№ 1394

I. Приложение

Один из агентов сообщил мне следующее о состоявшемся 6-го числа этого месяца в здешнем Народном доме собрании русских эмигрантов:

„Исполнительный комитет русских эмигрантов (стоящих на позиции защиты отечества)¹³⁴ созвал в воскресенье собрание своих членов, чтобы выбрать из них 50 товарищей, которые на этой неделе с разрешения правительства Антанты отправятся в поездку на родину через Англию.

Представляется, что случай с Лениным и поездка Гримма побудили английское и французское правительства отступить от их прежнего запрета на проезд эмигрантов. Как в России, так и в нейтральных странах этот произвол в обхождении с эмигрантами со стороны Англии оставил столь скверное впечатление, что это даже трудно себе представить, ведь Англия осущест-

вила это неправомерное вмешательство вопреки распоряжению Временного правительства.

Чтобы как можно лучше загладить эту неприятность, временно исполняющий обязанности русского посла в Лондоне отправил телеграмму этому Комитету в Берне, что в дальнейшем никакие трудности не станут больше у них на пути и что отныне они могут ездить через Англию. Правда, в другой телеграмме, которая была послана эмигрантским эвакуационным комитетом в Лондоне, телеграмма посла истолковывалась в том смысле, что *поехать смогут лишь те, кто выступает за защиту отечества*. На запрос Комитета у здешних английского и русского посольств им было обещано, что Англия разрешит эмигрантам свободный проезд, насколько это будет в ее возможностях. Пока же английский посол обещал давать визы группам из 50 членов объединений в Берне и Цюрихе, притом они сначала должны группами по 8 человек в день отправляться через Париж в Лондон и там ожидать своего корабля.

В соответствии с этим 6-го числа этого месяца в течение второй половины дня первые 50 членов были отобраны, они на этой неделе уже отправятся в путь.

Идашкин¹³⁵ заверил меня, что на прошлой неделе один из интернационалистов, который по этому поводу держал пари с Феликсом Коном¹³⁶, подался в английское посольство и действительно получил визу, хотя он недвусмысленно заявил послу, что является интернационалистом.

Надо иметь в виду, что в этой поездке примут участие эмигранты из Берна и Цюриха, все — меньшевики. Большевики, руководимые Балабановой¹³⁷, Мартыновым¹³⁸, Мартовым¹³⁹ и др., и о которых Гримм ведет переговоры¹⁴⁰ в Петербурге, держатся в стороне от этого движения, так как они совершенно не доверяют английскому правительству. Они указывают на инцидент с Троцким и другими товарищами, которые в Англии все еще содержатся в заключении¹⁴¹. Вероятно, не без умысла было то обстоятельство, что английская цензура запретила публикацию об аресте этих эмигрантов при их проезде из Америки. Ежедневно я читаю массу английских газет всех направлений, и я не прочел об этом случае ни одного слова, даже в социал-патриотической судебной хронике.

Бернский Комитет опубликовал прилагаемую листовку, в которой напечатаны вышеприведенные депеши. Отчеркнутое синим не появилось во французской листовке большевиков”.

Упомянутая в докладе листовка прилагается¹⁴².

Ромберг

**Помощник статс-секретаря Министерства
иностранных дел фон Штумм**

Посланнику в Берне барону фон Ромбергу

Шифрованная телеграмма

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Секретные документы о войне 1914 года. Настроения в пользу мира и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 G)

№ 560

Берлин, 10 мая 1917 г.

Немедленно!

Неотложно!

В связи с телеграммой № 555.

Поезд особого назначения будет вечером 12 мая уже стоять в Готмадингене, при этом один вагон – второго класса. Руководитель транспорта – ротмистр фон Планиц. Отъезд 13 мая в 7.50 до обеда. Условия те же, что и у предыдущего транспорта. Питание будет обеспечено, но рекомендуется захватить миски, чашки и столовые приборы, так как необходимо избегать длительных остановок в пути. Для приготовления пищи – багажный вагон.

Прошу телеграфировать на пограничную станцию Готмадинген Планицу число участников и время прибытия, а также указать, должна ли часть оплаты за проезд быть взята на государственный счет.

Штумм

№ 90

**Помощник статс-секретаря Министерства
иностранных дел фон Штумм**

**Посланнику в Стокгольме
барону Люциусу фон Штёттену**

Шифрованная телеграмма

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Секретные документы о войне

1914 года. Настроения в пользу мира и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 G)

Черновик Штумма

№ 666

Берлин, 10 мая 1917 г.

Прошу через местного посредника начать усиленную агитацию за опубликование военно-политических соглашений, заключенных до войны бывшим режимом России с Францией и Англией ¹⁴³.

Подпись: Штумм

№ 91

**Помощник статс-секретаря Министерства
иностранных дел фон Штумм**

Послу в Берне барону фон Ромбергу

Шифрованная телеграмма

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Секретные документы о войне 1914 года. Настроения в пользу мира и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 G)

Черновик Штумма

№ 561

Берлин, 10 мая 1917 г.

Прошу через подходящих лиц, которые могли бы стать посредниками, чтобы возвращающихся в Россию эмигрантов навести на мысль потребовать от русского правительства опубликования военно-политических соглашений, которые до войны были заключены бывшим режимом России с Францией и Англией.

Подпись: Штумм

**Помощник статс-секретаря Министерства
иностранных дел фон Штумм**

Посланнику в Берне барону фон Ромбергу

Шифрованная телеграмма

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Секретные документы о войне 1914 года. Настроения в пользу мира и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 G)

№ 566

Берлин, 11 мая 1917 г.

Немедленно!

Неотложно!

В связи с телеграммой № 560.

Поскольку в Готмадингене нет свободного для стоянки пути, поезд особого назначения будет стоять в готовности в субботу вечером уже на швейцарской территории в Шаффхаузене. Отправка оттуда в воскресенье в 7 час. утра. Прибытие в Готмадинген в 7 час. 22 мин. Здесь транспорт примет ротмистр Планиц.

Подпись: Штумм

Посланник в Берне барон фон Ромберг

В Министерство иностранных дел

Телеграмма. Расшифровка

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Секретные документы о войне 1914 года. Настроения в пользу мира и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 G)

Отправлена из Берна 13 мая 1917 г. в 11.05 утра; поступила 14 мая, в 1.15 после полудня; вручена 14 мая 1917 г. после полудня.

№ 858

Секретно!

Ссылаясь на телеграмму № 560.

Среди эмигрантов находятся: Безработный (sic!)¹⁴⁴, Луначарский (sic!)¹⁴⁵, Бобров¹⁴⁶, Полянский¹⁴⁷, Мартов¹⁴⁸, Астров¹⁴⁹, госпожа Балабанова¹⁵⁰, д-р Гавронский¹⁵¹. Отъезд, как было запрограммировано, состоялся вчера утром.

Ромберг

№ 94

Помощник статс-секретаря Министерства иностранных дел фон Штумм

Представителю Министерства иностранных дел при Высочайшей свите советнику миссии барону фон Грюнау

Телеграмма по Юзу

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Секретные документы о войне 1914 года. Настроения в пользу мира и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 G)

№ 918

Берлин, 16 мая 1917 г.

Информация, которая может оказаться пригодной для использования Его Величеством.

В воскресенье 13 мая с согласия Верховного главнокомандования отправлен из Готмадингена через Германию в Засниц второй поезд особого назначения с 250 проживавшими в Швейцарии русскими изгнанниками. Среди едущих находились известные личности, такие как Безработный (sic!), Луначарский (sic!), Бобров, Полянский, Мартов и Астров.

В прессе, чтобы не привлекать внимания к поездке, сообщения о ней не появлялись^{151a}. Эмигрантам было поручено выступить в России за освобождение интернированных немецких граждан и перемещенных восточнопрусских граждан.

Штумм

**Политическая секция Генерального штаба
в Берлине**

В Министерство иностранных дел

**В руки секретаря посольства фон Ов-Вахендорфа,
Берлин**

Оригинал

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Секретные документы о войне 1914 года. Настроения в пользу мира и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 G)

№ Pol.16310

Берлин, 19 мая 1917 г.

Секретно!

I. Приложение

Согласно договоренности господина секретаря миссии фон Ова с капитаном графом Клинковстроем в приложении с почтением передается копия донесения капитана фон дер Планица о втором транспорте русских эмигрантов, который он сопровождал от Готмадингена до Засниц. Донесение о первом транспорте капитан фон дер Планиц в свое время представил шефу Отдела III b Представительства Генерального штаба в Берлине¹⁵².

И. о. Маргуерре
Берлин, 19 мая 1917 г.

Вторично было дано задание перевезти русских эмигрантов из Готмадингена в Засниц.

Поездка проходила без особенных трудностей.

В распоряжение участников, ввиду их большого числа, для их транспортировки был предоставлен D-поезд. Для приема едущих он стоял уже наготове в Шаффхаузене. В Готмадингене по поручению кайзеровской миссии в Берне транспорт был передан мне опять лейтенантом Шюлером. Отъезд последовал 13 мая 1917 г. в 7.50 до полудня, прибытие в Засниц – в полдень 14 мая 1917 г. Продвижение поезда происходило бы без опозданий, если бы на коротком отрезке Берген – Засниц не возникла задержка из-за товарного поезда.

Число участников составило 147 мужчин, 14 женщин и

32 детей. Число было установлено во время хода поезда, поскольку при передаче (в Готмадингене) руководитель всего общества — сравнительно молодой человек по фамилии Фогель¹⁵³ — не имел ясного представления о числе едущих. Поэтому три проездных билета оказались лишними.

Руководство этим транспортом осуществлялось в соответствии с принципами, принятыми для транспорта, ушедшего в пасхальные дни¹⁵⁴.

В этой связи смею сослаться на мое донесение о предыдущем транспорте. Что эти принципы оправдали себя, мне велел передать через лейтенанта Шюлера кайзеровский посланник в Берне, а также о том, что их реализация снискала признательность и единодушное одобрение Ленина и его спутников¹⁵⁵. Я учел также благодарность участников первого транспорта.

И на этот раз эмигранты выразили категорическое желание оплату проездных билетов, багажа и услуги взять на себя. При отъезде из Швейцарии Фогель, как он говорил, должен был получить ссуду в 2000 франков. По моей просьбе он обменял сумму, необходимую для проезда через Германию, и оплачивал расходы в немецкой валюте. Едущие везли с собой большие запасы продуктов, поэтому только в Оффенбурге и Заснице был заказан суп, а в Гейдельберге — кофе. Из-за сильной жары во время поездки был очень большой спрос на сельтерскую воду, но, к сожалению, жажду могли утолить лишь очень немногие. Вопреки посланным заранее телеграммам, на станциях, где останавливался поезд, не удалось обеспечить достаточных ее запасов для 253 человек. Поэтому едущие вынуждены были обходиться обычной питьевой водой, которая подавалась им в вагоны. Кипяток для приготовления чая был предоставлен в Айзенахе и Пасевальке. Сырой водой тоже были обеспечены достаточно. Поэтому испортилось значительное количество запасенного на дороге мяса. Едущие очень усердно предлагали угощение, то и дело они велили спросить меня: не желаю ли я по крайней мере съесть апельсин или яблоко, с этими освежающими фруктами они посылали ко мне детей. Само собой разумеется, я с благодарностью от всего отказывался.

Время стоянок поезда было слишком коротким для оказания даже этих ограниченных услуг. Следует в будущем, если это еще раз потребуется, рекомендовать в плане поездки предусмотреть несколько более длительных стоянок. Нельзя забывать, что лишь подача свежей питьевой воды, даже при использовании более емких сосудов, таких как ведра, бочки для воды и пр., длится не менее 10 минут, когда дело идет об обеспечении 250 человек. Если бы команда сопровождения не помога-

ла наполнять и передавать в вагоны ведра, то обеспечение питьевой водой за время стоянок не было бы возможным ни разу.

Следует также продумать, необходимо ли в будущем сохранение команды охраны — унтер-офицер и 10 человек, которые были востребованы для сопровождения транспорта. Для поддержания порядка они не потребовались, так как едущие сами придерживались строгой дисциплины. Фогель не разрешал никому выходить, он даже двери вагона приказал запереть еще в Шаффхаузене. По моим наблюдениям, во время стоянок на станциях никаких попыток вступить с кем-либо в контакт не предпринималось. Во время новых транспортов вряд ли целесообразно иметь команду сопровождения, несущую функцию охраны безопасности, напротив, она была бы крайне нужна для обслуживания на остановках, для подачи питьевой воды, еды, багажа и т. д. Едущие с большой благодарностью отметили старания команды, и один пожилой мужчина высказался так, что теперь-де он тем более будет стремиться облегчить положение каждого немецкого военнопленного, поскольку наши солдаты столь охотно брались им помогать во время поездки. Это свидетельствует о значительном изменении взглядов, ибо лейтенант Шюлер сообщил мне при передаче транспорта, что среди едущих поднялось невероятное волнение, как только стало известно, что поезд будет охраняться по-военному. Шюлер поэтому тут же связался с кайзеровским посланником в Берне, который просил, чтобы я успокоил едущих и указал на понятную им причину необходимости военной охраны. К прибытию в Готмадинген волнение уже уменьшилось. Охраны в чисто военном смысле не получилось из-за того, что команда была очень нужна для исполнения других поручений. Строгая охрана и не предусматривалась. Еще во время первого транспорта она, к примеру, была лишь ночью незаметно выставлена из-за задержек в Зингене и Заснице. Настроение едущих было очень хорошим, совершенно противоположным тому, какое царило во время первого транспорта; тогда царила почти торжественная и явная сдержанность. На этот раз участники поездки даже пытались знакомиться с военными. Я уклонялся от разговоров, кроме как с Фогелем, так как в первый раз он категорически потребовал говорить с ним. Но с приданным мне в помощь исполняющим обязанности офицера многие заводили разговоры, содержание которых было большей частью о том, что они сторонники Ленина и хотят принести освобождение своей родине.

Едущие мужчины были примерно наполовину славяне и евреи. Среди пожилых людей можно было также заметить, по-видимому, чисто германские лица, судя по внешности, их

можно было принять за благопристойных немецких ученых. Один из них прожил 4 года в Дармштадте. Он очень опечалился, что проспал Дармштадт. Кое-кто из женщин были урожденными немками. Некоторые дети не знали ни слова по-русски. Молодые славяне подчеркивали в своей внешности схожесть с русскими „интеллектуалами”. Многие из них, казалось, придавали большое значение тому, чтобы внешне походить на Максима Горького. Красные банты или прочие революционные значки были видны тут и там. Евреи больше были похожи на международных путешественников. На стоянках транспорт каждый раз вызывал незамедлительную сенсацию и зачастую веселье; каких-либо инцидентов нигде не произошло. Немецкая публика, даже так называемая воскресная публика, повсюду демонстрировала безупречное поведение.

Приготовление чая и пищи, раздачу ее во время поездки взяли на себя молодые люди. Женщины в этом участвовали мало.

Поименный список мне и на этот раз не был передан. Фогель также только в ходе поездки установил для себя фамилии едущих. При передаче поезда лейтенант Шюлер назвал мне следующих видных руководителей, находившихся среди этого общества: Мартова, Мартынова, Семковского, Астрова, Боброва, он же Натансон. И на этот раз на немецкой территории не было проверки багажа или личностей.

Переход с поезда на паром прошел без затруднений. Фогель в качестве руководителя от имени эмигрантов высказал мне их благодарность и особенно поблагодарил всю команду за ее готовность помогать им.

Все путешественники были приняты на паром, отплывший точно, вовремя. Еще долго они махали платками и шляпами.

Следует еще упомянуть, что на станциях, где предоставлялось питание, обслуга всегда получала богатые чаевые или же делался взнос в Красный Крест, как, например, в Гейдельберге.

Когда эмигранты во время стоянки на острове Рюген увидели работающих на разгрузке угля русских военнопленных, они велели меня спросить, нельзя ли дать им что-либо из еды. Я, само собой разумеется, отклонил эту просьбу. К тому же эти военнопленные были в особо хорошем состоянии, они не выглядели изнуренными, весело курили свои сигареты, и я по праву мог заметить, что военнопленных кормят здесь удовлетворительно и они даже получают курево. Кажется, едущих вполне удовлетворил как внешний вид, так и состояние военнопленных. При отъезде они прокричали им несколько слов по-

русски и взаимно друг другу помахали. Во время стоянки они не общались.

На основании моего опыта при поездках с обоими транспор-тами русских эмигрантов я полагаю правомерным высказать свое суждение, что и способ, и методы исполнения в общем и целом оправдали себя.

№ 96

Посланник в Берне барон фон Ромберг Рейхсканцлеру фон Бетман-Гольвегу

Оригинал

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Секретные документы о войне 1914 года. Настроения в пользу мира и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 G)

Дата: Берн, 19 мая 1917 г; вручен 22 мая 1917 г. утром.

№ 1512

Содержание: отъезд русских эмигрантов из Цюриха ^{155 а}.

Агент сообщил мне об отъезде русских эмигрантов из Цюриха 13-го числа этого месяца следующее:

„Из русских эмигрантов, уезжающих сегодня в полдень (12 мая 1917 г.) из Цюриха через Германию на родину, общим числом примерно в 250 человек, следует упомянуть политически влиятельных лиц, в первую очередь:

Безработный, Луначарский (sic!), Бобров (который жил в Кларенсе под фамилией Натансон), Полянский, Маргов, Астров и — как меня заверили по секрету — госпожа Балабанова, д-р Гавронский и многие другие. Число эмигрантов и их имена на этот раз особенно держались в тайне, так что даже те из весьма доверенных цюрихских товарищей, которые близки к русскому движению, не имели более полных сведений. Особенно держался в тайне отъезд госпожи Балабановой ¹⁵⁶.

В телеграмме, пришедшей в последние дни в Цюрих на имя Аксельрода и Мартова от Чхеидзе и Дана ¹⁵⁷ (известен как писатель-экономист), высказано *предостережение* в отношении проезда через Германию, ввиду связанной с этим дискредитацией в русских политических кругах, а также то, что за подоб-

ный шаг они, как обычно, не несут никакой ответственности. Это предостережение успеха не имело: участники поездки, напротив, сожалели, что они не присоединились еще к первому поезду и сами допустили, что решение так долго затянулось¹⁵⁸. Хотя они и ожидали неделями, но лучшей возможности не представилось, и лишь в последние дни французской стороной 50 эмигрантам была предложена *бесплатная* отправка (на военном корабле), но те, кто решился возвратиться на родину, будучи принадлежащими к социал-революционерам и группе Аксельрода – Мартова, не пошли на попятную в своем решении ехать безопасным путем через Германию. Истинных социал-патриотов чистых кровей и тех, что придерживаются плехановского направления, среди едущих нет: они объявили, что через Германию они возвращаются домой не будут.

Комитет Веры Ф и г н е р¹⁵⁹ прислал по 200 рублей для каждого репатрианта. Этого многим для пропитания, приобретения одежды (в России ее можно купить только по сумасшедшим ценам) и пр. было недостаточно. Некоторые из социал-революционеров, как, например, Шкловский¹⁶⁰, сторонник Ленина и издатель выходившего в Швейцарии на русском языке «Социал-демократа», прекратившего свое существование из-за нехватки необходимых средств, не хотят оставлять Швейцарию, не погасив долги, и прежде всего будут выполнять свои обязательства.

Цель ленинцев – действовать главным образом в волжских областях, центре русского крестьянства, где, как сообщают, происходят серьезные аграрные беспорядки. Как считают Чхеидзе и его приверженцы, земельный вопрос должен быть решен лишь Учредительным собранием¹⁶¹, что вызывает у крестьян большое недоверие, несмотря на данные им заверения. Издаваемый в Швейцарии на русском языке «Социал-демократ» осенью 1915 года¹⁶², еще при старом режиме, в № 47 специально потребовал опубликования *военно-политических* соглашений между Россией и Англией (с соответствующей программой «Социал-демократ» обратился к русскому пролетариату и крестьянству), и это требование – постулат, который со вступлением Ленина в бой особо энергично был выдвинут перед Временным правительством¹⁶³.

Чхеидзе, который склонен поддерживать Временное правительство, два дня спустя после прибытия Ленина под его давлением и воздействием его программы должен был выступить в Совете рабочих и солдат¹⁶⁴ с заявлением, что вся секретная дипломатия упразднена и заключенные при царском режиме секретные договоры будут опубликованы.

Упомянутая программа «Социал-демократа» была повторена в письме к швейцарским товарищам (написанном Лениным за два дня до отъезда, опубликованном, однако, в газете «Volksrecht» лишь после его отъезда в Петербург). Программа содержала, в частности, требование о немедленном заключении мира на основе отказа от завоеваний и предоставления свободы колониям и угнетенным народам, а также опубликования секретных документов о соглашениях, заключенных перед войной¹⁶⁵.

Некоторым эмигрантам при отъезде вчера вечером (12 мая 1917 г.) этот постулат, вероятно, вновь пришел на память. На последней конференции, на которую в Цюрих отправился д-р Шкловский, этот пункт был специально особо подчеркнут”.

№ 97

**Поверенный в делах в Софии
барон фон Рихтгофен¹⁶⁶**

В Министерство иностранных дел

Телеграмма. Расшифровка

(Министерство иностранных дел. Главный архив Министерства иностранных дел. Секретные документы о войне 1914 года. Настроения в пользу мира и мероприятия для содействия миру. Мировая война, 2, секретно. Фотокопия. Государственный архив, Лондон. Министерство иностранных дел Великобритании, 520/51 G)

Отослана из Софии 13 июня 1917 г., в 6.50 после полудня; поступила 14 июня 1917 г.; получена 14 июня в 5.05 утра.

№ 272

В связи с телеграммой № 252.

Болгарское правительство переслало мне сегодня списки русских эмигрантов, которые я передал здешнему органу немецкой контрразведки для передачи их в Представительство Генерального штаба в Берлине. Речь идет о 16 русских эмигрантах с их семьями, в целом 35 человек. Предложение болгарской стороны – возможно быстрее, между 20 и 25 июня, посадить людей в вагон 2-го класса и без задержек в пути подвезти их через Австро-Венгрию и Германию к нашей границе. Так как эти люди без средств, Болгария обеспечивает им бесплатный

проезд по железной дороге и просит австро-венгерское правительство и нас поступить так же. Их должны будут сопровождать прибывшие в Стокгольм болгарский социалист Харлаков и его жена, известная в социалистических кругах под именем Коикатинева; оба принадлежат к циммервальдскому направлению¹⁶⁷. Русские — все без исключения сторонники Ленина. По политическим причинам поэтому представляется уместным быть предупредительными к ним. Кинкель¹⁶⁸, как о нем сообщил господин Косев¹⁶⁹, является личным другом Ленина, а Семашко¹⁷⁰ вместе с Лениным издавал во время войны газету в Швейцарии. Оба — решительные противники Плеханова и намерены в этом духе действовать в России.

Рихтгофен

№ 98

Германский Генеральный консул в Женеве Гейслер Немецкому посланнику в Берне барону фон Ромбергу

Оригинал

(Документы кайзеровской германской миссии в Берне, касающиеся русских эмигрантов, относящиеся к марту 1917 года. — Отдел А. — Т. I. — № 162/1; в настоящее время находятся в Министерстве иностранных дел Великобритании)

Дневник, № G. 1073

Женева, 13 июня 1917 г.

К записи из дневника № А 4682 от 7-го числа этого месяца.

Грузин Кересселидзе сообщил мне, что „Всероссийский земский союз“¹⁷¹ дружелюбно относится к Антанте и потому агитирует за продолжение войны до самого конца. Руководителем Бюро, созданным Союзом в Женеве, является госпожа Ц. Боткина, русская вдова, живущая здесь со своими детьми, известная в русских кругах своей благотворительностью. Кересселидзе полагает, что это Бюро будет предоставлять средства для возвращения в Россию и тех русских женщин, которые придерживаются пацифистских взглядов. По отношению к этому он высказался следующим образом: „На мой взгляд, если это общество стало бы ходатайствовать о разрешении на проезд через Германию (что всего вероятнее оно делать не будет),

не следовало бы ему отказывать в этом разрешении. Когда Германия позволила русским подданным проезд через страну, а Англия в то же время в подобном разрешении отказала, симпатии всех — даже патриотов — были на стороне Германии. Это настроение весьма существенно облегчало работу пацифистов, поскольку Германия всем без исключения разрешила проезд, в то время как Англия осторожно взвешивала, можно ли и кому позволить проехать. Теперь, когда Англия разрешает проезд всем, осторожность повелевает, чтобы Германия по легкомыслию не растеряла завоеванных симпатий. В этих целях, на мой взгляд, необходимо, чтобы Германия теперь действовала так же каждому, кто бы об этом ни ходатайствовал, разрешала проезд.

Кайзеровский Генеральный консул
Гейслер¹⁷²

№ 99

**Барон Лангверт фон Зиммерн из Министерства
иностранных дел**

Посланнику в Берне барону фон Ромбергу

Оригинал

(Документы кайзеровской германской миссии в Берне, касающиеся русских эмигрантов, относящиеся к марту 1917 года. — Отдел А. — Т. I. — № 162/1; в настоящее время находятся в Министерстве иностранных дел Великобритании)

№ 593

Берлин, 27 июня 1917 г.

В связи с другим сообщением от 18-го числа этого месяца. Верховное главнокомандование проезд 200—300 следующих русских эмигрантов, предусмотренный на конец июля, утвердило. Мероприятия по обеспечению безопасности, которые ранее оправдали себя, должны быть вновь проведены.

Прошу Ваше высокоблагородие как можно скорее сообщить сюда приблизительное число едущих и день отъезда, определенный по желанию русских.

Отошедший 21-го числа этого месяца транспорт достиг границы без инцидентов. Русские в целом очень похвально отзывались о распорядке, установленном германским правительством.

По поручению
Лангверт¹⁷³

**Посланник в Берне барон фон Ромберг
Рейхсканцлеру фон Бетман-Гольвегу**

Оригинал

(Документы кайзеровской германской миссии в Берне, касающиеся русских эмигрантов, относящиеся к марту 1917 года. – Отдел А. – Т. I, – № 162/1; в настоящее время находятся в Министерстве иностранных дел Великобритании)

№ 22130

Берн, 11 июля 1917 г.

Секретно!

Почитаю за честь передать Вашему Высокопревосходительству донесение одного из агентов о поездке русских эмигрантов последним поездом.

Ромберг

Последний поезд с эмигрантами (Байер).

Последний поезд с эмигрантами прибыл сюда в понедельник, 25 июня. В нем находилось 205 человек, среди них около 50 женщин и детей. Руководящих деятелей первого ранга среди участников этой экспедиции не было, но все же среди них были активные и опытные организаторы, агитаторы и писатели.

Д-р Шкловский¹⁷⁴ – очень близкий друг Ленина, энергичный, преданный революции человек, оставивший свою несколько лет существовавшую в Берне лабораторию, чтобы служить революции, своей партии и миру.

Владимирский¹⁷⁵ – врач, живший в Париже, тоже большевик; он уверил французское правительство, что для отдыха ему необходимо быть в Швейцарии. Это было ему разрешено. Тогда он поехал из Швейцарии через Германию в Россию, иначе был бы задержан во Франции.

Романов¹⁷⁶ – депутат II Думы, большевик.

Попов¹⁷⁷ – депутат II Думы, большевик.

Д-р Варшавский (он же Бронский)¹⁷⁸ – писатель, польская Социал-демократическая партия, противник партии Розы Люксембург¹⁷⁹.

Д-р Гавронский¹⁸⁰ – один из двух братьев д-ра Гавронского, член интернационалистической группы социал-революционеров.

Залевский¹⁸¹ — писатель, толстовец, член ППС, польской Социалистической партии¹⁸².

Исаак Розенцвейг¹⁸³ — прежде учитель, изучал в Берне юриспруденцию, член еврейского Бунда, человек верный, добросовестный, энергичный, к сожалению, легочнобольной.

Усов¹⁸⁴ — писатель, толстовец, проживал в Италии.

Эмигранты прибыли из Швейцарии, Италии, Франции, Америки, Бельгии и т. д. Участники поездки из Швейцарии делились на тех, кто приехал из Женевы, Лозанны, Берна, Цюриха, и т. д. Из Бельгии было 35 человек, которым до этого пришлось ехать 8 дней. Из-за чрезмерной приветливости по отношению к немцам, как мне было сказано д-ром Шкловским, они с самого начала приобрели репутацию немецких друзей, даже там и сям подозревают, что они — прямо немецкие агенты. Кроме того, здесь же находятся 25–30 анархистов; большевики охарактеризовали мне их так: для революции это очень опасные и очень вредные элементы. „Анархисты желают ведь только грабить и убивать”.

В качестве сопровождающего поезд я видел господина Президента Верховного суда Отто Ланге¹⁸⁵ из Цюриха, который в настоящее время является социал-демократическим городским советником. Все без исключения участники поездки с теплым чувством упоминали о превосходном обхождении с ними в Германии. Ранее они представляли это себе иначе и теперь были очень приятно удивлены. Органы власти, военные и другие немцы — все обращались с ними весьма дружелюбно и в предупредительной манере. Женщинам и детям военные приносили в вагоны молоко в достаточном количестве. Жаловались же, напротив, на бесцеремонность шведского правительства, которое вместо 13 часов поездки заставило эмигрантов с женами и детьми, со стариками и больными ехать все 30 часов.

Трех русских социал-революционеров, из которых один мне был знаком еще по Берну, я расспросил о новостях. Они говорили о солдатах на фронте. Настроение повсеместно таково, что солдаты не хотят больше никакой войны, их лозунг „Хлеб и мир!”

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ Ср. предисловие (октябрь, 1929 г.) к Münzenberg W. Die Dritte Front. – 1930. – S. 7; о значении Цюриха для ранней русской эмиграции ср. Meijer J. M. Knowledge and Revolution. The Russian Colony in Zurich (1870– 1873) // Social History. – I. – 1955.
- ² Один экземпляр этой карикатуры находился среди документов Министерства иностранных дел (Akten des Deutschen Auswärtigen Amtes erhalten. – AGB/Russ, Emigr.).
- ³ Ср. Landau-Aldanov M.-A. Lénine. – O. J. – S. 21.
- ⁴ Ср. ниже Münzenberg W. – Op. cit. – S. 234.
- ⁵ Masaryk T. G. Die Weltrevolution, Erinnerungen und Betrachtungen 1914– 1918. – 1925. – S. 190.
- ⁶ Zweig St. Der versiegelte Zug. Lenin, 9. April 1917 // Sternstunden der Menschheit. – 1953. – S. 281 ff.
- ⁷ Churchill Winston S. The World Crisis. The Aftermath. – 1929. – S. 72.
- ⁸ Lloyd George David. Mein Anteil am Weltkrieg (War memoirs). – III. – 1936. – S. 64 f.
- ⁹ Trotzki L. Mein Leben, Versuch einer Autobiographie. – 1930. – S. 297.
- ¹⁰ Harden M. Der Weg nach Mirgorod // Die Zukunft. – Bd. 110. – 1920. – S. 180.
- ¹¹ Ludendorff M. Als ich Ludendorff's Frau war. – 1929. – S. 180; Эрцбергер в своих воспоминаниях (Erlebnisse im Weltkrieg. – 1920) ни словом не упоминает о поездке Ленина.
- ¹² Ludendorff E. Meine Kriegserinnerungen 1914–1918. – 1919. – S. 407.
- ¹³ Ludendorff E. Kriegführung und Politik. – 1922. – S. 271 f.; дальнейшие высказывания Людендорфа по поводу поездки Ленина см. также S. 193, 199.
- ¹⁴ Naumann V. Dokumente und Argumente. – 1928. – S. 213.
- ¹⁵ Scheidemann Ph. Memoiren eines Sozialdemokraten. – I. – 1928. – S. 427 f.
- ¹⁶ Parvus. Im Kampf um die Wahrheit. – 1918. – S. 51.
- ¹⁷ Stern-Rubarth E. Graf Brockdorff-Rantzau. Wanderer zwischen zwei Welten. – 1929. – S. 52.
- ¹⁸ Ср. Bethmann Hollweg T. Betrachtungen zum Weltkriege. – II. – 1921. Бетман обходится общими рассуждениями о русской революции (S. 173, 188 195 f., 200, 207).
- ¹⁹ См. воспоминания Н. К. Крупской, Г. Зиновьева, К. Радека // Платтен Фриц. Ленин из эмиграции в Россию. Март 1917. – 1925; Guillebaux H. Wladimir Pjitch Lenin. Ein treues Bild seines Wesens. – 1923. – S. 130 ff.; Ганецкий Я. Приезд тов. Ленина из Швейцарии в Россию (1917) // Пролетарская революция. – 1924. – № 1. – С. 102 и сл.;

- его же. От февраля к Октябрю//Воспоминания о Владимире Ильиче. – Т. 1. – 1956. – С. 483 и сл.
- ²⁰ Рубинштейн Н. Небольшие заметки и сообщения о приезде Ленина в Россию в 1917 г.//Пролетарская революция. – 1929. – С. 222 и сл.
- ²¹ Ср. Lenin Wladimir Ijisch. Ein kurzer Abriss seines Lebens und Wirkens. – 1947. – S. 217 ff.; Lenin. A biography. – 1955. – S. 140.
- ²² Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 31. – С. 119 – 121.
- ²³ Ленинский сборник II. – 1924. – С. 367 – 412.
- ²⁴ Платтен Фриц. Ленин из эмиграции в Россию. Март 1917. – 1925. – С. 144.
- ²⁵ Fester R. Die Politik Kaiser Karls und der Wendepunkt des Weltkrieges. – 1925. – S. 276; исследование о поездке Ленина Фестер позже обобщил в своем труде Die politischen Kämpfe um den Frieden 1916 – 1918 und das Deutschland. – 1938. – S. 61–67, 166. Этот труд, к сожалению, ввиду своей тенденциозности должен восприниматься с оговорками.
- ²⁶ Ср. Katkow G. German Foreign Office documents on financial support to the Bolsheviks in 1917//International Affairs. – Vol. 32. – 1956. – S. 181 etc.; Kerenskij A. Op. cit. – S. 534 ff.
- ²⁷ Поучительны для занимающихся историческими исследованиями малоизученные данные, которые, наряду с другими, содержатся в документах германского Министерства иностранных дел, а также в документах AA/Abt. A/Allg. Rußl. – 1.10.1912–31.1.1915. Уже 27 ноября 1914 г. граф Брокдорф-Ранцау сообщает Министерству иностранных дел: „Точно установлено, что революционные организации на всякий случай приведены в боевую готовность”.
- ²⁸ Вопрос о немецко-русских мирных усилиях возникал в этот период времени неоднократно, хотя до сих пор так и не обсужден всесторонне. Ср. Frantz G. Friedensfühler bis Ende 1915. Ein Beitrag nach russ//Berliner Monatshefte XI. – 1933. – S. 581 ff.; Stadelmann R. Friedensversuche im ersten Jahre des Weltkrieges//HZ. 156. – 1937. – S. 493 ff.; Hölzle E. Der Osten im Ersten Weltkrieg. – 1944. – S. 20 ff.; Ders. Deutschland und die Wegscheide des Ersten Weltkrieg//Geschichtliche Kräfte und Entscheidungen. Festschrift für O. Becker. – 1954. – S. 266 ff.
- ²⁹ Ср. док. № 1, 2.
- ³⁰ Документы кайзеровской немецкой миссии в Берне, касающиеся Кескюла и русской революционной пропаганды.
- ³¹ AA/Abt. A/Allg. Ang. Rußl. 1.2.1915 – 30.9.1915. Bericht präz. 26.7.1915. Кескюла подписал докладную записку псевдонимом А. Штейн.
- ³² Ср. ниже, док. № 3.
- ³³ Ср. ниже, док. № 4.
- ³⁴ AA/Abt. A/Allg. Ang. Rußl. 1.2.1915 – 30.9.1915; Telegramm v. 2.8.1915.
- ³⁵ AA/Abt. A/Allg. Ang. Rußl. 1.2.1915 – 30.9.1915; Bericht v. 11.9.1915.
- ³⁶ AGB/russ. rev. Prop., Bericht Rombergs vom 10.3.1917. Кескюла представил посланнику „Sbornik Socialdemokrata”. Ромберг далее высказывается о „Sbornik Socialdemokrata”: „Я выяснил, что на сегодняшний день вышло всего два номера этого журнала... Я слышал, что выход его будет продолжаться, и мне четыре номера обеспечены; во всяком случае, я постараюсь их заполучить”. К сообщению Ромберга приложены два номера „Sbornik Socialdemokrata” (1916. – Oktober. – Nr. 1; Dezember. – Nr. 2), они остались неразрезанными, это означает, что в Министерстве иностранных дел они вряд ли были прочитаны.
- ³⁷ AA/Abt. A/Allg. Ang. Rußl. v. 1.7.1916 – 28.2.1917.
- ³⁸ Ср. док. № 5–7, 9–17.

- ³⁹ AA/Hpt. A/W2g v. 16.4 – 22.4.1917, Telegramm Frhr. v. Grünau im Gr. Hauptquartier an das Ausw. Amt v. 19.4.1917.
- ⁴⁰ Ср. док. № 8. Полковник Гофман из Верховного главнокомандования Восточным фронтом считал тогда, что потребуется еще более короткий срок, „чтобы в какие-нибудь восемь недель русская армия была бы полностью разложена“; AA/Hpt. A/W2g v. 16.4. – 22.4.1917, Telegramm Frhr. v. Grünau im Gr. Hauptquartier an das Auswärtige Amt v. 17.4.1917.
- ⁴¹ Naumann V. Op. cit. – S.215.
- ⁴² Ebenda. – S. 213 f.
- ⁴³ Trotzki L. Geschichte der russischen Revolution. Februarrevolution. – 1931. – S. 284.
- ⁴⁴ В одном из более поздних сообщений посланник фон Ромберг отмечает тот факт, что известия „из России, полученные русскими революционерами в Швейцарии, очень скудны“; ср. док. № 48.
- ⁴⁵ Ср. Parvus. Op. cit. – S. 50.
- ⁴⁶ Grimm R. Lenin in der Schweiz//Der öffentliche VPOD Dienst. Zeitung des Schweizerischen Verbandes des Personals öffentlicher Dienste.-Nr. 15. – 13.4.1956.
- ⁴⁷ Ленин Александре Коллонтай. 16 марта 1917 г.//Ленинский сборник II. – С. 289 и сл.
- ⁴⁸ Ср. док. № 24, 39.
- ⁴⁹ Münzenberg W. Op. cit. – S. 236.
- ⁵⁰ Haenisch K. Parvus. Ein Blatt der Erinnerung. – 1925. – S. 5.
- ⁵¹ Биография Парвуса-Гельфанда еще не написана, над ее составлением работает мой ученик В. Шарлау (W. Scharlau). О Парвусе-Гельфанде см. Harden M. Gold oder Weinrauch//Die Zukunft. – Bd. 108. – 1920. – S. 2 ff.; Naumann V. Op. cit. – S. 212 f.; Fester R. Die politischen Kämpfe. – S. 62 ff.; Possony St. T. Jahrhundert des Aufruhrs. Die kommunistische Technik der Weltrevolution. – 1956. – S. 34 ff. (Parvus, der vergessene Prophet).
- ⁵² Цит. по: Harden. Op. cit. – S. 9.
- ⁵³ Ср. Scheidemann. Op. cit. – I. – S. 427 f.; Snell J. L. The Russian Revolution and the German Social Democratik Party in 1917//The American Slavic and East European Review. – XV. – 1956. – P. 339 etc.
- ⁵⁴ AA/Hpt. A/W2g v. 6.4.1917 – 15.4.1917.
- ⁵⁵ Ср. док. № 55.
- ⁵⁶ Keil W. Erlebnisse eines Sozialdemokraten. – II. – 1948. – S. 200.
- ⁵⁷ Платтен Фриц. Указ. соч. – С. 40.
- ⁵⁸ Подробности создания, состава и действия данного комитета см. Платтен Фриц. Указ. соч. – С. 20 и сл.
- ⁵⁹ Ср. Grimm R. Stockholm, Petersburg, Kronstadt//Der öffentliche VPOD Dienst. – Nr. 17. – 27.4.1956.
- ⁶⁰ Протокол заседания от 19.3.1917 г.//Ленинский сборник II. – С. 385 и сл.; Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 28. – С. 261 и сл.
- ⁶¹ Grimm F. Op. cit.
- ⁶² Ср. док. № 18; см. также подтверждение этому в ведомственных немецких трудах: Der Weltkrieg 1914 bis 1918. – XII. – 1939. – S. 484 f.
- ⁶³ Ср. док. № 29.
- ⁶⁴ Ср. Nicolai W. Geheime Mächte. Internationale Spionage und ihre Bekämpfung im Weltkrieg und heute. – 1925. – S. 87 f.
- ⁶⁵ Ср. док. № 29.
- ⁶⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 49. – С. 418 (Письмо к Ганецкому от 30 (17) марта): «Пользоваться услугами людей, имеющих каса-

тельство к издателю „Колокола“, я, конечно, не могу». Это, вероятно, намек на агента Парвуса Скларца (ср. *Possony*. *Op. cit.* – S. 87), который подчеркивает, что Милюков настоял, „чтобы все эмигранты получили разрешение на возвращение“; однако возможность проезда Ленина через земли союзников представляется сомнительной, поскольку английский посол в Петербурге Бьюкенен начал пропагандистскую кампанию против большевистского вождя еще до его прибытия в Петербург.

⁶⁷ Ср. *Shub D. Lenin*. – 1952. – S. 203.

⁶⁸ Ср. док. № 26.

⁶⁹ Ср. *Платтен Фриц*. Указ. соч. – С. 28 и сл.; *Munzenberg*. *Op. cit.* – S. 236; док. № 86. Уже до этого со всей очевидностью выявились принципиальные разногласия между „центристом“ Гриммом и Лениным, которые углубились, безусловно, потому, что слишком различны были их индивидуальности.

⁷⁰ О личности Ф. Платтена, его взаимоотношениях с Лениным и его судьбе ср. с. 77 и *Nobs E. Lenin und die Schweizer Socialdemokraten// Rote Revue (Zürich)*. – 33 Jg. – H. 3. – 1954. – S. 55 f.

⁷¹ Описание переговоров с Платтенем см. *Munzenberg*. *Op. cit.* – S. 237, который называет „смелым поступком“ решение швейцарских социалистов связать с целью переговоров группу Ленина с немецкими службами; *Nobs*. *Op. cit.* – S. 55 f.

⁷² Ср. док. № 33.

⁷³ Ср. док. № 43.

⁷⁴ *Trotzki L.* *Op. cit.* – S. 285.

⁷⁵ Ср. док. № 34.

⁷⁶ *Платтен Фриц*. Указ. соч. – С. 31.

⁷⁷ Там же. – С. 31, 62 и сл.

⁷⁸ Ср. док. № 34.

⁷⁹ Ср. о нем с. 81.

⁸⁰ *Платтен Фриц*. Указ. соч. – С. 31.

⁸¹ Там же.

⁸² Ср. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. – Т. 31. – С. 119–121; *Ленинский сборник II*. – С. 395.

⁸³ Ср. док. № 43, п. 2.

⁸⁴ *Платтен Фриц*. Указ. соч. – С. 35 и сл.

⁸⁵ *Trotzki L.* *Op. cit.* – S. 285.

⁸⁶ Платтен сообщает, что немецкому офицеру, сопровождавшему транспорт, было атташе немецкого посольства Шюллером указано, чтобы данные ему инструкции об экстерриториальности соблюдались неукоснительно (*Платтен Фриц*. Указ. соч. – С. 36).

⁸⁷ О том, что вагон был заперт, можно заключить из донесения ротмистра фон дер Планица о втором транспорте с эмигрантами, в котором он с определенностью сообщает, что Фогель, социалистический руководитель транспорта, „даже вагонные двери... уже в Шаффхаузене велел запереть“. Ср. док. № 95.

⁸⁸ Ср. док. № 57.

⁸⁹ Док. № 57; см. также *Платтен Фриц*. Указ. соч. – С. 33 и сл.

⁹⁰ Ср. док. № 49.

⁹² *Платтен Фриц*. Указ. соч. – С. 37, 64 и сл.

⁹³ Данные об этом см. *Scheidemann*. *Op. cit.* – I. – S. 427 f. Эберт был против планировавшихся переговоров, „потому что нам ведь пришлось бы заниматься этим в Берлине, и русские наверняка откажутся от переговоров с нами“.

- 94 AA/Hpt. A/W2g, Telegramm Brockdorff-Rantzau an das AA v. 9.4.1917.
- 95 Parvus, Op. cit. – S. 51.
- 96 Ebenda. – S. 51.
- 97 Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 31. – С. 121; см. также С. 99.
- 98 Rau K. Als Lenin "plombiert" durch Deutschland fuhr.//Badische Neueste Nachrichten. – 18.4.1957.
- 99 Ср. док. № 58.
- 100 Ср. Ganeckij J. Op. cit. – S. 107.
- 101 Ср. док. № 61.
- 102 Ср. док. № 71.
- 103 Ср. док. № 66; см. также Платтен Фриц. Указ. соч. – С. 38 и сл.
- 104 Ср. док. № 70.
- 105 Ср. док. № 79.
- 106 Lloyd George David, Op. cit. – III. – S. 65.
- 107 Ср. док. № 80.
- 108 Ср. Naumann V. Op. cit. – S. 137.
- 109 Ср. С. 28.
- 110 Ср. Ludendorff. Kriegführung und Politik. – S. 270 f.; впоследствии, конечно, был поднят вопрос, „не лучше ли было мощным наступлением привести к краху разложившуюся русскую армию“; ср. Kuhe H. Der Weltkrieg. – II. – 129. – S. 103.
- 111 Письмо Людендорфа историку Р. Фестеру от 20 октября 1937 г. (см. Fester, Die politischen Kämpfe. – S. 166).
- 112 Виктор Науман, например, считает это исключением (Naumann V. Op. cit. – S. 25). В меморандуме от 16 декабря 1915 г. Брокдорф-Ранцау выражал опасение, не будет ли „обратного воздействия... на нашу внутривнутриполитическую жизнь“ (AA/Abt. Allc secr.).
- 113 AGB/Russ. Emigr. Bd. I. – Schreiben v. 10.8.1917.
- 114 Naumann V. Op. cit. – S. 216.
- 115 Ср. Nobs E. Op. cit. – S. 55.
- 116 „Оборонец“ Плеханов и сорок его приверженцев были доставлены в Россию англичанами на линкоре в сопровождении противоторпедного истребителя; ср. Платтен Фриц. Указ. соч. – С. 16 и Grimm R. Stockholm, Petersburg, Kronstadt.
- 117 Ср. о нем ниже, с. 119.
- 118 Wien, Österreichisches Staatsarchiv, Abt. Haus-, Hof- und Staatsarchiv, undatierte Beilage zum Bericht des Gesandten Musulin aus Bern. – 1917. – Mai 22. – Nr. 80/B.–C. – Politischen Archiv I. – Karton 833.
- 119 Ср. Ruchti J. Geschichte der Schweiz während des Weltkrieges 1914–1919. – I. – 1928. – S. 304 ff; о политических эмигрантах в Швейцарии и вопросе о праве убежища см. также Ruchti J. Op. cit. – S. 403 ff.; к вопросу о принципиальном согласии Швейцарии на оказание помощи интернированным гражданам в их возвращении на родину см. Ruchti J. Op. cit. – II. – 1930. – S. 375 ff.
- 120 Grimm. Op. cit.
- 121 О позиции Швеции в первой мировой войне см. особенно Zeth Höglund. Revolutionernas dr, 1917–1921. – 1956; Nerman Ture. Allt var rött. – 1950.
- 122 Ср. док. № 10–13, 15.
- 123 Ср. док. № 24.
- 124 Ср. Ludendorff E. Kriegführung und Politik. – S. 199.
- 125 Ср. Hoffmann M. Der Krieg der versäumten Gelegenheiten. – 1924. – S. 174.
- 126 Ср. с. 17 и особенно Suchanov N. The Russian Revolution 1917. A Personal Record. – 1955. – S. 271.

- 127 **Платтен Фриц.** Указ. соч. – С. 49; переправленные через Германию эмигранты вряд ли собирались бороться за мир так, как это понималось немцами (см. AGB/Russ. Emigr. – Bd. I. – Bericht eines V-Mannes v. 28.6.1917): „Наконец, мне привелось услышать от некоего Маразанека (Оттикергассе, 37), что и он думает вернуться через Германию с ближайшей партией отъезжающих. Этот человек в присутствии офицера охраны (одного из интернированных немецких офицеров) потешался над глупостью немцев, ведь он тоже собирается в России агитировать против Германии и против немедленного заключения мира”. Ср. док. № 95.
- 128 **Trotzki L.** Mein Leben. – S. 297; **Suchanov N. N.** Op. cit. – S. 271.
- 129 Ср. **Платтен Фриц.** Указ. соч. – С. 18.
- 130 Ср. док. № 13.
- 131 **Paléologue M.** Am Zarenhof während des Weltkrieges. – II. – 1925. – S. 466.
- 132 **Rubinštejn.** Op. cit. – S. 223; Memorandum des englischen Gesandtes vom 16.4.1917 an das Außenministerium in Petersburg.
- 133 Ср. **Lord Esme Howard of Penrith.** Theatre of life. – II (1905–1916). – 1936. – S. 264; **Warth R. D.** The Allies and the Russian Revolution. – 1954. – S. 42.
- 134 **Rubinštejn.** Op. cit. – S. 222–225.
- 135 **Платтен Фриц.** Указ. соч. – С. 37 и сл.
- 136 См. также **Trotzki L.** Geschichte der russischen Revolution. – S. 277.
- 137 Ср. док. № 75.
- 138 Ср. док. № 88 и 69.
- 139 Ср. док. № 98.
- 140 Ср. док. № 95 и 96.
- 141 Ср. док. № 97.
- 142 **Scheidemann.** Op. cit. – I. – S. 428.
- 143 Документы политического департамента союзников могли впервые быть использованы лишь в 1957 году, британского же Министерства иностранных дел закрыты для доступа с 1902 года. Также до сих пор являются секретными и шведские документы. Напротив, документы австро-венгерского Министерства иностранных дел в Вене по 1918 год теперь стали доступны для изучения.
- 144 Ценны также соответствующие документы, опубликованные в Ленинском сборнике II и в Полном собрании сочинений В. И. Ленина, а также у Рубинштейна; ср. прим. 20, 22, 23.

ДОКУМЕНТЫ

Часть первая

¹ Ср. Прим. 5.

² Гисберт, барон фон де Ромберг (1866–1939 гг.) – кайзеровский германский посланник в Берне в 1912–1919 годах (в 1905–1910 гг. генеральный консул и посланник в Софии, в 1910–1912 годах советник-докладчик Министерства иностранных дел), с 16 октября 1917 г. действительный тайный советник.

³ Артур Циммерман (1864–1940 гг.) – в 1906 году тайный советник миссии, в 1910 году руководитель Политического отдела, в 1911–1916 годах заместитель статс-секретаря, с 1916 года по август 1917 года статс-секретарь Министерства иностранных дел.

- ⁴ Теобальд фон Бетман-Гольвег (1856–1921 гг.) – с июля 1909 года по июль 1917 года германский рейхсканцлер.
- ⁵ Александр Эдуард Кескюла, Кесккюля (+1882 г.), псевдоним – А. Штейн, эстонский патриот, коммерсант; агент немецкого правительства по вопросам русской революции. 18 июня 1917 г. покинул Германию, мотивируя это тем, что его соглашение с немецким правительством было связано „в первую очередь с революционным переворотом в России и отказом Германии от аннексии эстонской территории. Кескюла, о дальнейшей судьбе которого мало что удалось установить, в 1940 году еще жил в Стокгольме; ср. Gankin O. H., Fisher H. H. The Bolsheviks and the World War. The Origin of the Third International. – 1940. – S. 788.
- ⁶ Владимир Ильич Ульянов (1870–1924 гг.), псевдоним Ленин. О его деятельности в Швейцарии см. также Bretscher W. Wandlungen der schweizerischen Sozialdemokratie 1914–1920//Bretscher W., Steinmann E. Die sozialistische Bewegung in der Schweiz 1848–1920. – 1923. – Teil II. – S. 89 ff., 94 f.; Stranjakovitch Br. Lénine et la IIIe Internationale. – 1950. – S. 31 ff.; Pianzola M. Lénine en Suisse. – 1952.
- ⁷ Ср. в связи с этим ленинские тезисы о войне („Задачи революционной социал-демократии в европейской войне”), опубликованные в первые дни сентября 1914 года (Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 26), и опубликованное в „Социал-демократе” 1 ноября 1914 г. заявление, подписанное Центральным Комитетом Социал-демократической рабочей партии (Там же. – Т. 26. – С. 15–23 и особенно С. 21–22): „В России задачами с.-д. ввиду наибольшей отсталости этой страны, не завершившей еще своей буржуазной революции, должны быть по-прежнему три основные условия последовательного демократического преобразования: демократическая республика (при полном равноправии и самоопределении всех наций), конфискация помещичьих земель и 8-часовой рабочий день”. Подтверждением переданных Кескюла основных тезисов ленинской программы являются также „Несколько тезисов. От редакции”. Опубликованы в „Социал-демократе” №47 от 13 ноября 1915 г. (Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 27. – С. 50–51): „На вопрос, что бы сделала партия пролетариата, если бы революция поставила ее у власти в теперешней войне, мы отвечаем: мы предложили бы мир *всем* воюющим при условии освобождения колоний и *всех* зависимых, угнетенных и неполноправных народов. Ни Германия, ни Англия с Францией не приняли бы, при теперешних правительствах их, этого условия. Тогда мы должны были бы подготовить и повести революционную войну, т. е. не только полностью провели бы самыми решительными мерами всю нашу программу-минимум, но и систематически стали бы поднимать на восстание все ныне угнетенные великороссами народы, все колонии и зависимые страны Азии (Индия, Китай, Персию и пр.)...”
- ⁸ Имеются в виду те члены II Интернационала, которые, игнорируя классовую позицию и свершение революции, во время тогдашней войны выступали за оборону отечества и поэтому находились в остром противоречии с „интернационалистским” направлением Ленина; одним из руководящих русских социал-патриотов был Г. В. Плеханов (см. прим. 16).
- ⁹ Павел Борисович Аксельрод (1850–1928 гг.) – сначала народник, позднее член РСДРП. Во время первой мировой войны – член меньшевистского Организационного комитета, будучи представителем

которого, он участвовал в Циммервальдской и Кинтальской конференциях. В начале войны – сторонник социал-патриотизма, в ходе войны приблизился к центристам.

- ¹⁰ Григорий Алексеевич Алексинский (+ 1879 г.) – член большевистской фракции во II Думе. Во время войны выступил за защиту отечества, после 1917 года – эмигрант.
- ¹¹ См. док. № 27.
- ¹² П. Дневницкий (Ф. О. Цедербаум, + 1883 г.). Автор статьи „Из области экономики“, опубликованной в сборнике „Война“ (Париж, 1915 г.).
- ¹³ Марк – один из авторов сборника „Война“ (Париж, 1915 г.).
- ¹⁴ Ольгин (М. Фомин) – автор статьи „Социалистическая женская конференция в Берне“, опубликованной в сборнике „Война“ (Париж, 1915 г.).
- ¹⁵ К. Кахели, автор статьи „Война и социал-демократия Кавказа“ в сборнике „Война“ (Париж, 1915 г.).
- ¹⁶ Георгий Валентинович Плеханов (1856–1918 гг.) – ведущий теоретик и основоположник русского марксизма (1883 г.). Во время первой мировой войны – сторонник Антанты, поддерживал идеи защиты отечества. См., среди прочих работ о нем: Balabanova A. Georg Plechanoff und der Kriegsausbruch // Erinnerungen und Erlebnisse. – 1927. – S. 63 ff.
- ¹⁷ С весны 1915 года в России начались и стали нарастать забастовки рабочих, причем сначала были выступления против роста дороговизны, затем борьба пошла за осуществление политических требований.
- ¹⁸ По указу императора (Николая II) от 16 сентября 1915 г. созыв Думы был отсрочен, но все же должен был состояться не позже конца ноября того же года; ср. Schulthess' Europäischer Geschichtskalender N. F. XXXI. – I. – 1915; ср. также записки Палеолог по этому поводу (Paléologue M. Am Zarenhof während des Weltkrieges. – I. – 1925. – S. 414, 416). Выступление от 15 сентября 1916 г. (замечание Максима Ковалевского, одного из лидеров русского либерализма): „Этот перенос созыва Думы является преступлением; если бы хотели ускорить революцию, то ничего другого для этого нельзя было бы сделать“.
- ¹⁹ Среди документов не найдены; возможно, речь идет об упомянутом в примечании № 12 сборнике „Война“ (1915 г.) и работе Плеханова „О войне“ (1914 г.).
- ²⁰ О французских займах России и их значении для русской внешней политики ср. также: Baron Nolde Boris. L' Alliance Franco-Russe. – 1936. – S. 501 ff.; Stieve F. Iswolski und der Weltkrieg 1911–1914. – 1926. – S. 166 ff.; Seton-Watson H. Der Verfall des Zarenreiches 1855–1914. – 1954. – S. 159 f., 283 f.
- ²¹ Теофил Делькассе (1852–1923 гг.) – министр иностранных дел Франции с 1898 по 1905 год и в 1914–1915 годах.
- ²² Пометка от руки Циммермана в конце доклада: „Распространение во Франции мне представляется опасным, поскольку там ничего не остается секретным. Благодаря же опубликованию наша работа в России была бы очень затруднена и вызвала бы усиление мер против революционеров. В этом смысле я телеграфирую Ромбергу. Ц.“
- ²³ Рядом пометка от руки: „После отсылки сообщить графу Поурталесу“. Фридрих граф Поурталес (1852–1928 гг.) – в 1908–1914 годах посол Германии в Петербурге, в 1914–1917 годах руководитель Отдела по делам России Министерства иностранных дел.
- ²⁴ Член группы социалистов-революционеров, ср. док. № 45.

- ²⁵ Георг Ледебур (1850–1947 гг.) – социал-демократический деятель, в 1914 году голосовавший против военных кредитов; в 1916–1917 годах присоединился к „независимым” социал-демократам.
- ²⁶ Филипп Шейдеман (1865–1939 гг.) – лидер „большинства” немецких социал-демократов; во время войны – председатель социал-демократической фракции в рейхстаге; в 1914 году голосовал за утверждение военных кредитов. Противник большевистских взглядов на революцию.
- ²⁷ Название происходит от первоначальных букв „К” и „Д”, имеется в виду учрежденная в 1904 году партия „Конституционные демократы” России.
- ²⁸ О русских эмигрантских организациях в Швейцарии ср. Platten F. Die Reise Lenins durch Deutschland im plombierten Wagen. – 1924. – S. 20. Комитеты находились, в частности, в Женеве, Лозанне, Цюрихе, Берне, Базеле, Кларенсе, Ля Шо-де-Фоне, Давосе.
- ²⁹ Эрих фон Скавениус (1877–1940 гг.) – в то время министр иностранных дел Дании.
- ³⁰ М. И. Скобелев (+ 1885 г.) – меньшевик, выступал в защиту отечества; депутат IV Государственной думы. После Февральской революции – заместитель председателя Исполнительного комитета Петроградского Совета и министр труда, с 1918 года – большевик.
- ³¹ О структуре умеренных партий в России и их взглядах ср. Миллюков П. Крушение России. – I. – 1925. – С. 27 и сл. К умеренным группам относились буржуазные партии, социалисты-революционеры и меньшевики.
- ³² Подобная же аргументация, направленная, разумеется, против Германии (см. Buchanan George. Meine Mission in Rußland. – 1926. – S. 182 f.), в его речи перед членами Временного правительства от 24 марта 1917 г.: „В этот торжественный час, когда перед русским народом открывается новая эра прогресса и славы, более, чем когда-либо, необходимо не спускать глаз с Германии. Ведь триумф Германии имел бы своим следствием крушение прекрасного памятника, который только что воздвигнут русским народом свободе”.
- ³³ Павел Николаевич Миллюков (1859 – 1945 гг.) – русский историк, буржуазный либеральный политик, сооснователь и вождь партии „Конституционные демократы” (кадеты). Министр иностранных дел первого Временного правительства (март – май 1917 г.), признал царские секретные союзнические договоры и выступил на стороне Антанты за дальнейшее участие России в войне „до победного конца”; ср., в частности, его труды: „История второй русской революции” (6/г); „Крушение России”. – 1925 г.
- ³⁴ Александр Иванович Гучков (1862–1936 гг.) – представитель крупной буржуазии, председатель III Государственной думы в 1909–1912 годах, военный и морской министр первого Временного правительства (март–май 1917 г.), выступал за продолжение войны против Германии.
- ³⁵ Ульрих граф фон Брокдорф-Ранцау (1869–1928 гг.) – в 1912–1918 годах немецкий посланник в Копенгагене, в декабре 1918 года статс-секретарь министерства иностранных дел, с февраля по июнь 1919 года имперский министр иностранных дел. О его деятельности в годы войны ср. Stern-Rubarth E. Graf Brockdorff-Rantzau. Wanderer zwischen zwei Welten. – 1929. – S. 48–61.
- ³⁶ Ср. прим. 41.

- ³⁷ Ср. Ленин В. И. Письма из далека. Письмо четвертое, Цюрих, 25 марта 1917 г. // Полн. собр. соч. – Т. 31. – С. 48–54.
- ³⁸ Буржуазно-либеральное, образованное из Исполнительного комитета Думы, Временное правительство (председатель Совета министров и министр внутренних дел князь Львов, министр иностранных дел Милюков, министр юстиции Керенский, военный и морской министр Гучков), которое с 14 марта 1917 г. осуществляло фактически государственную власть в России: „Временное” означало „до созыва Учредительного собрания”.
- ³⁹ Ср. Ленин В. И. Письма из далека. Письмо второе, Цюрих, 22 марта 1917 г.: „Поддерживать правительство войны, правительство реставрации пролетариат не может и не должен...” (Полн. собр. соч. – Т. 31. – С. 30). И письмо Ленина к Ганецкому от 30 марта 1917 г.: „Никакого сближения с другими партиями, ни с кем! Ни тени поддержки и поддержки правительству Гучкова – Милюкова и К°!!” (Полн. собр. соч. – Т. 49. – С. 423).
- ⁴⁰ Чхеидзе Н. С. (1864–1926 гг.) – грузинский меньшевик, депутат II и IV Государственной думы, руководитель социал-демократической думской фракции. После Февральской революции – председатель Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.
- ⁴¹ В телеграмме от 3 апреля 1917 г., в частности, говорилось, что на немецкой западной границе и на границах государств, с которыми Германия ведет войну, стоят войска держав, добивающихся ее уничтожения. „Если мы сейчас совершим переворот и обратим оружие наших товарищей против внутренних врагов, то мы знаем, что с запада и юга ринутся на нас войска наших противников”. Россия, напротив, имела бы только один фронт.
- ⁴² Пометка на полях: „группа цифр искажена”; о технических трудностях при расшифровке телеграмм, зашифрованных цифрами, ср. Meyer H. Das politische Schriftwesen im Deutschen Auswärtigen Dienst. Ein Leitfaden zum Verständnis diplomatischer Dokumente. – 1920. – S. 90 f.
- ⁴³ Роберт Гримм (+1881 г.) – политический деятель Швейцарии, до 1919 года председатель Социал-демократической партии Швейцарии (с 1910 г.), в 1909–1918 годах член Национального совета, в 1928–1932 годах главный редактор газеты „Berner Tagwacht”. Гримм, содействовавший в сентябре 1914 года въезду Ленина в Швейцарию, в апреле 1917 года старался помочь осуществлению сепаратного русско-германского мира; несправедливо заподозренный как немецкий агент, был выслан Временным правительством из России. В качестве умеренного интернационалиста („центриста”) попал в оппозицию к Ленину; ср. Платтен Фриц. Указ. соч. – С. 44 и сл.; Schultheß. Op. cit. – S. 552 ff.; Balabanova A. Op. cit. – S. 157 ff.; Gankin O. H., Fisher H. H. Op. cit. – S. 614–629.
- ⁴⁴ Артур Гофман (1857–1927 гг.) – член Федерального совета Швейцарии (с 1911 г.), в 1914 году федеральный президент, в 1914–1917 годах руководитель Политического департамента (внешней политики) Швейцарии, наиболее влиятельный член швейцарского правительства; в связи с предпринятой Гриммом мирной акцией был вынужден выйти в отставку (18 июня 1917 г.).
- ⁴⁵ Карл Ялмар Брантинг (1860–1925 гг.) – шведский социалист и государственный деятель, в 1892–1917 годах главный редактор „Social-Demokraten”, по вопросу войны придерживался точки зрения Антанты. В качестве председателя Стокгольмской конференции

II Интернационала (апрель – июнь 1917 г.) старался посредничать между различными лагерями (см. Платтен Фриц. Ленин из эмиграции в Россию. Март 1917. – 1925. – С. 19, 54–55, 57, 60–71, 82–87, 94–98, 99–117; см. также Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 32. – С. 303, 308).

⁴⁶ Деревня в Швейцарии (кантон Берн); о конференции в Циммервальде (5–8 сентября 1915 г.) и деятельности Гримма ср. также Gankin O. H., Fisher H. H. Op. cit. – S. 310 ff.

⁴⁷ Деревня в Швейцарии (кантон Берн); о конференции в Кинтале (24–30 апреля 1916 г.) как о продолжении конференции в Циммервальде и об участии в совещаниях на ней Гримма ср. Grimm R. Von Zimmerwald bis Kienthal//Neues Leben. – 1916. – Nr. 5; Gankin O. H., Fisher H. H. Op. cit. – S. 371 ff.

⁴⁸ Карл Либкнехт (1871–1919 гг.) – член революционного левого крыла Социал-демократической партии Германии, противник войны, один из основателей и вождей Союза спартаковцев.

⁴⁹ О предостережении Эберта и Шейдемана см. прим. 67.

⁵⁰ См. прим. 64.

⁵¹ 18 депутатов СДПГ (Социал-демократической партии Германии) из группы Гаазе – Ледебур после их исключения из фракции в рейхстаге объединились в особую фракцию под названием "Sozialdemokratische Arbeitsgemeinschaft", из которой позднее возникла Независимая социал-демократическая партия Германии (теоретиком которой был Карл Каутский), внутренне они не были едины; сообщество это составилось из „демагогических марксистов и социалистических революционеров, интернационалистов, пацифистов и из спартаковцев, близко стоящих к анархо-синдикалистам". Члены фракции требовали всеобщего мира и примирения народов, но также мировой революции и классовой борьбы. Ср. Heidegger H. Die Deutsche Sozialdemokratie und der nationale Staat 1870–1920. – 1956. – S. 108 ff.

⁵² Карл Каутский (1854–1919 гг.) – ведущий теоретик II Интернационала во времена его расцвета. Борясь как центрист с ревизионизмом и радикализмом, присоединился в 1917 году к Независимой социал-демократической партии Германии; ср. также Kautsky K. Ein Leben für den Sozialismus. – 1954.

⁵³ Франц Меринг (1846–1919 гг.) – один из идейных вождей революционного марксизма в Германии, один из основателей Союза спартаковцев, депутат рейхстага от Независимой социал-демократической партии Германии.

⁵⁴ Гуго Гаазе (1863–1919 гг.) – адвокат, многие годы председатель СДПГ. 8 апреля 1914 г. голосовал против военных кредитов, один из создателей партии „Социал-демократическое рабочее содружество" и Независимой социал-демократической партии Германии, с 9 ноября по 29 декабря 1918 г. член Совета народных уполномоченных.

⁵⁵ Ср. прим. 72.

⁵⁶ Успешное наступление немецких и австрийских войск в районе Стохода (ликвидация 3 апреля 1917 г. русского плацдарма 8-километровой ширины возле и южнее Тоболи с последующим захватом левого берега Стохода, причем русские понесли значительные потери) по желанию Бетман-Гольвега не было упомянуто в военной сводке ввиду начавшейся на русском фронте пропаганды за мир; ср. в этой связи сообщенную посланнику в Берне (телеграммой от 10 апреля 1917 г.) позицию Министерства иностранных дел, учиты-

вающую настройку русских революционеров (AGB/Abt. A/Rußl. Nr. 158/2): „Недавнее успешное наступление на плацдарм Тоболи имело целью улучшение собственной позиции, ставшей непригодной для обороны из-за воды и болотистой местности. Цель немецко-австрийского наступления крайне ограничена, и проведено оно незначительными силами. По достижении этой цели вот уже семь дней на обоих берегах Стохода царит полное спокойствие”.

- ⁵⁷ Пауль фон Бенекендорф и фон Гинденбург (1847–1934 гг.) – генерал-фельдмаршал (с 27 ноября 1914 г.), 29 августа 1916 г. вступил (с генералом Людендорфом в качестве первого генерал-квартирмейстера) на пост начальника Генерального штаба действующей армии Верховного главнокомандования.
- ⁵⁸ Очевидно, речь идет о высказываниях Гинденбурга в Главной ставке для берлинского представителя „La Vanguardia” из Барселоны Е. Домингес-Родио от 9 апреля 1917 г.: „Мы не рассчитывали на русскую революцию. И без нее Восточный фронт был достаточно силен. Что события в России способствуют нашим планам, этого сегодня не может отрицать самый отъявленный оптимист из лагеря Антанты”; ср. *Schulthes*. Op. cit. – 1. – S. 403.
- ⁵⁹ Эрнст граф Ревентлов (1869–1943 гг.) – капитан-лейтенант в отставке, немецкий политик (с 1927 г. национал-социалист) и писатель, в 1909–1920 годах сотрудник „Deutschen Tageszeitung”. Ср. здесь высказывание П. Н. Милюкова: „Граф Ревентлов приветствовал в „Deutschen Tageszeitung” движение Ленина как „новую русскую революцию” („neue russische Revolution”).
- ⁶¹ Эдмунд Шультхесс (1868–1944 гг.) – федеральный президент Швейцарии, советник Национального совета (1912–1935 гг.), президент Либеральной партии кантона Ааргау. Во время первой мировой войны – руководитель Департамента народного хозяйства, сумел вопреки трудностям обеспечить снабжение Швейцарии продовольствием.
- ⁶² 6 апреля 1917 г. президент Вильсон провозгласил состояние войны между Соединенными Штатами и Германией.
- ⁶³ „*Berner Tagwacht*” – швейцарская газета, орган социал-демократов (с 1893 г. называлась „*Schweizerischen Sozialdemokraten*”).
- ⁶⁴ Деревня близ Бадена (округ Лерех).
- ⁶⁵ Доктор юридических наук Эрнст барон Лангверт фон Зиммерн (1865–1942 гг.) – действительный тайный советник миссии. Политический советник Министерства иностранных дел (1910–1918 гг.), с ноября 1916 года руководитель Политического отдела Министерства иностранных дел.
- ⁶⁶ Вернер барон фон Грюнау (1874–1957 гг.) – действительный советник миссии с сентября 1916 года до окончания войны, представитель Министерства иностранных дел в свите кайзера.
- ⁶⁷ Ср. здесь телеграмму Циммермана от 14 апреля 1917 г. Ромбергу. Шейдеман и Эберт настоятельно предостерегают против Гримма, который проявил себя весьма дружелюбно в отношении Антанты. „Если задание по поводу проезда еще не осуществлено, просьба от него отказаться”.
- ⁶⁸ Григорий Львов, князь (1861–1925 гг.) – во время войны председатель Земского союза, с марта по июль 1917 года – председатель совета министров Временного правительства.
- ⁶⁹ Ср. док. № 56.
- ⁷⁰ См. прим. 46 и 47 о ходе событий и значении конференции, ср. с недавно вышедшей книгой: *Egger H. Die Entstehung der Kommunisti-*

schen Partei und des Kommunistischen Junendbundes der Schweiz. Jur. Diss. – Zürich. – 1952. – S. 60 ff.; (Die Konferenz von Zimmerwald), 65 ff., (Die Konferenz von Kienthal).

- ⁷¹ Ср. **Schultheß**. Op. cit. – 1. – S. 406 f.; 2 – S. 62; высказывания Германии и Австрии от 14 и 15 апреля по поводу манифеста Временного правительства; ср. также прим. 73, ниже.
- ⁷² Ср. манифест о целях войны Временного правительства от 9 апреля 1917 г., распространенный 10 апреля; **Schultheß**. Op. cit. – 2. – S. 676 f.
- ⁷³ Ср. дословный текст, опубликован 15 апреля 1917 г.: „Временное правительство в Петербурге 10 апреля провозгласило манифест, который в самых существенных пунктах согласуется с неоднократно повторявшимися заявлениями Германии и ее союзников. Согласно документу, обе стороны стремятся не к чему иному, как к обеспечению существования, чести и свободы развития их народов. Не соответствовало бы ни желанию, ни интересам центральных держав, чтобы русский народ вышел из борьбы униженным или чтобы его жизненные условия были подорваны. Они не намереваются покушаться на честь или свободу русского народа и не имеют другого желания, как жить в согласии и дружбе с убогавшимся соседом. При этом Германия совершенно далека от того, чтобы вмешиваться в новый порядок условий русской жизни или даже в час рождения русской свободы снова угрожать России” (Op. cit. – I. – S. 406 f.).
- ⁷⁴ Ср. **Bergsträsser L.** Die preußische Wahlrechtsfrage im Kriege und die Entstehung der Osterbotschaft 1917. – 1929. В Пасхальном послании от 7 апреля 1917 г. было обещано прямое и тайное (но еще не равное) избирательное право. Текст Пасхального послания см. **Schultheß**. Op. cit. – I. – S. 398 f.
- ⁷⁵ Вилли Мюнценберг (1889–1940 гг.) – основатель Коммунистического интернационала молодежи, секретарем которого он был в 1914–1921 годах. Работая во время войны в Швейцарии, он вступил в связь с Лениным и другими ведущими большевиками и с 1916 года стал выражать их точку зрения; см. также его воспоминания: **Münzenberg W.** Die Dritte Front. – 1930; **Fischer R.** Stalin und der deutsche Kommunismus. – 1948. – S. 743 ff.
- ⁷⁶ Ср. здесь **Münzenberg W.** Op. cit. – S. 207 ff. Заседание состоялось 19 и 20 августа 1917 г. О деятельности Мюнценберга на конференции см. **Münzenberg W.** Op. cit. – S. 211. „На обратном пути в Копенгагене я выступал на открытом собрании против войны и возвращался в Швейцарию через Берлин” (**Ebenda.** – S. 213).
- ⁷⁷ См. сообщение статс-секретаря Циммермана Ромбергу от 24 апреля 1917 г., что „по поводу выдачи визы Мюнценбергу нет никаких опасений” (AA/Hpt. A/W2g. Ph. PR. FO 520/51 F).
- ⁷⁸ Доктор Адольф Мюллер (1865–1943 гг.) – по профессии врач, член СДПГ, в 1915 году сотрудник Парвус-Гельфанда при основании „Glocke”, в 1919–1933 годах германский посланник и полномочный министр германского рейха в Берне.
- ⁷⁹ Ср. речь Бетман-Гольвега в рейхстаге от 14 мая 1917 г. (**Schultheß**. Op. cit. – I. – S. 565 ff.), выступление в рейхстаге по поводу интерpellаций о целях войны: „Кажется, будто новая Россия сама отвергла все захватнические планы... Но если, господа, Россия хочет убедить своих сынов от дальнейшего пролития крови, если отказывается от всех своих захватнических планов, если хочет предоставить нам прочные условия мирного добрососедства – да, господа, тогда само

собой разумеется, что мы, которые разделяем это желание, не нарушим прочных условий будущего, что мы не сделаем невозможным будущее развитие из-за требований, не совместимых ни со свободой, ни с волей народов и которые лишь послужили бы ростком новой вражды в русском народе. Я не сомневаюсь в том, что, возможно, *найдется единственное, основанное на обоюдном честном взаимопонимании соглашение*, которое исключит всякую мысль о насилии, не оставит ни одного шипа, никакого недовольства”.

⁸⁰ Речь идет главным образом о проблемах прибалтийских областей и об Украине; в связи с направлениями и тенденциями немецкой политики ср. **Hölzle E.** *Der Osten im Ersten Weltkrieg.* — Op. cit. — S. 43 ff.

⁸¹ Георг Склярц — доверенное лицо Парвуса (д-ра Гельфанда); ср. **Harden Maximilian.** *Der Weg nach Mirgorod//Die Zukunft.* — Band 110.— 1920. — S. 180. М. Гарден характеризует его как агента немецкого генерального штаба.

⁸² Ср. прим. 65.

⁸³ Ср. также **Schultheß.** Op. cit. — 2. — S. 690. 12 мая 1917 г. военный и морской министр Гучков под давлением социалистических партий был вынужден уйти в отставку; он считался одним из самых решительных сторонников направления, дружественного Антанте.

⁸⁴ Оттокар граф Чернин фон Худениц (1872–1932 гг.) — министр иностранных дел Австро-Венгрии с декабря 1916 года по апрель 1918 года.

⁸⁵ В заявлениях министра иностранных дел Австро-Венгрии 30 марта по вопросу о мире (см. **Schultheß.** Op. cit. — 2. — S. 55 f.), 14 апреля 1917 г. (ответ Австро-Венгрии России. — **Ebenda.** — S. 62) и 25 апреля 1917 г. (полуофициальное заявление по поводу мирных требований социал-демократов центральных держав, опубликованное в газете „Fremdenblatt“, выражавшей точку зрения графа Чернина, текст этого заявления (**Ebenda.** — S. 69), говорилось, что Австро-Венгрия ведет войну как войну оборонительную, добивается для обеих сторон почетного мира без аннексий, с гарантиями неприкосновенности и условий существования страны. Напротив, германский канцлер не хотел принимать еще окончательного решения, как это более или менее явствует из его заявлений от 29 марта (**Reichstagsrede.** Op. cit. — 1. — S. 369 ff.), 25 апреля (позиция по поводу опубликованной в „Norddeutschen Allgemeinen Zeitung“ статьи о целях войны, см. **Ebenda.** — S. 455 f.), официозной статьи в „Kölnischen Zeitung“ в связи с прошедшими в последние дни демонстрациями в пользу мира (**Reichstagsrede.** Op. cit. — S. 482) и особенно из речи в рейхстаге 15 мая 1917 г. (**Ebenda.** — S. 565 f.). В последней речи канцлер категорически заявил, что обнародование неоднократно требуемого от него „программного заявления“ по вопросу о целях войны „в настоящий момент не служило бы интересам страны“; см. также обоснование этих слов Бетман-Гольвегом (**Betrachtungen zum Weltkrieg.** — II. — 1921. — S. 198 f.). „Официальное заявление германского правительства о мире без аннексий и контрибуций, как того требовали социал-демократы, могло бы, правда, полезно воздействовать на определенные слои русского народа. Но практическое значение заявления было бы при общих тенденциях русского правительства и его абсолютной зависимости от Запада в высшей степени „сомнительным“, поэтому в своей речи 15 мая в рейхстаге он не дал России „ответа в виде какой-либо формулы“.

- ⁸⁶ Предложение о мире центральных держав от 12 декабря 1916 г. было Антантой отклонено.

ДОКУМЕНТЫ

Часть вторая

- ¹ Д-р Курт барон фон Лерснер (1883–1954 гг.) – в 1917 году секретарь миссии, с 11 апреля 1918 г. советник миссии, представитель Министерства иностранных дел при главной ставке в 1916–1918 годах.
- ² Паспортный центр под руководством ротмистра Цюрна при Представительстве Генерального штаба в Берлине; ср. прим. 6.
- ³ Вильгельм фон Штумм (1869–1935 гг.) – в 1911–1916 годах руководитель Политического отдела, с 22 ноября 1916 г. по 8 августа 1917 г. заместитель статс-секретаря Министерства иностранных дел.
- ⁴ Рукописная пометка на полях: „Повторное представление господином фон Ов 26 марта до 10 час. утра для обсуждения с ротмистром Цюрном”.
- ⁵ Деревня в Бадене, округ Констанц, немецкая пограничная станция на железной дороге Шаффхаузен – Зинген.
- ⁶ На полях пометка рукой секретаря миссии фон Ова: „P. S. Вопрос обсужден с ротм. Цюрном (Отдел III b, паспортный центр). Должно соблюдаться вежливое обращение при сопровождении революционеров через Германию. Цюрн подчеркнул, что у Отдела III b против поездки отдельных личностей никаких возражений возникнуть не будет. Если все же сомнения возникнут, то те, кого это касается, будут доставлены обратно в Швейцарию. Ов. 27 марта”.
- ⁷ Его официальное название гласило: „Центральный комитет по возвращению на родину проживающих в Швейцарии русских политических эмигрантов (председатель С. Ю. Семковский, секретарь С. Багоцкий). В комитет вошли представители: 1) русских эмигрантских организаций из Женевы, Лозанны, Цюриха, Берна, Базеля, Кларенса, Ла Шо де Фоне, Давоса; 2) правлений организаций помощи политическим заключенным и ссыльным; 3) зарубежных центральных органов различных русских политических партий: Социал-демократической рабочей партии России (меньшевистская и большевистская фракции), партии социал-революционеров (интернационалистское направление), фракции Бунда „Наше слово” (направление Троцкого – Рязанова), фракции „Вперед” (направление Луначарского), польской Социалистической партии, польских социал-демократов, еврейских социалистов, территориалистов, паолей-сионистов, анархистов. Всего Центральный Комитет представлял 560 человек, и притом большинство из них составляли русские эмигранты в Швейцарии, стоящие на позициях Циммервальда. Социал-патриоты имели свою собственную, независимую от Центрального Комитета организацию, которая охватывала 160 эмигрантов; ср. Платтен Фриц. Указ. соч. – С. 21.
- ⁸ Ср. здесь свидетельство в Постановлении заграничной коллегии ЦК РСДРП от 31 марта 1917 г. (Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 31. – С. 83–84).
- ⁹ Александр Федорович Керенский (1881–1970 гг.) – адвокат, депутат IV Государственной думы, первоначально социал-революционер, затем вождь „трудовиков” („Фракция трудящихся”); с марта

1917 года министр юстиции в первом Временном правительстве, заместитель председателя Петербургского Совета рабочих и солдатских депутатов; с мая 1917 года военный министр, по настоянию союзников (Антанты) отдал приказ о последнем крупном безуспешном наступлении русской армии. Керенский, став в июле премьер-министром, а в сентябре 1917 года генералиссимусом, вынужден был ретироваться в связи с Октябрьской революцией; ср. опубликованное в последнее время в журнале „International Affairs” (Vol. 32. – No 4. – 1956. – October) возражение Г. Каткову.

- ¹⁰ Д-р Карл фон Шуберт (†1882 г.) – советник миссии с 27 января 1917 г., с 9 июля 1915 г. по 31 августа 1918 г. работал в миссии в Берне.
- ¹¹ Оскар Блюм – автор книги „Charakterköpfe der russischen Revolution”. Когда он хотел присоединиться к первой партии выезжающих, последние отказали ему, считая его шпиком царской охраны. Один из ехавших вспоминает, что, когда Блюм все же сел в поезд, „мы вдруг увидели, как Ленин сам схватил крепкой рукой за ворот мужчину, который чуть раньше времени занял место в вагоне поезда, и, как нечто само собой разумеющееся, высадил этого беспримерного наглеца на перрон”; ср. Платтен Фриц. Указ. соч. – С. 33 и сл.
- ¹² Доклад Ленина длился два с половиной часа; ср. здесь его автореферат в газете „Volksrecht” (Zürich). – Nr. 77 und 78 от 31.3 и 2.4.1917; см. также Ленин В. И. О задачах РСДРП в русской революции // Полн. собр. соч. – Т. 31. – С. 72–78; ср. также прим. 44.
- ¹³ Немецкий агент. Имя из документов не установлено.
- ¹⁴ Максим Горький – Алексей Максимович Пешков (1869 – 1936 гг.).
- ¹⁵ В связи с Февральской революцией Горький писал о предстоящем заключении мира (Neue Zürcher Zeitung, 24.3.1917): „Это должен быть такой мир, который бы дал возможность России с честью существовать перед другими народами земли. Довольно уже истекало человечество кровью; новое правительство снискало бы величайшую заслугу не только перед Россией, но и перед всем человечеством, если бы ему, новому правительству, удалось быстро заключить мир” (цит. по: Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 31. – С. 48).
- ¹⁶ Д-р Наум Рейхесберг (1867–1928 гг.) – швейцарский социал-демократ и русский эмигрант, редактор „Schweizerischen Zeitschrift für Volkswirtschaft und Socialpolitik”, председатель Союза русских граждан в Швейцарии. В 1917 году – член Комитета по организации возвращения русских эмигрантов в Россию. По политическим соображениям был выслан из России, около 25 лет жил в Швейцарии; первоначально сторонник Керенского: „Но может статься, что он поддается в ленинское русло” (AA/Нрт. А/W2g. v. 28.8. bis 19.9.1917. Ph. PR FO 520/52 D).
- ¹⁷ „Russischer Bote” издавался штабом генерала Гофмана (ср. Trotzki L. Mein Leben. – 1930. – S. 348 f.; Fischer R. Op. cit. – S. 35). Троцкий подчеркивает, что эта газета первое время говорила „о большевиках не иначе, как с трогательной симпатией”.
- ¹⁸ Правильно: Бронштейн, ср. Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 27. – С. 573.
- ¹⁹ Семен Юльевич Семковский-Бронштейн (+ 1882 г.) – меньшевистский журналист, интернационалист („центрист”). В 1920 году перешел на сторону большевиков.

- ²⁰ Центральный комитет по возвращению находящихся в Швейцарии русских эмигрантов; см. прим. 7.
- ²¹ Ср. здесь резолюцию других революционных групп от 2 апреля 1917 г.: „Мы принимаем в соображение, что ввиду очевидной невозможности возвращения в Россию через Англию в результате противодействия английских и французских властей все партии признают необходимость при содействии Совета рабочих депутатов, по уполномочию Временного правительства искать возможность обмена политических эмигрантов на соответствующее число немецких граждан, задержанных в России“; ср. **Guilbeaux H. Wladimir Iljitsch Lenin.** — 1923. — S. 163.
- ²² Основана в сентябре 1914 года при представительстве Генштаба в Берлине; в ней были объединены все заграничные организации, содействовавшие войне (Надольный). Руководителем секции был ставший позднее посланником Рудольф Надольный (1873–1953 гг.), наделенный широкими полномочиями, он был подчинен Политическому отделу Генштаба действующей армии; ср. **Nadolny. Mein Eintrag.** — 1955. — S. 40 ff., 55.
- ²³ Дитрих фон Хюльзен (1878–1940 гг.) — с июля 1916 г. преемник Надольного.
- ²⁴ Среди документов не найдена.
- ²⁵ Левое террористическое крыло социалистов-революционеров, близкое стоящее к анархистам, отклоняло легальные средства борьбы и утверждало „прямые акции“.
- ²⁶ Давид Борисович Рязанов (1870–1933 гг.) — член Социал-демократической партии России, автор многочисленных марксистских трудов. Во время первой мировой войны — интернационалист, противник защиты отечества. С июля 1917 года — член большевистской партии, основатель Института Маркса — Энгельса — Ленина в Москве.
- ²⁷ Не установлен.
- ²⁸ Не установлен.
- ²⁹ Возможно, Рафаил Абрамович (+1879 г.) — один из руководителей еврейского „Бунда“, в 1920 году возражал против слияния „Бунда“ с большевиками.
- ³⁰ Не установлена.
- ³¹ Не установлена.
- ³² Лев Григорьевич Дейч (1855–1943 гг.) — первоначально сторонник Бакунина; в 1883 году совместно с Плехановым и Аксельродом основал первую марксистскую организацию (группа „Освобождение труда“), после 16 лет каторжных работ и ссылки в Сибирь в 1906 году бежал в Америку. В 1914–1918 годах был, как и Плеханов, приверженцем идеи защиты отечества.
- ³³ Ср. выше, док. № 22.
- ³⁴ Ср. выше, док. № 28.
- ³⁵ Вернер барон Ов-Вахендорф (1866–1939 гг.) — в свое время секретарь миссии Министерства иностранных дел.
- ³⁶ В документах не обнаружено.
- ³⁷ Д-р Диего фон Берген (1872–1943 гг.) — с 12 апреля 1915 г. действительный советник миссии и советник Политического отдела Министерства иностранных дел. Надольный (**Nadolny. Op. cit.** — S. 54) пишет о нем: „Господин фон Берген... поддерживал связь с большевиками в Швейцарии и особенно заботился о том, чтобы Ленин и его товарищи были переправлены Верховным главнокомандованием через Германию“.

- ³⁸ Заметки от руки на полях: „Улажено прямыми переговорами с господином фон Хюльзенем. Прежде всего дождаться дальнейших сообщений из Берна“. „Его превосходительству графу Поурталесу представлено“.
- ³⁹ Революционеры, особенно из группы Ленина, были в те дни заняты совещаниями по вопросу, каким образом было бы возможно проехать через Германию, не дав повода для враждебной агитации; см. Ленин В. И. Постановление заграничной коллегии ЦК РСДРП// Полн. собр. соч. – Т. 31. – С. 83–84. Лишь 3 апреля были письменно зафиксированы Лениным и его сотрудниками условия поездки; гарантия была необходима, поскольку Милюков объявил, что все русские граждане, которые поедут через Германию, предстанут перед судом.
- ⁴⁰ В резолюции остальных революционных групп от 2 апреля 1917 г. говорилось: „Констатируя, что товарищи, представляющие Центральный Комитет, решили ехать в Россию через Германию, не дождавшись результатов предпринятых по сему поводу шагов, мы считаем решение товарищей из Центрального комитета политической ошибкой, поскольку не будет доказана невозможность получения от Временного правительства полномочий на предложенный обмен“ (см. *Guilbeaux*. Op. cit. – S. 163 f.).
- ⁴¹ Фриц Платтен (1883–1942 гг.) – секретарь Социал-демократической партии Швейцарии (левое крыло) до 1919 года, в 1918/1919 и 1921/1922 годах член Швейцарского национального совета, с 1924 года жил в России. Участник революции 1905 года, конференций в Циммервальде и Кинтале, сторонник „Циммервальдской левой“. Довверенный Ленина, по инициативе которого он опубликовал документированный отчет „Die Reise Lenins durch Deutschland im plombierten Wagen“ (1924); см. также *Platten F. Zimmerwald oder sozial-imperialistische Internationale. Referat am Parteitag in Bern Februar 1919// Kampf*. – 1919. – Nr. 3 (Bern); о роли Платтена в политических планах Ленина см. Ленин В. И. Задачи пролетариата в нашей революции// Полн. собр. соч. – Т. 31. – С. 178. Новые данные о Платтене см. также *Fritz Plattens Schicksal// Schweizerische Wochen-Zeitung*. – Nr. 40 v. 4.10.1956; *Fritz Platten rehabilitiert// Volksrecht*. – Nr. 236. v. 6.10.1956; *Schicksal eines Kommunisten// Züricher Zeitung*. – Nr. 2819 v. 9.10.1956.
- ⁴² Григорий Зиновьев, Гирш Апфельбаум (1883–1936 гг.) – русский социал-демократ с 1901 года, ближайший сотрудник Ленина в Швейцарии в 1914–1917 годах, участник конференций в Циммервальде и Кинтале; см. также *Stranjakovich*. Op. cit. – S. 37: «Из наиболее видных русских социалистов, находившихся за границей, только Зиновьев в течение всей войны разделял точку зрения Ленина. Зиновьева считали рупором Ленина, его ближайшим и самым преданным сотрудником, уважительно называли „верным Санчо Панса“». О тесном сотрудничестве Зиновьева с Лениным свидетельствует и сборник *Lenin – Zinov'ev. Gegen den Strom. Aufsätze 1914–1916*. – Hamburg. – 1921; см. также *Platten F. Zinov'evs Bericht über die Reise Lenins von Zürich nach Petersburg// Die Ankunft W. I. Lenin in Russland*. – S. 67–72.
- ^{42a} На полях расшифрована пометка: «Группа называется „Bucht“».
- ⁴³ См. выше, прим. 39.
- ⁴⁴ Карл Георг фон Тройтлер (1858–1933 гг.) – прусский посланник в Мюнхене, с 18 октября 1910 г. действительный тайный советник, до 6 июля 1916 г. представитель Министерства иностранных дел

при Главной ставке Верховного главнокомандования. Один экземпляр этой телеграммы получила для ознакомления политическая секция Представительства Генерального штаба в Берлине.

⁴⁵ Д-р Александр Гельфанд (1867–1924 гг.) – псевдоним „Парвус“. С 90-х годов – член Социал-демократической партии Германии. В 1897–1898 годах – редактор „Sächsischen Arbeiterzeitung“; участник революции 1905 года. Особенно ценимый графом фон Брокдорф-Ранцау как советник кайзеровского правительства по вопросам русской революции, Гельфанд держался точки зрения, что победа центральных держав способствовала бы делу социализма в Европе. Он не был согласен с Лениным в вопросе о направлении пути при осуществлении революции; в 1915 году Гельфанд основал социалистический журнал „Die Clocke“ („Колокол“), к которому он в качестве сотрудника привлек д-ра Адольфа Мюллера.

⁴⁶ Ср. выше, прим. 81.

⁴⁷ В мае 1917 года Ф. Платтен во время прощального вечера с русскими эмигрантами в Цюрихе сказал, что он надеется закончить свои дни в России. Ср. Zürcher Post v. 13.5.1917.

⁴⁸ Сверху дополнено от руки: „Там подобрать“.

⁴⁹ Пометка от руки напротив на полях: „Желательна записка от Генерального штаба. Рг.“.

⁵⁰ Вильгельм Янсон (1877–1923 гг.) – немец шведского происхождения; во время войны был членом Генеральной комиссии профсоюзов Берлина; организация садоводов, в которой он состоял, вошла в немецкое социалистическое движение; в 1905–1919 годах вместе с П. Умбрейтом был вторым редактором „Correspondenzblatt der Generalkommission der Gewerkschaften Deutschlands“. В конце 1919 года – атташе по социальным вопросам при шведской миссии в Берлине. Янсон принадлежал к тем кругам профсоюзов, которые утверждали необходимость победы Германии в интересах рабочего класса; в духе этих взглядов он издал в 1915 году „Arbeiterinteressen und Kriegsergebnis. Ein gewerkschaftliches Kriegsbuch“; ср. Heyde L. in: Internationales Handwörterbuch des Gewerkschaftswesens. – 4. Lieferung. – 1931. – S. 862; Varain H. J. Freie Gewerkschaften, Sozialdemokratie und Staat. Die Politik der Generalkommission under der Führung Carl Legiens (1890 bis 1920). – 1956. – S. 71 ff., 97 f., 164, 193.

⁵¹ От руки вписано сверху вместо первоначального „тридцать“.

⁵² Volksrecht. – Nr. 77, 78 v. 31.3 und 2.4.1917.

⁵³ Автореферат см. Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 31. – С. 72–78.

⁵⁴ Ср. Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 31. – С. 73: „Гучковско-милюковское... правительство... правительство продолжения разбойничьей войны, объявившее прямо, что оно верно международным договорам царизма... Устами Керенского империалистская буржуазия России говорит рабочим:.. обещаем свободы – все ради того, чтобы ты помог нам ограбить Турцию, Австрию, отнять у немецкого империализма его добычу, удержать добычу англо-французского империализма“.

⁵⁵ Справа внизу пометка Циммермана: „Почему это не было немедленно передано по телеграфу?! Цр.“

⁵⁶ Последняя фраза подчеркнута карандашом, рядом на полях восклицательный знак.

⁵⁷ Ср. письмо В. И. Ленина Ганецкому от 30 марта 1917 г. (Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 49. – С. 418–419): „Сегодня я телеграфировал Вам, что единственная надежда вырваться отсюда, это обмен

швейцарских эмигрантов на немецких интернированных. Англия ни за что не пропустит меня, ни интернационалистов вообще, ни Мартова и его друзей, ни Натансона и его друзей. Чернова англичане вернули во Францию, хотя он имел все бумаги для проезда!! Ясно, что злейшего врага хуже английских империалистов русская *пролетарская* революция не имеет. Ясно, что приказчик англо-французского империалистического капитала и русский империалист Милюков (и К⁰) способны пойти *на все*, на обман, на предательство, на все, на все, чтобы помешать интернационалистам вернуться в Россию”.

⁵⁸ Эрих Людендорф (1865–1937 гг.) – прусский генерал, с 29 августа 1916 г. по 26 октября 1918 г. первый генерал-квартирмейстер при Верховном главнокомандовании.

⁵⁹ Д-р Сесиль фон Ренте-Финк (+1885 г.) – секретарь миссии, с 18 июля 1916 г. при немецкой миссии в Берне.

⁶⁰ Желанием Ленина было, чтобы австрийский гражданин (поляк) Радек, имевший паспорт, был бы присоединен и тем самым стало бы возможным его участие в поездке; ср. Платтен Фриц. Указ. соч. – С. 37–38: «Министр Ромберг не обратил внимания на то, что выражение „русские политические эмигранты” отсутствует, но выразил недоумение по поводу слова „легальные” и просил объяснения. Я пояснил, что не у всех отсутствуют паспорта, мы же хотим иметь право взять с собой и тех, кто, строго говоря, не является эмигрантами». Радек сопровождал группу Ленина только до Стокгольма, так как, будучи австрийским гражданином, он не мог ехать вместе с остальными в Петербург.

⁶¹ Копии этого соглашения напечатаны не полностью (см. Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 20. – С. 265; Платтен Фриц. Указ. соч. – С. 36–37; Münzenberg. Op. cit. – S. 238 f.), отсутствует первый раздел пункта второго, касающегося общения Платтена с немецким служебным персоналом по поводу провоза едущих; полное воспроизведение, правда, с отклонениями от точного текста, касающееся некоторых изменений в порядке расположения отдельных пунктов см. Guillebeaux. Op. cit. – S. 162 f.

⁶² В копии сообщено для сведения руководителю политической секции Представительства Генерального штаба в Берлине капитану фон Хюльзену.

⁶³ Ср. выше, прим. 50.

⁶⁴ Ср. выше, прим. 24. Социал-революционеры (социалисты-революционеры, террористы) – мелкобуржуазная, возникшая в 1902 году антимарксистская партия, чья политическая тактика – применение индивидуального террора против представителей самодержавия. Совместно с меньшевиками социал-революционеры боролись после 1917 года против большевиков: ср. Ленин Владимир Ильич. Краткий очерк его жизни и деятельности. – 1947. – С. 70, 389; Kersten K. Der Moskauer Prozeß gegen die Sozialrevolutionäre 1922. Revolution und Konterrevolution. – 1925. Требования социал-революционеров ср. Gitermann V. Geschichte Rusland. – III. – 1949. – S. 619.

⁶⁵ В первом Совете рабочих и солдатских депутатов в Петрограде большинство принадлежало социал-революционерам и меньшевикам; ср. Gitermann V. Op. cit. – III. – S. 480 f.; о роли Совета в первые недели Февральской революции см. Ebenda. – S. 480 f.

^{65a} Рядом пометка на полях: „2-й и третий”.

- ⁶⁶ Гельмут барон Люциус фон Штётен (1869–1934 гг.) – германский посланник в Стокгольме с 18 марта 1915 г.
- ⁶⁷ Рядом замечание на полях: „Пометка. Остальное содержание телеграммы будет сообщено в политическую секцию представительства генерального штаба в Берлине”.
- ⁶⁸ Буссо фон Бисмарк (1876–1943 гг.) – в то время германский военный атташе в Берне; см. выше, док. № 24.
- ⁶⁹ Князь Петр Александрович Кропоткин (1842–1921 гг.) – русский революционер, ведущий анархист. Перед войной жил за границей, большей частью в Англии и Франции, в 1914–1918 годах принадлежал к сторонникам союза России с Антантой. Свои взгляды на войну высказал в кадетской газете „Русские ведомости” и в появившихся в 1917 году „Письмах о текущих событиях”. „Кропоткин объявил всех немцев вне закона и в одном воззвании писал, что самым благородным было бы создать такую пушку, которая прикончила бы на поле боя все немецкие пушки” (**Brupbacher**. Op. cit. – S. 111 ff.).
- ⁷⁰ Речь идет о Петровском, Самойлове, Бадаеве, Муранове, Шагове; об их отношении к войне 1914 года; ср. *Illustrierte Geschichte der Russischen Revolution/V. Astrov, A. Slepkov, J. Thomas*. – S. 75; **Gitermann**. Op. cit. – III. – S. 464 f. Большевицкая фракция IV Думы единодушно голосовала против военных кредитов. Эти пятеро, следуя резолюции Штуттгартской конференции II Интернационала о войне, доказывали на нелегальных рабочих собраниях необходимость свержения царизма; только благодаря этому пролетариат добьется власти. В ноябре 1914 года они были арестованы и сосланы. На арест этих депутатов Думы указывает и декларация Центрального Комитета РСДРП от 29 марта 1915 г. № 40 „Социал-демократата”; см. **Ленин В. И.** Полн. собр. соч. – Т. 26. – С. 177–179.
- ⁷¹ Д-р Корнблюм – большевик, друг Ленина; секретарь Бернской конференции большевистских представителей в феврале 1915 года; ср. **Gankin-Fisher**. Op. cit. – S. 175 ff., 789.
- ⁷² Керенский пригрозил едущим судом за государственную измену. Ср. **Платтен Фриц**. Указ. соч.
- ⁷³ Отъезд состоялся 9 апреля, как запланировано, в 3.10 из Цюриха. Ср. **Платтен Фриц**. Указ. соч. – С. 45.
- ⁷⁴ На самом деле поехало 32 человека. Ср. **Платтен Фриц**. Указ. соч. – С. 44.
- ^{74а} Пометка на полях: „Показать графу Поурталесу. 11.4”.
- ⁷⁵ Вильгельм II (1859–1941 гг.) – германский кайзер, король Пруссии в 1888–1918 годах.
- ⁷⁶ См. немецкую „Белую книгу”, вышедшую 3 августа 1914 г. под заглавием „Vorläufige Denkschrift und Aktenstücke zum Kriegsausbruch, dem Reichstag am 3. August 1914 zur Kenntnis vorgelegt”; новое издание под названием „Aktenstücke zum Kriegsausbruch”; см. **Schulthess**. Op. cit. – XXX. – 1 u. 2, 1917. – S. 372 ff., 1021.
- ⁷⁷ За период с 29 июля по 28 августа 1915 г. в „Norddeutschen Allgemeinen Zeitung” в семи экстренных номерах были опубликованы отчеты бельгийских послов в Берлине, Париже и Лондоне о 1905–1914 годах. Издание этих отчетов см. в „Die belgischen Gesandtsberichte aus den Jahren 1905 bis 1914”. – 1915; *Belgische Aktenstücke 1905–1914/Vectm.-Verlag: Munchen, 1915*. Были изданы также издательством E. S. Mittler and Sohn (Berlin). Первая часть бельгийских документов была опубликована немецкой стороной уже в 1914 году после ок-

купации Брюсселя; ср. **Schultheß**. Op. cit. – XXX. – S. 1067 f. и особенно **Schwertleger B.** Der geistige Kampf um die Verletzung der belgischen Neutralität. – 1919. – S. 21 f., 29 ff., Anlage 5. – S. 161 ff., Äußerungen des belgischen Ministers des Äußern, Barons Beyens über die conventions anglo-belges, März 1917 (полный текст напечатан в „Rheinisch-Westfälischen Zeitung“, 1917. – 11. März). Публицистический бой по поводу бельгийского нейтралитета был снова начат как раз весной 1917 года в связи с немецким предложением мира от 12 декабря 1916 г. (**Schwertleger**. Op. cit. – S. 21 f.); см. также точку зрения Англии на бельгийский нейтралитет 1887–1914 годов, выраженную 19 января 1917 г., и немецкую позицию по поводу нее в „Deutscher Geschichtslender“, Berg. von K. Wippermann, hrsg. von F. Purlitz, 33. Jg., I. Bg., Januar – März 1917. – S. 44 ff.; **Schultheß**. Op. cit. – XXXIII, 1. – S. 21, ноту германского правительства нейтральным странам от 10 января 1917 г. (передана 11 января 1917 г.).

⁷⁸ Ср. выступление в рейхстаге Бетман-Гольвега о причинах возникновения войны от 9 ноября 1916 г.: **Schultheß**. Op. cit. – XXXII, 1916, 1. – 1921. – S. 523 ff. Публикацию русских директив о всеобщей мобилизации от 30 сентября 1912 г. см. „Norddeutschen Allgemeinen Zeitung“ v. 10. 11.1916; ср. также **Schultheß**. Op. cit. – XXXIII, 1. – S. 251 и особенно **Hallmann H.** Um die russische Mobilmachung. Diplomatische Studien zum Ausbruch des Weltkrieges. Beiträge z. Gesch. d. nachbismarckischen Zeit und des Weltkrieges. – H. 43. Первые военные мероприятия в России начались уже 25 июля 1914 г.; 26 июля вся европейская Россия была приведена в так называемое состояние военной готовности, 29 июля была объявлена всеобщая мобилизация, и 30 июля была законом установлена для всей русской армии.

⁷⁹ Туккум – город в Курляндии (Латвия), северо-западнее Митавы.
⁸⁰ Бетман-Гольвег пишет, что еще в полдень 14 марта он получил сообщение о революции в Петербурге. „Чрезвычайное значение русской революции было ясно. Внешняя политика могла привести к миру“ (**Bethmann-Hollweg**. Betrachtungen zum Weltkriege. – II. – 1921. – S. 173 f.

⁸¹ Ср. выше, док. № 49.

⁸² Ср. выше, прим. 76, 77.

⁸³ Что и случилось, см. ниже, док. № 94.

⁸⁴ Краткая заметка, вставленная в газету.

⁸⁵ Текст этой заметки (см. „Züricher Morgen Zeitung“ v. 11.4.1917) гласил: „Отъезд русских беженцев. В пасхальный понедельник, как нам стало известно со стороны русских, около 40 русских беженцев, которые давно жили в Цюрихе, в сопровождении рабочего секретаря Платтена выехали специальным вагоном в Германию, чтобы таким путем доехать до своей родины. Немецкие власти, как утверждают, обеспечили русским, которые, в частности, собираются действовать как убежденные сторонники мира, свободный проезд через страну”.

⁸⁶ Имя Платтена – Фриц.

⁸⁷ Феликс Кон – известный польский коммунист, участник Циммервальдского движения, член польского революционного правительства в 1920 году. С 1914 по 1917 год жил в Швейцарии; в 1922–1923 годах был секретарем Коминтерна, позже – заместителем председателя Интернациональной контрольной комиссии; ср. **Fischer**. Op. cit. – S. 166, 441.

- ⁸⁸ От фр. *jusqu'au bout* (до конца), приверженцы продолжения войны против Германии на стороне Антанты „до победного конца” (*Jusqu'aboutisme*, ср. *Gitermann. Op. cit. – III. – S. 505*).
- ⁸⁹ Ср. также описание в: Платтен Фриц. Указ. соч. – С. 33–34, 43: „...я находился в то время на перроне, где со мною сцепился какой-то иступленно жестикулирующий социал-патриот, и я был близок к мысли спустить под вагон этого субъекта. Железнодорожные служащие увели и эту опору Милюкова. На перроне находилась масса народа, главным образом русских; все страстно дискутировали доводы за и против поездки; Ленин же и Зиновьев – как до, так и во время отхода поезда совершенно бесстрастно глядели на эти бушующие волны”.
- ⁹⁰ Ср. отчет Платтена Ф. о поездке Ленина: «Нужно иметь в виду, что Керенский угрожал возбудить против эмигрантов обвинение в государственной измене... Вдруг Ленин обратился ко мне с вопросом: „Какого вы мнения, Фриц, о нашей роли в русской революции?”. „Должен сознаться, – ответил я, – что вполне разделяю ваши взгляды на методы и цели революции, но, как борцы, вы представляетесь мне чем-то вроде гладиаторов древнего Рима, бесстрашно, с гордо поднятой головой выходивших на арену навстречу смерти. Я преклоняюсь перед силой вашей веры в победу”. Легкая улыбка скользнула по лицу Ленина, и в ней можно было прочесть глубокую уверенность в близкой победе» (Платтен Фриц. Указ. соч. – С. 48–49).
- ⁹¹ Ср. набросок ленинских тезисов от 17 марта 1917 г. (Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 21. – С. 1–2: „С другой стороны, новое правительство... состоит из либеральных буржуа и помещиков, на поводу которых идет представитель демократического крестьянства и, возможно, части увлеченных на буржуазный путь, забывших интернационализм рабочих, Керенский”.
- ⁹² В своем письме к Ганецкому от 30 марта 1917 г. Ленин отзывался так: „Малейшая доверчивость в этом отношении и к Милюкову, и к Керенскому (пустому болтуну, агенту русской империалистической буржуазии по его объективной роли) была бы прямо губительна для рабочего движения и для нашей партии” (Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 49. – С. 419). В своем реферате „О задачах РСДРП в русской революции” Ленин характеризует Керенского как „героя фразы”, „пешку в руках Гучкова и Милюкова” (Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 31. – С. 74).
- ⁹³ Текст Пасхального послания от 4 апреля 1917 г. см. *Schultheß. Op. cit. – XXXIII, 1. – S. 398–399*.
- ⁹⁴ Речь фон Бетман-Гольвега от 29 марта 1917 г. см. *Schultheß. Op. cit. – XXXIII, 1. – S. 369 ff.* Содержащиеся там высказывания канцлера о России были причислены газетой „*Kölnischen Zeitung*” к важнейшим сообщениям, которые во время войны были обнародованы правительством (*Schultheß. Op. cit. – XXXIII, 1. – S. 394*).
- ⁹⁵ Под № 516 сообщена также германскому посланнику в Стокгольме барону Люциусу фон Штёттену.
- ⁹⁶ Фредерик Хедегард Еппесен Боргбьерг (1866–1936 гг.) – журналист, руководящий член Социал-демократической партии Дании. Во время посещения Петербурга в конце апреля 1917 года он от имени Комитета рабочих партий Дании, Норвегии и Швеции передал всем русским социалистическим партиям через Совет рабочих и солдатских депутатов в Петербурге приглашение принять участие

в интернациональной социалистической конференции в Стокгольме с целью подготовки окончания войны и условий мира. В то время как меньшевики заняли положительную позицию, большевики характеризовали Боргбьерга как прямого и косвенного агента немецкого правительства и отклонили предложение; ср. **Lenz J.** Die II. Internationale und ihr Erbe 1899–1929. – 1930. – S. 162 f.; **Frisch H.** In Dansk biografisk Leksikon. – III. – 1934. – S. 480 ff.; и особенно **Warth D.** The Allies and the Russian Revolution. – 1954. – P. 67. Мотивировка отказа большевиков от предложения Боргбьерга содержится в „Резолюциях Всероссийской Апрельской конференции РСДРП” от 7–12 мая 1917 г., № 4. По поводу предложения Боргбьерга см. Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 31. – С. 364, 366–370, 372–375, 436, 466–467; суждение Шейдемана о поездке Боргбьерга см. Der Zusammenbruch. – S. 149 ff.

⁹⁷ Шведский портовый город в Ботническом заливе.

⁹⁸ Атташе миссии в Берне, сопровождавший едущих русских до Готмадингена и там передавший их сопровождающему немецкому офицеру; ср. **Платтен Фриц.** Указ. соч. – С. 6; об использовании фельдъегерей на службе в Министерстве иностранных дел см. **Meyer.** Op. cit. – S. 81 f.

⁹⁹ Ср: Arbeitersekretär Platten über die Lage in Deutschland, Rußland und die Stockholmer Konferenz//Züricher Post. – Nr. 213. – 8.5.1917; рассказ Платтена в его документальных записях (**Платтен Фриц.** Указ. соч. – С. 50–51), а также письмо германского военного атташе в Берне посланнику барону фон Ромбергу от 26 апреля 1917 г. (AGB/Abt. A Rußl. Nr. 158/2). По сообщению агента из русских кругов, Платтен на русской границе был уведомлен, что его, правда, впускают в Россию, однако полной свободы передвижения гарантировать не могут; за ним, наверное, наблюдали бы и сопровождали его. В связи с этим Платтен предпочел вернуться обратно. В. И. Ленин в своей работе „Задачи пролетариата в нашей революции” (**Ленин В. И.** Полн. собр. соч. – Т. 31. – С. 177–178) отзывался так: «Если даже „республиканец” Милюков, вынужденный терпеть побочное правительство Совета рабочих депутатов, не пустил в Россию, в апреле 1917 года, швейцарского социалиста, секретаря партии, интернационалиста, участника Циммервальда и Кинталя, **Фрица Платтена**, хотя он женат на русской, ехал к родственникам жены, хотя он участвовал в революции 1905 г. в Риге, сидел за это в русской тюрьме, внес залог для освобождения царскому правительству, хотел получить этот залог обратно, – если „республиканец” Милюков мог *сделать* это в России в апреле 1917 года, то можно судить о том, чего стоят обещания и посулы, фразы и декларации насчет мира без аннексий и т. п. со стороны буржуазии».

¹⁰⁰ Пометка карандашом рядом на полях: „К исполнению. Капитан фон Хюльзен телеграфно осведомлен. Он предупредит Засниц. Ц. 20/IV”.

¹⁰¹ Руководитель немецкой разведки в Стокгольме.

¹⁰² Ленин призывал к борьбе с Временным правительством, которое хотело уничтожить плоды революции, оплаченные кровью народа. Заговор англо-французских империалистов, по его словам, толкал „Милюкова и Гучкова с К⁰ к захвату власти в интересах продолжения империалистической войны, в интересах еще более ярого и упорного ведения ее, в интересах *избиения новых миллионов* рабочих и крестьян России для получения Константинополя... Гуч-

ковыми, Сирии... французскими, Месопотамии... английскими капиталистами и т. д." (Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 31. – С. 16). Ср. Schulthess. Op. cit. – XXX. 2. – S. 681.

- ¹⁰³ См. составленный Лениным сразу же после возвращения в Россию отчет от 8 апреля 1917 г. „Как мы доехали“ (Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 31. – С. 119–121). Сообщение, по поручению прибывших из Швейцарии товарищей, Ленина и Зиновьева Исполнительному Комитету см. Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 31. – С. 137; кроме того, „Речь на заседании Исполнительного Комитета Петроградского Совета от 17 (4) апреля 1917 г. по вопросу о проезде через Германию. Протокольная запись“ (там же. – С. 137).
- ¹⁰⁴ В отчете В. И. Ленина „Как мы доехали“ говорится: „Все попытки германского социал-демократического большинства вступить в общение с едущими последние решительно отклонили“ (Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 31. – С. 120). Прежде всего это относится к отказу Ленина встретиться с Гельфандом в Стокгольме во время проезда; ср. Parvus. Im Kampf um die Wahrheit. – 1918. – S. 51: „Я был в Стокгольме, когда Ленин находился там во время проезда. Он отклонил личную встречу. Через одного общего друга я ему передал: сейчас прежде всего нужен мир; следовательно, нужны условия для мира, что намеревается он делать. Ленин ответил: он не занимается дипломатией, его дело – социальная революционная агитация“. Точно так же отклонили едущие разговор с представителем Генеральной комиссии немецких профсоюзов Вильгельмом Янсоном (см. выше, прим. 50). Ср. здесь отчет Платтена: „Г-н Янсон заявил мне, что он по поручению Генеральной комиссии немецких профсоюзов приветствует едущих эмигрантов и желал бы лично переговорить с товарищами... Мое сообщение вызвало среди едущих взрыв веселья. После краткого совещания было решено не принимать г-на Янсона и не отвечать на его приветствие... На другой день утром я поблагодарил лично от своего имени г-на Янсона за приветствие, так как едущие отказались из политических соображений отвечать на таковое. Я просил его удовольствоваться состоявшейся между нами беседой. Г-н Янсон удовлетворил мое желание и удалился“ (Платтен Ф. Указ. соч. – С. 47–48).
- ¹⁰⁵ Ср. отчет Н. Н. Суханова (Sukhanov N. N. The Russian Revolution 1917. A Personal Record. – 1955. – P. 269–277).
- ¹⁰⁶ Ср. высказывания Плеханова на общегосударственной конференции в Москве от 28 августа 1917 г., где он решительно выступил против сепаратного мирного договора с Германией: „Позвольте мне от имени русской революционной демократии сказать, что никогда она не была бы способна на такой позор, ибо это означало бы предательство великой французской и английской демократии“ (Schulthess. Op. cit. – XXXIII, 2. – S. 730).
- ¹⁰⁷ Карл Цраген (1861–1929 гг.) – в то время член Социал-демократической партии Швейцарии.
- ¹⁰⁸ Организационный комитет РСДРП (меньшевиков. – *Ред.*). См. Платтен Фриц. Указ. соч. – С. 25.
- ¹⁰⁹ Лео Мартов – псевдоним Юлия Осиповича Цедербаума (1873–1923 гг.). Во время войны – интернационалист-меньшевик. В марте 1917 года первым сделал предложение организовать поездку русских революционеров через Германию.

- ¹¹⁰ Александр Самойлович Мартынов (1865–1935 гг.) – член РСДРП с 1898 года, с 1903 года меньшевик. Во время войны – интернационалист, с 1922 года – член РКП (б).
- ¹¹¹ Ср. Обоснование этого в подробном отчете Семковского, который содержится в „Извлечениях из протокола заседания правления швейцарской социал-демократической партии 30 апреля 1917 г.” (см. Платтен Фриц. Указ. соч. – С. 20–31). «Когда товарищ Ленин решил поехать через Германию, все остальные представители партийных группировок интернационалистического направления были против этой поездки, которую они считали политической ошибкой, поскольку Ленин воочию не показал широкому общественному мнению, что нет абсолютно никакой возможности выбрать другой путь. Однако после того, как мы тщетно испробовали все возможные пути, мы можем теперь ехать в Россию тем же путем, уже не в качестве обвиняемых, а в качестве обвинителей... Условия проезда Ленина, опубликованные Платтенем в „Народном праве”, содержат в себе все нужные гарантии. Без таких гарантий подобная поездка была бы недопустима с точки зрения интернациональных социалистов. Конечно, нам придется считаться с шовинистической демагогией. Но выше этих соображений должен стоять наш долг – принять участие в борьбе за революцию в качестве социалистов-интернационалистов» (Платтен Фриц. Указ. соч. – С. 28–29).
- ¹¹² Ср. выше, док. № 15.
- ¹¹³ Ср. ниже, прим. 128; речь идет о пароходе „Кристианиаффорд”.
- ¹¹⁴ Эта телеграмма 28 апреля 1917 г. была передана затем представителю Министерства иностранных дел при Генеральном штабе в Кройцнахе секретарю миссии барону фон Леснеру.
- ¹¹⁵ См. Ludendorff. Meine Kriegserinnerungen (1914–1918). – 1919. – S. 407: „В связи с отправкой Ленина наше правительство взяло на себя особую ответственность. С военной точки зрения эта поездка была обоснованной, Россия должна была пасть. Но наше правительство должно было внимательно следить и за тем, чтобы не пасть также нам самим”.
- ¹¹⁶ Ср. выше, док. № 67 и № 69.
- ¹¹⁷ Ср. выше, док. № 65.
- ¹¹⁸ Полуофициозное телеграфное агентство.
- ¹¹⁹ Иоахим фон Эрнст (+1883 г.) – секретарь миссии, 1 июня 1917 г. переведен в посольство в Берне.
- ¹²⁰ Вера Николаевна Фигнер (1852–1942 гг.) – террористка, одна из руководителей Революционно-исполнительного комитета, участвовала в подготовке убийства Александра II в марте 1881 года; в 1884 году приговорена к пожизненным каторжным работам (в 1904 г. помилована), работала совместно с социал-революционерами. В 1917 году занималась организацией помощи бывшим политическим ссыльным (Комитет Веры Фигнер); ср. ее воспоминания „Ночь над Россией”, 1929 г.
- ¹²¹ Ср. дословный текст депеши Милюкова из Петербурга от 21 апреля 1917 г. Центральному комитету по возвращении русских политических эмигрантов, проживающих в Швейцарии (Платтен Фриц. Указ. соч. – С. 25–26): „В ответ на вашу телеграмму, адресованную Чхеидзе, Керенскому и Вере Фигнер, касательно возвращения эмигрантов через Германию, считаем проезд через Германию в обмен на немецких интернированных граждан невозможным. Мы телеграфно обратились в Лондон и Париж с просьбой пропустить всех

эмигрантов без различия политических взглядов и оказать всяческое содействие, дабы дать им возможность поскорее вернуться. Миллюков. № 7952”.

- ¹²² Ср. ниже, прим. 128.
- ¹²³ Ср. подтверждение этим выводам в „Извлечениях из протокола заседания правления швейцарской социал-демократической партии” от 30 апреля 1917 г. (Платтен Фриц. Указ. соч. — С. 26).
- ¹²⁴ Указание на значение этого документа в связи с вопросом о немецкой финансовой поддержке большевиков содержится в подробном исследовании оксфордского историка Г. Каткова (Katkov G. German Foreign Office Documents on Financial Support to the Bolsheviks in 1917//International Affairs. — XXXII, 2. — 1956. — April. — P. 187).
- ¹²⁵ Напротив этого текста на полях карандашная пометка: „С бароном Ромбергом обсуждено. Тем самым решен вопрос последней фразы этого сообщения”. См. в этой связи Katkov G. Op. cit. — P. 181 etc.
- ¹²⁶ Ср. по этому поводу Каткова, который, основываясь на немецких документах, освещает пути финансовой поддержки большевиков кайзеровским правительством. И здесь ведущей мыслью немецкой стороны было скорейшее заключение сепаратного мира с Россией (Katkov G. Op. cit. — P. 187 etc.).
- ¹²⁷ Ср. Платтен Фриц. Указ. соч. — С. 25-26 и прим. 121; см. также док. № 78.
- ¹²⁸ Ср. дословный текст телеграммы русского эмигрантского комитета в Стокгольме: „Центральному комитету в Цюрихе по возвращении русских политических беженцев, находящихся в Швейцарии” (Платтен Ф. Указ соч. — С. 26): Эмигрант из Америки, прибывший пароходом „Христиан-Фиорд” в Стокгольм 20 апреля, рассказывал, что в Галифаксе задержаны: Троцкий, Чудновский, Мельничанский, Днепровский, Мухин и Романенко. Ср. также Trotzki L. In Konzentrationslager//Mein Leben. — 1930. — S. 268-275.
- ¹²⁹ Ср. выше, док. № 73.
- ¹³⁰ Леопольд барон фон Хеннет (+1876 г.) — д-р юридических наук, прикомандированный к австро-венгерскому военному атташе в Берне.
- ¹³¹ Подтверждение этому свидетельству см. Münzenberg. Op. cit. — S. 35 f. О столкновении Ленина с Гриммом на принципиальной основе ср. Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 30. — С. 131 и сл. Открытое письмо к Шарлю Нэну, члену Международной социалистической комиссии в Берне. Написано в январе 1917 года (там же. — С. 286).
- ¹³² Ср. выше, прим. 10.
- ¹³³ Дитрих фон Бетман-Гольвег (1877-1933 гг.) — двоюродный брат рейхсканцлера, советник миссии, с 24 декабря 1916 г. первый секретарь посольства в Берне.
- ¹³⁴ О группировке сил социал-патриотов, представленных в этом комитете, ср. выше, прим. 7; Платтен Фриц. Указ. соч. — С. 21.
- ¹³⁵ Марк Идашкин, друг Плеханова, председатель „Центрального комитета русских политических эмигрантов, объединившихся на почве защиты отечества”.
- ¹³⁶ Ср. выше, прим. 87.
- ¹³⁷ Анжелика Балабанова (+1878 г.) — русская интернационалистка-социалистка, главным образом действовавшая в Социал-демократической партии Италии; во время войны — одна из руководящих членов Циммервальдского движения, в 1919 году — секретарь Коминтерна.

- 138 Ср. выше, прим. 110.
- 139 Ср. выше, прим. 109.
- 140 Ср. Balabanova A. Op. cit. – S. 137 ff.; Платтен Фриц. Указ. соч. – С. 62 и сл.
- 141 Ср. выше, прим. 128. Троцкий был освобожден из концентрационного лагеря в Галифаксе 29 апреля 1917 г. (см. Trozki L. Op. cit. – S. 274).
- 142 В документах не обнаружена.
- 143 Секретные документы русского Министерства иностранных дел были опубликованы в 1917–1918 годах народным комиссариатом по иностранным делам; ср. Schultheß. Op. cit. – XXXII. – Jg. 1916, 2. – 1921. – S. 602 ff. и особенно Ebenda. – XXXIII. – Jg. 1917, 2. – 1920. – S. 912 ff.
- 144 Дмитрий Захарович Мануильский, псевдоним – Безработный (1883–1959 гг.) – член Социал-демократической партии России, фракции большевиков; с 1905 года – партийный агитатор; в 1907 году бежал в Западную Европу; в 1914–1918 годах – интернационалист. С 1920 года – член Центрального Комитета Украинской коммунистической партии, в 1924 году – член Президиума Исполнительного комитета Коминтерна.
- 145 Анатолий Васильевич Луначарский (1875–1933 гг.) – драматург и писатель, один из старейших членов Социал-демократической партии России. Во время войны – интернационалист, после Октябрьской революции 1917 года – Народный комиссар образования.
- 146 Марк Андреевич Натансон, псевдоним – Бобров (1850–1919 гг.) – первоначально народник, член Центрального Комитета партии социал-революционеров. В 1914–1918 годах – интернационалист. Участник конференций в Циммервальде и Кинтале, в июле 1918 года сблизился с большевиками.
- 147 Не установлен.
- 148 Ср. выше, прим. 109.
- 149 Меньшевик (интернационального направления) (+1918 г.), секретарь заграничного секретариата Организационного комитета (меньшевиков).
- 150 Ср. выше, прим. 137.
- 151 Ср. ниже, док. № 100.
- 151 а См., однако, сообщение о втором транспорте в газете „Neuen Züricher Zeitung“. – Nr. 918. – 22.5.1917.
- 152 Первое донесение, и ни одна из его копий в документах не была найдена.
Арвед фон дер Планиц (1875–1943 гг.) – ротмистр резервного королевского саксонского гардейтерского полка, в 1917 году в Отделе III в представительства генерального штаба в Берлине.
- 153 Ганс Фогель (1883–1950 гг.) – редактор бернской газеты „Tagwacht“, кассир Социал-демократической партии Швейцарии (левое крыло), сотрудник социалистической ежедневной рабочей газеты „Volksrecht“, основанной в Цюрихе в 1897 году.
- 154 Это относится к транспорту Ленина и его сторонников от 9–16 апреля 1917 г.
- 155 Ср. выше, док. № 70 и 79.
- 155 а Пометка от руки на полях: „Сообщено 26 мая 1917 г. Политической секции Берлина. Генштаб“.
- 156 Ср. описание в ее записках: «В начале мая нам удалось, наконец, выехать в Россию. Нас было около 250 эмигрантов, которые все сконцентрировались в Цюрихе. Из наиболее известных революционеров были Мартов, Аксельрод, Рязанов, Луначарский, Бобров-На-

тансон. Сокольников, бывший правый Мартынов, который теперь, раскаявшись в своих ошибочных меньшевистских блужданиях, перешел на сторону большевизма, или, вернее, антименьшевизма, а также другие со своими семьями. Ничего особенного в поездке через Германию не произошло. Мне, выехавшей из нейтральной, сравнительно хорошо обеспеченной страны, было тяжело видеть истощенные, исхудавшие лица немецкой поездной obsługi и тех немногих людей, кого мы видели на перронах... Когда мы отъехали от Цюриха, различные фракции, на которые распались эмигранты, разделились и разошлись по разным вагонам. Так как я не принадлежала ни к какой фракции, то выбрала купе третьего класса, где, кроме меня, сидели еще двое „диких“, двое товарищей из Эстонии» (*Balabanova A. Eringungen und Erlebnisse. — S. 138*).

¹⁵⁷ Федор Ильич Дан (1871–1947 гг.) — врач и писатель, меньшевистский вождь. Во время войны — умеренный интернационалист, после Февральской революции — руководящий член Исполнительного комитета Петербургского Совета. Противник большевизма, в 1922 году выехал из России. Ср. Дан Ф. Два года скитаний. — 1922.

¹⁵⁸ Ср. в этой связи высказывания председателя „Центрального комитета по возвращению русских политических эмигрантов, проживающих в Швейцарии“ Семковского, представленные в „Извлечении из протокола заседания правления швейцарской социал-демократической партии 30 апреля 1917 г.“ (см. Платтен Фриц. Указ. соч. — С. 20 и сл.).

¹⁵⁹ Ср. выше прим. 120.

¹⁶⁰ Ср. ниже док. № 100.

¹⁶¹ 6 мая 1917 г. по распоряжению Временного правительства в Петербурге была образована центральная земельная комиссия с сельскохозяйственными комитетами по всей России; она должна была доложить Учредительному собранию подготовленный ею всеобщий земельный закон. В этой связи правительство повторило свои требования к крестьянам и солдатам дожидаться издания этого закона и не улаживать земельный вопрос на свой страх и риск. На самом же деле Временное правительство, которое представляло интересы помещиков, монастырей и финансовых кругов, стремилось решение этого наинеотложнейшего для крестьянства России вопроса отодвинуть на неопределенное время; ср. *Schultheß. Op. cit. — XXXIII, 2 — S. 687 f.; Gitermann. Op. cit. — III. — S. 495*.

¹⁶² Место издания — Женева, дата выхода — 13 октября 1915 г.

¹⁶³ Ср. Ленин В. И. Письма из далека//Полн. собр. соч. — Т. 31. — С. 56, 58. — Письмо четвертое, от 30 марта 1917 г.; Ленин В. И. Письмо Я. С. Ганецкому от 25 марта 1917 г.//Там же. — Т. 49. — С. 417–418.

¹⁶⁴ Ср. *Schultheß. Op. cit. — XXXIII, 2. — S. 681 f.; Ленин В. И. Апрельские тезисы//Полн. собр. соч. — Т. 31. — С. 103 и сл.*

¹⁶⁵ Текст см. Ленин В. И. Прощальное письмо к швейцарским рабочим//Полн. собр. соч. — Т. 31. — С. 87 и особенно с. 90 и сл. По словам Ленина, письмо было написано „по поручению отъезжающих товарищей, членов Российской с.-д. рабочей партии (объединенной Центральным Комитетом), принявших это письмо на собрании 8 апреля (нов. стиля) 1917 года“ (см. Приложение. — Прим. ред.).

¹⁶⁶ Д-р Герберт барон фон Рихтгофен (+ 1879 г.) — с 11 июня 1916 г. уполномоченный в качестве комиссара в Софии, советник миссии.

¹⁶⁷ О представителях Болгарии в Циммервальдском движении ср. также указания А. Балабановой (*Balabanova A. Op. cit. — S. 127*).

- К движению принадлежали как „жестокосердные“, так и „мягкосердечные“ из Социал-демократической партии Болгарии.
- 168 Очевидно, псевдоним.
- 169 Косев – болгарский политик.
- 170 Николай Александрович Семашко (1874–1949 гг.) – врач, старый член большевистской партии; перед первой мировой войной деятельно участвовал в заграничных организациях большевистской партии. В 1906 году эмигрировал в Швейцарию (Женева), где он познакомился с Лениным; в 1913 году находился в Сербии и Болгарии; в 1917 году – большевистский представитель на третьей Циммервальдской конференции в Стокгольме.
- 171 Земство – самоуправляющийся союз.
- 172 Альфред Гейслер (1862–1927 гг.) – с конца 1914 года глава генерального консульства в Женеве.
- 173 Внизу карандашная пометка рукой секретаря миссии Ренте-Финка: „б. VII Скраген (sic!) уведомил, что он хочет установить связь с эмигрантским комитетом. Р. Ф.“
- 174 Григорий Львович Шкловский (+1875 г.) – химик, старый член большевистской партии, с 1908 года в Швейцарии. В 1912 году – большевистский делегат на Базельском интернациональном социалистическом конгрессе, руководящий участник Бернской конференции большевистских партийных представителей (об этом им написана статья, опубликованная в журнале „Пролетарская революция“, 1925 г.). В 1918 году – советский дипломат в Швейцарии.
- 175 Михаил Федорович Владимирский (1874–1951 гг.) – старый член большевистской партии, в 1906–1917 годах находился во Франции, активно участвовал в Октябрьской революции в Москве.
- 176 Иван Романович Романов.
- 177 Псевдоним.
- 178 Мстислав Бронский (+1882) – большевик, член Циммервальдской левой. Представитель польской социал-демократии на конференции в Кинтале. В 1928 году – член коллегии Народного комиссариата финансов, позже – профессор политической экономии и член Коммунистической академии.
- 179 Роза Люксембург (1871–1919 гг.) – интернациональная революционная социалистка, соосновательница Спартаковского союза 1917 года; основала вместе с Йогихесом, Мархлевским и Залевским Социал-демократическую партию России, Польши и Литвы, во главе которой она боролась против социал-патриотизма в возникшей в то же время Польской социалистической партии (ППС).
- 180 Не установлен.
- 181 Казимир Залевский (1869–1918 гг.) – сооснователь Социал-демократической партии Польши и Литвы (см. выше прим. 179), следовательно, в польской Социалистической партии не был (ср. ниже прим. 182).
- 182 Польская Социалистическая партия олицетворяла национальное крыло в польском рабочем движении.
- 183 Не установлен.
- 184 Не установлен.
- 185 Отто Ланге (1863–1936 гг.) – член правого крыла Социал-демократической партии Швейцарии, был членом следственной комиссии, назначенной по делу Гримма Интернациональным социалистическим комитетом; автор марксистских трудов („Конечная цель и движение в швейцарской социал-демократии“, „Социалистические еженесячники“, Берлин, 1899; „Социализм в Швейцарии“, 1902; „Социализм или капитализм“, 1920).

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПИСЬМА ИЗ ДАЛЕКА

ПИСЬМО I

ПЕРВЫЙ ЭТАП ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Первая революция, порожденная всемирной империалистической войной, разразилась. Эта первая революция, наверное, не будет последней.

Первый этап первой революции, именно *русской* революции 1 марта 1917 года, судя по скудным данным в Швейцарии, закончился. Этот первый этап наверное не будет последним этапом нашей революции.

Как могло случиться такое „чудо“, что всего в 8 дней, — срок, указанный г. Милуковым в его хвастливой телеграмме всем представителям России за границей, — развалилась монархия, державшаяся веками и в течение 3 лет величайших всенародных классовых битв 1905—1907 годов удержавшаяся несмотря ни на что?

Чудес в природе и в истории не бывает, но всякий крутой поворот истории, всякая революция в том числе, дает такое богатство содержания, развертывает такие неожиданно-своеобразные сочетания форм борьбы и соотношения сил борющихся, что для обывательского разума многое должно казаться чудом.

Для того чтобы царская монархия могла развалиться в несколько дней, необходимо было сочетание целого ряда условий всемирно-исторической важности. Укажем главные из них.

Без трех лет величайших классовых битв и революционной энергии русского пролетариата 1905—1907 годов была бы невозможна столь быстрая, в смысле завершения ее *начального этапа* в несколько дней, вторая революция. Первая (1905 г.) глубоко взрыла почву, выкорчевала вековые предрассудки,

пробудила к политической жизни и к политической борьбе миллионы рабочих и десятки миллионов крестьян, показала друг другу и всему миру *все* классы (и все главные партии) русского общества в их действительной природе, в действительном соотношении их интересов, их сил, их способов действия, их ближайших и дальнейших целей. Первая революция и следующая за ней контрреволюционная эпоха (1907–1914) обнаружила всю суть царской монархии, довела ее до „последней черты“, раскрыла всю ее гнилость, гнусность, весь цинизм и разврат царской шайки с чудовищным Распутиным во главе ее, все зверство семьи Романовых – этих погромщиков, заливших Россию кровью евреев, рабочих, революционеров, этих „первых среди равных“ помещиков, обладающих миллионами десятин земли и идущих на все зверства, на все преступления, на разорение и удушение любого числа граждан ради сохранения этой своей *и своего класса* „священной собственности“.

Без революции 1905–1907 годов, без контрреволюции 1907–1914 годов невозможно было бы такое точное „самоопределение“ всех классов русского народа и народов, населяющих Россию, определение отношения этих классов друг к другу и к царской монархии, которое проявило себя в 8 дней февральско-мартовской революции 1917 года. Эта восьмидневная революция была, если позволительно так метафорически выразиться, „разыграна“ точно после десятка главных и второстепенных репетиций; „актеры“ знали друг друга, свои роли, свои места, свою обстановку вдоль и поперек, насквозь, до всякого сколько-нибудь значительного оттенка политических направлений и приемов действия.

Но если первая, великая революция 1905 года, осужденная как „великий мятеж“ господами Гучковым и Милюковым с их прихвостнями, через 12 лет привела к „блестящей“, „славной“ революции 1917 года, которую Гучковы и Милюковы объявляют „славной“, ибо она (*пока*) дала им власть, – то необходим был еще великий, могучий, всесильный „режиссер“, который, с одной стороны, в состоянии был ускорить в громадных размерах течение всемирной истории, а с другой – породить невиданной силы всемирные кризисы, экономические, политические, национальные и интернациональные. Кроме необыкновенного ускорения всемирной истории нужны были особо крутые повороты ее, чтобы на одном из таких поворотов телега залитой кровью и грязью романовской монархии могла опрокинуться *сразу*.

Этим всесильным „режиссером“, этим могучим ускорителем явилась всемирная империалистическая война.

Теперь уже бесспорно, что она — всемирная, ибо Соединенные Штаты и Китай наполовину втянуты уже в нее сегодня, будут вполне втянуты завтра.

Теперь уже бесспорно, что она империалистическая с *обеих* сторон. Только капиталисты и их прихвостни, социал-патриоты и социал-шовинисты, — или, говоря вместо общих критических определений знакомыми политическими именами в России, — только Гучковы и Львовы, Милюковы и Шингаревы, с одной стороны, только Гвоздевы, Потресовы, Чхенкели, Керенские и Чхеидзе, с другой, могут отрицать или затушевывать этот факт. Войну ведет *и* германская *и* англо-французская буржуазия из-за грабежа чужих стран, из-за удушения малых народов, из-за финансового господства над миром, из-за раздела и передела колоний, из-за спасения гибнущего капиталистического строя путем одурачения и разъединения рабочих разных стран.

Империалистическая война с объективной неизбежностью должна была чрезвычайно ускорить и невиданно обострить классовую борьбу пролетариата против буржуазии, должна была превратиться в гражданскую войну между враждебными классами.

Это *превращение начато* февральско-мартовской революцией 1917 года, первый этап которой показал нам, во-1-х, совместный удар царизму, нанесенный двумя силами: всей буржуазной и помещичьей Россией со всеми ее бессознательными прихвостнями и со всеми ее сознательными руководителями в лице англо-французских послов и капиталистов, с одной стороны, и *Советом рабочих депутатов*, начавшим привлекать к себе солдатских и крестьянских депутатов, с другой⁷.

Эти три политических лагеря, три основные политические силы: 1) царская монархия, глава крепостников-помещиков, глава старого чиновничества и генералитета; 2) буржуазная и помещичье-октябристско-кадетская Россия, за которой плелась мелкая буржуазия (главные представители ее Керенский и Чхеидзе); 3) Совет рабочих депутатов, ищущий себе союзников во всем пролетариате и во всей массе беднейшего населения, — эти три *основные* политические силы с полной ясностью обнаружили себя даже в 8 дней „первого этапа“, даже для такого отдаленного от событий, вынужденного ограничиться скудными телеграммами заграничных газет, наблюдателя, как пишущий эти строки.

Но прежде чем подробнее говорить об этом, я должен вернуться к той части своего письма, которая посвящена фактору первой силы — всемирной империалистической войне.

Война связала воюющие державы, воюющие группы капиталистов, „хозяев” капиталистического строя, рабовладельцев капиталистического рабства, *железными цепями* друг с другом. *Один кровавый комок* — вот что такое общественно-политическая жизнь переживаемого нами исторического момента.

Социалисты, перешедшие на сторону буржуазии в начале войны, все эти Давиды и Шейдеманы в Германии, Плехановы — Потресовы — Гвоздевы и К^о в России, кричали долго и во все горло против „иллюзий” революционеров, против „иллюзий” Базельского манифеста⁸, против „грезофарса” превращения империалистской войны в гражданскую. Они воспевали на все лады обнаруженную будто бы капитализмом силу, живучесть, приспособляемость, — *они*, помогавшие капиталистам „приспособлять”, приучать, одурачивать, разъединять рабочие классы разных стран.

Но „хорошо посмеется тот, кто будет смеяться последним”. Не надолго удалось буржуазии оттянуть революционный кризис, порожденный войной. Он растет с неудержимой силой во всех странах, начиная от Германии, которая переживает, по выражению одного недавно посетившего ее наблюдателя, „гениально организованный голод”, кончая Англией и Францией, где *голод* надвигается *тоже* и где организация гораздо менее „гениальна”.

Естественно, что в царской России, где дезорганизация была самая чудовищная и где пролетариат самый революционный (не благодаря особым его качествам, а благодаря живым традициям „пятого года”), — революционный кризис разразился *раньше всего*. Этот кризис был ускорен рядом самых тяжелых поражений, которые были нанесены России и ее союзникам. Поражения расшатали весь старый правительственный механизм и весь старый порядок, озлобили против него *все* классы населения, ожесточили армию, истребили в громадных размерах ее старый командующий состав, заскоруждоловорянского и особенно гнилого чиновничьего характера, заменили его молодым, свежим, преимущественно буржуазным, разночинским, мелкобуржуазным. Прямо лакействующие перед буржуазией или просто бесхарактерные люди, которые кричали и вопили против „пораженчества”, поставлены теперь перед фактом исторической связи поражения самой отсталой и самой варварской царской монархии и *начала* революционного пожара.

Но если поражения в начале войны играли роль отрицательного фактора, ускорившего взрыв, то *связь* англо-французского финансового капитала, англо-французского империа-

лизма с октябристско-кадетским капиталом России явилась фактором, ускорившим этот кризис путем прямо-таки *организации заговора* против Николая Романова.

Эту сторону дела, чрезвычайно важную, замалчивает по понятным причинам англо-французская пресса и злорадно подчеркивает немецкая. Мы, марксисты, должны трезво глядеть правде в глаза, не смущаясь ни ложью, казенной, слащаво-дипломатической ложью дипломатов и министров первой воюющей группы империалистов, ни подмигиванием и хихиканием их финансовых и военных конкурентов другой воюющей группы. Весь ход событий февральско-мартовской революции показывает ясно, что английское и французское посольства с их агентами и „связями”, давно делавшие самые отчаянные усилия, чтобы помешать „сепаратным” соглашениям и сепаратному миру Николая Второго (и будем надеяться и добиваться этого — последнего) с Вильгельмом II, непосредственно организовывали заговор вместе с октябристами и кадетами, вместе с частью генералитета и офицерского состава армии и петербургского гарнизона особенно для *смещения* Николая Романова.

Не будем делать иллюзий. Не будем впадать в ошибку тех, кто готов воспевать теперь, подобное некоторым „окистам” или „меньшевикам”⁹, колеблющимися между гвоздещиной-потресовщиной и интернационализмом, слишком часто сбивающимся на мелкобуржуазный пацифизм, — воспевать „соглашение” рабочей партии с кадетами, „поддержку” первую вторых и т. д. Эти люди в угоду своей старой заученной (и совсем не марксистской) доктрине набрасывают флер на заговор англо-французских империалистов с Гучковыми и Милюковыми с целью смещения „главного вояки” Николая Романова и замены его *вояками* более энергичными, свежими, более способными.

Если революция победила так скоро и так — по внешности, на первый поверхностный взгляд — радикально, то лишь потому, что в силу чрезвычайно оригинальной исторической ситуации *слились* вместе, и замечательно „дружно” слились, *совершенно различные потоки, совершенно разнородные* классовые интересы, *совершенно противоположные* политические и социальные стремления. Именно: заговор англо-французских империалистов, толкавших Милюкова и Гучкова с К^о к власти *в интересах продолжения империалистской войны*, в интересах еще более яркого и упорного ведения ее, в интересах *избиения новых миллионов* рабочих и крестьян России для получения Константинополя... Гучковыми, Сирии... французски-

ми, Месопотамии... английскими капиталистами и т. д. Это с одной стороны. А с другой стороны, глубокое пролетарское и массовое народное (все беднейшее население городов и деревень) движение революционного характера за *хлеб*, за *мир*, за *настоящую свободу*.

Было бы просто глупо говорить о „поддержке” революционным пролетариатом России кадетско-октябристского, английскими денежками „сметанного”, столь же омерзительного, как и царский, империализма. Революционные рабочие разрушали, разрушили уже в значительной степени и будут разрушать до основания гнусную царскую *монархию*, не восторгаясь и не смущаясь тем, что в известные короткие, исключительные по конъюнктуре исторические моменты *на помощь им* приходит борьба Бьюкенена, Гучкова, Милюкова и К^о за *смену* одного монарха *другим монархом* и тоже предпочтительно Романовым!

Так и только так было дело. Так и только так может смотреть политик, не боящийся правды, трезво взвешивающий соотношение общественных сил в революции, оценивающий всякий „текущий момент” не только с точки зрения всей его данной, сегодняшней, оригинальности, но и с точки зрения более глубоких пружин, более глубоких соотношений интересов пролетариата и буржуазии как в России, так и во всем мире.

Петерские рабочие, как и рабочие всей России, самоотверженно боролись против царской монархии, за свободу, за землю для крестьян, за *мир*, против империалистической бойни. Англо-французский империалистский капитал, в интересах продолжения и усиления этой бойни, ковал дворцовые интриги, устраивал заговор с гвардейскими офицерами, подстрекал и обнадеживал Гучковых и Милюковых, подстраивал *совсем готовое новое правительство*, которое и *захватило власть* после первых же ударов пролетарской борьбы, нанесенных царизму.

Это новое правительство, в котором октябристы¹⁰ и „мирнообновленцы”¹¹, вчерашние пособники Столыпина-Вешателя, Львов и Гучков, занимают *действительно важные* посты, боевые посты, решающие посты, армию, чиновничество, — это правительство, в котором Милюков и другие кадеты¹² сидят больше для украшения, для вывески, для сладеньких профессорских речей, а „трудовик” Керенский играет роль балалайки для обмана рабочих и крестьян, — это правительство не случайное собрание лиц.

Это — представители нового класса, поднявшегося к политической власти в России, класса капиталистических помещи-

ков и буржуазии, которая давно *правит* нашей страной экономически и которая как за время революции 1905—1907 годов, так и за время контрреволюции 1907—1914 годов, так наконец, — и притом с особенной быстротой, — за время войны 1914—1917 годов чрезвычайно быстро организовалась политически, забирая в свои руки и местное самоуправление, и народное образование, и съезды разных видов, и Думу, и военно-промышленные комитеты¹³ и т. д. Этот новый класс „почти совсем” был уже у власти к 1917 году; поэтому и достаточно было первых ударов царизму, чтобы он развалился, очистив место буржуазии. Империалистская война, требуя неимоверного напряжения сил, так ускорила ход развития отсталой России, что мы „сразу” (на деле *как будто бы сразу*) *догнали* Италию, Англию, почти Францию, получили „коалиционное”, „национальное” (т. е. приспособленное для ведения империалистической бойни и для надувания народа) „парламентское” правительство.

Рядом с этим правительством, — в сущности простым приказчиком миллиардных „фирм”: „Англия и Франция”, с точки зрения *данной* войны, — возникло главное, неофициальное, неразвитое еще, сравнительно слабое *рабочее правительство*, выражающее интересы пролетариата и всей беднейшей части городского и сельского населения. Это — *Совет рабочих депутатов* в Питере, ищущий связей с солдатами и крестьянами, а также с сельскохозяйственными рабочими и с ними конечно в особенности, в первую голову, больше чем с крестьянами.

Такое *действительное* политическое положение, которое мы прежде всего должны стараться установить с наибольшей возможной объективной точностью, чтобы основать марксистскую тактику на единственно прочном фундаменте, на котором она должна основываться, на фундаменте *фактов*.

Царская монархия разбита, но еще не добита.

Октябристско-кадетское буржуазное правительство, желающее вести „до конца” империалистическую войну, на деле приказчик финансовой фирмы „Англия и Франция”, *вынужденное обещать* народу максимум свобод и подачек, совместных с тем, чтобы это правительство сохранило свою власть над народом и возможность продолжать империалистскую бойню.

Совет рабочих депутатов, организация рабочих, зародыш рабочего правительства, представитель интересов всех *беднейших* масс населения, т. е. 9/10 населения, добывающий *мира, хлеба, свободы*.

Борьба этих трех сил определяет положение, создавшееся теперь и являющееся *переходом* от первого ко второму этапу революции.

Между первой и второй силой противоречие *не* глубокое, временное, вызванное *только* конъюнктурой момента, крутым поворотом событий в империалистской войне. *Все* новое правительство – монархисты, ибо *словесный* республиканизм Керенского просто не серьезен, не достоин политика, является, *объективно*, политиканством. Новое правительство не успело добить царской монархии, как уже *начало вступать в сделки* с династией помещиков Романовых. Буржуазии октябристско-кадетского типа *нужна* монархия, как глава бюрократии и армии для охраны привилегий капитала против трудящихся.

Кто говорит, что рабочие должны *поддерживать* новое правительство в интересах борьбы с реакцией царизма (а это говорят, по-видимому, Потресовы, Гвоздевы, Чхенкели, а также несмотря на всю *уклончивость*, и Чхеидзе), тот изменник рабочих, изменник делу пролетариата, делу мира и свободы. Ибо на деле *именно* это новое правительство *уже* связано по рукам и ногам империалистским капиталом, империалистской *военной*, грабительской политикой, *уже* начало сделки (не спросясь народа!) с династией, *уже работает над реставрацией царской монархии*, уже приглашает кандидата в новые царьки, Михаила Романова, уже заботится об укреплении его трона, о замене монархии легитимной (законной, держащейся по старому закону) монархией бонапартистской, плебисцитарной (держащейся подтасованным народным голосованием).

Нет, для действительной борьбы против царской монархии, для действительного обеспечения свободы, не на словах только, не в посулах краснобаев Милюкова и Керенского, *не* рабочие должны поддерживать новое правительство, а это правительство должно „поддержать” рабочих! Ибо единственная *гарантия* свободы и разрушения царизма до конца есть *вооружение пролетариата*, укрепление, расширение, развитие роли, значения, силы Совета рабочих депутатов.

Все остальное – фраза и ложь, самообман политиканов и либерального и радикального лагеря, мошенническая проделка.

Помогите вооружению рабочих или хоть не мешайте этому делу – и свобода в России будет непобедима, монархия невозстановима, республика обеспечена.

Иначе Гучковы и Милюковы восстановят монархию и не выполнят *ничего*, ровнохонько ничего из обещанных ими „свобод”. Обещаниями „кормили” народ и одурачивали рабочих все буржуазные политики во *всех* буржуазных революциях.

Наша революция буржуазная, – *поэтому* рабочие должны поддерживать буржуазию, – говорят Потресовы, Гвоздевы, Чхеидзе, как вчера говорил Плеханов.

Наша революция буржуазная, — говорим мы, марксисты, — *поэтому* рабочие должны раскрывать глаза народу на обман буржуазных политиканов, учить его не верить словам, полагаться только на *свои* силы, на *свою* организацию, на *свое* объединение, на *свое* вооружение.

Правительство октябристов и кадетов, Гучковых и Милюковых, *не может*, — даже если бы оно искренне хотело это (об искренности Гучкова и Львова могут думать лишь младенцы), — *не может* дать народу *ни мира, ни хлеба, ни свободы*.

Мира — потому, что оно есть правительство войны, правительство продолжения империалистской бойни, правительство *грабежа*, желающее грабить Армению, Галицию, Турцию, отнимать Константинополь, снова завоевать Польшу, Курляндию, Литовский край и т. д. Это правительство связано по рукам и ногам англо-французским империалистским капиталом. Русский капитал есть отделение всемирной „фирмы“, воруящей *сотнями миллиардов* рублей и носящей название „Англия и Франция“.

Хлеба — потому, что это правительство буржуазное. В *лучшем* случае оно даст народу, как дала Германия, „гениально организованный голод“. Но народ не пожелает терпеть голод. Народ узнает, и, вероятно, скоро узнает, что хлеб *есть* и может быть получен, но не иначе, как путем мер, *не преклоняющихся перед святостью капитала и землевладения*.

Свободы — потому, что это правительство помещичье-капиталистическое, *боящееся* народа и уже начавшее сделки с романовской династией.

О тактических задачах нашего ближайшего поведения по отношению к этому правительству мы поговорим в другой статье. Там мы покажем, в чем своеобразие текущего момента — *перехода* от первого к второму этапу революции, почему лозунгом, „задачей дня“ в *этот* момент должно быть: *рабочие, вы проявили чудеса пролетарского, народного героизма в гражданской войне против царизма, вы должны проявить чудеса пролетарской и общенародной организации, чтобы подготовить свою победу во втором этапе революции*.

Ограничиваясь *теперь* анализом классово-борьбы и соотношения классовых сил на данном этапе революции, мы должны еще поставить вопрос: каковы *союзники* пролетариата в *данной* революции?

У него *два* союзника: во-1-х, широкая, много десятков миллионов насчитывающая, громадное большинство населения составляющая масса полупролетарского и частью мелкокрестьянского населения в России. Этой массе *необходим* мир,

хлеб, свобода, земля. Эта масса неизбежно будет находиться под известным влиянием буржуазии и особенно мелкой буржуазии, к которой она всего ближе подходит по своим жизненным условиям, колеблясь между буржуазией и пролетариатом. Жестокие уроки войны, которые будут *тем более* жестокими, чем энергичнее поведут войну Гучков, Львов, Милюков и К°, *неизбежно* будут толкать эту массу к пролетариату, вынуждая ее идти за ним. Эту массу мы должны теперь, пользуясь относительной свободой нового порядка и Советами рабочих депутатов, стараться *просветить* и *организовать* прежде всего и больше всего. Советы крестьянских депутатов, Советы сельскохозяйственных рабочих — вот одна из серьезнейших задач. Наши стремления будут состоять при этом не только в том, чтобы сельскохозяйственные рабочие выделили свои особые Советы, но и чтобы неимущие и беднейшие крестьяне организовались *отдельно* от зажиточных крестьян. Об особых задачах и особых формах насущно-необходимой теперь организации в следующем письме.

Во-2-х, союзник русского пролетариата есть пролетариат всех воюющих и всех вообще стран. Он в значительной степени придавлен войной сейчас, и от имени его слишком часто говорят перешедшие в Европе, как Плеханов, Гвоздев, Потресов в России, на сторону буржуазии социал-шовинисты. Но освобождение пролетариата из-под их влияния шло вперед с каждым месяцем империалистической войны, а русская революция *неизбежно* ускорит этот процесс в громадных размерах.

С этими двумя союзниками пролетариат может пойти и пойдет, *используя особенности* теперешнего переходного момента, к завоеванию сначала демократической республики и полной победы крестьян над помещиками вместо гучковско-милюковской полумонархии, а затем к *социализму*, который один даст измученным войной народам *мир, хлеб и свободу*.

Н. Ленин

Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 31. — С. 11–22

ТОВАРИЩАМ, ТОМЯЩИМСЯ В ПЛЕНУ

Товарищи! В России произошла революция.

Рабочие Петрограда и Москвы снова выступили застрельщиками великого освободительного движения. Они объявили политическую забастовку. Они вышли на улицу с красными знаменами. Они дрались, как львы, с царской полицией, жандармерией и той небольшой частью войск, которая не сразу перешла на сторону народа. Убитых и раненых в одном Петрограде насчитывают более 2000 человек. Своею кровью русские рабочие купили свободу нашей стране.

Требования рабочих были: *хлеба, свободы, мира.*

Хлеба — потому что народ в России голодает, как и во всех почти странах, участвующих в нынешней грабительской войне.

Свободы — потому что царское правительство, пользуясь войной, окончательно превратило всю Россию в одну сплошную тюрьму.

Мира — потому что рабочие России, как и более сознательные рабочие других стран, не хотят больше умирать за интересы кучки богачей, не хотят более вести преступную войну, начатую коронованными и некоронованными разбойниками.

Большинство солдат петербургского и московского гарнизонов перешли на сторону восставших рабочих. Рабочие и крестьяне в солдатских мундирах братски подали руку рабочим и крестьянам без мундиров. Лучшая часть офицерства примкнула к революции. Офицеров, пожелавших идти против народа, солдаты расстреляли.

Революцию сделали рабочие и солдаты. Но власть, как это бывало и в других революциях, на первых порах захватила буржуазия. Государственная дума, в которой огромное большинство принадлежит помещикам и капиталистам, всеми силами старалась помириться с царем Николаем II. Еще в последнюю минуту, когда на улицах Петрограда уже кипела гражданская война, Государственная дума посылала царю телеграмму за телеграммой, умоляя его пойти на маленькие уступки и тем сохранить свою корону. Не Государственная дума — Дума помещиков и богачей, — а *восставшие рабочие и солдаты низвергли царя.* Но новое Временное правительство назначено Государственной думой.

Это Временное правительство состоит из представителей либеральных капиталистов и крупных земельных собственников. Главные посты в нем принадлежат: князю Львову (крупный помещик и умереннейший либерал), А. Гучкову (соратник Столыпина, в свое время одобрявший военные суды против революционеров), Терещенко (крупнейший сахарозаводчик-миллионер), Милюкову (всегда защищал и защищает теперь

грабительскую войну, в которую нашу страну втравили царь Николай с его шайкой). „Демократ“ Керенский приглашен в новое правительство только для того, чтобы создать видимость „народного“ правительства, чтобы иметь „демократического“ красную, который говорил бы народу громкие, но пустые *слова*, в то время, как Гучковы и Львовы будут делать антинародное *дело*.

Новое правительство хочет продолжения разбойничьей войны. Оно является приказчиком русских, английских и французских капиталистов, которые — как немецкие капиталисты — хотят непременно „додраться“ и выторговать себе лучшие куски добычи. Оно не хочет и не может дать России мира.

Новое правительство не хочет отнять у помещиков их земли в пользу народа, оно не хочет возложить тягот войны на богачей. Оно не может поэтому дать народу хлеба. Рабочие и бедное население вообще вынуждены по-прежнему голодать.

Новое правительство состоит из капиталистов и помещиков. Оно не хочет дать России полной свободы. Под давлением восставших рабочих и солдат оно обещало созвать Учредительное собрание, которое решило бы, как устроить Россию. Но оно оттягивает назначение выборов в Учредительное собрание, желая выиграть время и потом обмануть народ, как это не раз в истории делали подобные правительства. Оно не хочет создания в России демократической республики. Оно хочет только вместо плохого царя Николая II посадить на престол якобы „хорошего“ царя Михаила. Оно хочет, чтобы власть в России имел не сам народ, а новый царь вместе с буржуазией.

Таково новое правительство.

Но в Петрограде рядом с этим правительством постепенно организуется другое правительство. Рабочие и солдаты образовали Совет рабочих и солдатских депутатов. Каждая тысяча рабочих или солдат выбирает одного депутата. Этот Совет заседает теперь в Таврическом дворце в числе более чем 1000 уполномоченных. И он является действительно народным правительством.

Совет этот может на первых порах сделать те или иные ошибки. Но он неминуемо приходит к тому, что требует громко и властно: мира, хлеба, демократической республики.

Совет рабочих и солдатских депутатов добивается немедленного *созыва* Учредительного собрания, участия солдат в выборах и в решении вопроса войны или мира. Совет добивается передачи царских и помещичьих земель в руки крестьянства. Совет добивается республики и не хочет и слышать о на-

значении нового „доброего“ царя. Совет требует права всеобщего и равного голосования для всех мужчин и для всех женщин. Совет добивается ареста царя и царицы. Совет хочет создать наблюдательный комитет, который проверял бы каждый шаг нового правительства и который на деле сам стал бы правительством. Совет добивается союза с рабочими всех других стран, чтобы дружно ударить против капиталистов. Рабочие-революционеры в большом количестве отправились на фронт, чтобы, пользуясь свободой, сговориться с солдатами, как действовать сообща, как кончить войну, как обеспечить права народа, как укрепить свободу в России. В Петрограде вновь выходит социал-демократическая газета „Правда“³⁹, которая помогает рабочим выполнить все эти великие задачи.

Таково положение вещей сейчас, товарищи.

Вы, томящиеся в плену, не можете остаться безучастны. Вы должны быть готовы к тому, что и на вашу долю, быть может, уже скоро выпадет важная задача.

Враги российской свободы иногда рассчитывают на вас. Они говорят: в плену находится около 2 миллионов солдат; если они, вернувшись на родину, перейдут на сторону царя, мы можем еще опять посадить на трон Николая или его „возлюбленного“ брата. В истории бывало и так, что вчерашний неприятель, помирившись с низвергнутым царем, отдает ему его пленных солдат, чтобы они помогли ему бороться против собственного народа...⁴⁰

Товарищи! всюду, где у вас есть к тому возможность, обсуждайте великие события, происходящие на нашей родине. Заявите громко, что вы, вместе со всей лучшей частью русских солдат, не хотите царя, что вы требуете свободной республики, безвозмездной передачи помещичьих земель крестьянам, 8-часового рабочего дня, немедленного созыва Учредительного собрания. Заявите, что вы стоите на стороне Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, что, вернувшись в Россию, вы встанете не за царя, а против царя, не за помещиков и богачей, а против них.

Всюду, где есть к тому возможность, организуйтесь, постановляйте приговоры в этом смысле, разъясняйте отсталым товарищам, какое великое событие произошло в нашей стране.

Достаточно горя натерпелись вы до войны и во время войны и в плену. Теперь мы идем навстречу лучшим дням. Заря свободы занялась.

Вернитесь в Россию, как армия революции, как армия народа, а не как армия царя. И в 1905 году пленные, вернувшиеся из Японии, стали лучшими борцами за свободу.

Вернувшись на родину, вы рассыплетесь по всей стране. Несите же в каждый отдельный уголок, в каждую русскую деревню, пострадавшую от голода, поборов и поруганий, — весть о свободе. Просвещайте братьев-крестьян: изгоняйте тьму из деревни, зовите крестьянскую бедноту поддержать городских и сельских рабочих в их славной борьбе.

Завоевавши республику, рабочие России соединятся с рабочими всех других стран и смело поведут все человечество к *социализму*, к такому порядку, когда не будет ни богатых, ни бедных, когда кучка богачей не сможет миллионы людей превращать в своих наемных рабов.

Товарищи! Как только нам удастся, мы поспешим уехать в Россию, чтобы там присоединиться к борьбе наших братьев рабочих и солдат. Но и там мы не забудем о вас. Мы постараемся присылать вам из свободной России книги, газеты и вести о том, что происходит в нашей стране. Мы потребуем, чтобы вам посылались деньги и хлеб в достаточном количестве. И мы скажем восставшим рабочим и солдатам: на ваших братьев, томящихся сейчас в плену, вы можете положиться. Они сыны народа, и они пойдут вместе с нами в бой за свободу, в бой за республику, против царя.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 31. — С. 60—66

О ЗАДАЧАХ РСДРП В РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

АВТОРЕФЕРАТ

Реферат Ленина, продолжавшийся 2^{1/2} часа, состоял из двух частей. В первой части Ленин дал очерк тех исторических условий, которые могли и должны были породить такое „чудо“, как падение царской монархии в 8 дней. Главное место среди этих условий занимает „великий мятеж“ 1905—1907 годов, столь поносимый теперешними господами положения, Гучковыми и Милюковыми, которые в восторге от „славной революции“ 1917 года. Но если бы действительно глубокая революция 1905 года не „взрыла почвы“, не показала другу другу в действии все классы и партии, не обнажила царской шайки во всей ее дикости и зверстве, то быстрая победа 1917 г. не была бы возможна.

Совершенно исключительное сочетание условий позволило в 1917 г. объединить удары против царизма, направляемые самыми разнородными общественными силами. Во-1-х, англо-французский финансовый капитал, больше всего господствующий над всем миром и грабящий весь мир, в 1905 г. был против революции и помог царизму (заем 1906 года) задушить ее. Теперь он участвовал непосредственно в революции самым активным образом, организуя прямой заговор гг. Гучковых, Милюковых, части верхнего командного состава армии для смещения Николая II или принуждения его пойти на уступки. С точки зрения мировой политики и всемирного финансового капитала, правительство Гучкова – Милюкова просто приказчики банковской фирмы: „Англия и Франция”, орудия продолжения империалистской бойни народов. Во-2-х, поражения царской монархии смели старой командный состав армии и заменили его новым, молодым, буржуазным. В-3-х, вся русская буржуазия, которая усиленно организовалась с 1905 по 1914 г. и еще быстрее с 1914 по 1917, объединилась с помещиками в борьбе против сгнившей царской монархии, желая обогатиться грабежом Армении, Константинополя, Галиции и пр. В-4-х, к этим силам *империалистского* характера прибавилось глубокое и могучее пролетарское движение. Пролетариат делал революцию, требуя *мира, хлеба и свободы*, не имея ничего общего с империалистской буржуазией, и он повел за собой *большинство* армии, состоящее из рабочих и крестьян. Превращение империалистской войны в войну гражданскую *началось*.

Отсюда основное противоречие данной революции, делающее из нее лишь *первый* этап первой революции, рожденной войною. Гучковско-милюковское, помещичье и капиталистическое правительство не может дать народу ни мира, ни хлеба, ни свободы. Это – правительство продолжения разбойничьей войны, объявившее прямо, что оно верно международным договорам царизма, а договоры эти – сплошь грабительские. Это правительство сможет в лучшем для него случае *оттянуть* кризис, но избавить страну от голода *не* сможет. Оно не может дать и свободы, как бы много „обещаний” (обещания дешевы) оно ни давало, ибо оно связано интересами помещичьего землевладения и капитала, оно сразу начало *сделки* с династией для восстановления монархии.

Всего глупее поэтому тактика „поддержки” нового правительства в интересах будто бы „борьбы с реакцией”. Для такой борьбы нужно *вооружение пролетариата* – единственная серьезная, реальная гарантия и против царизма и против стремления Гучковых и Милюковых восстановить монархию.

Прав поэтому депутат Скобелев, сказавший, что Россия „накануне второй, настоящей (wirklich), революции”.

И народная организация для этой революции есть и растет. Это – Совет рабочих и солдатских депутатов, который недаром поносят агенты англо-французского капитала, корреспонденты „Times” и „Le Temps”.

Изучая имеющиеся в газетах сведения о Совете рабочих депутатов, Ленин пришел к выводу, что в нем есть три течения. Первое – ближе всего к социал-патриотам. Оно выражает доверие Керенскому, герою фразы, пешке в руках Гучкова и Милюкова, худшему представителю „луиблановщины”⁴², который кормит рабочих пустыми обещаниями, говорит звонкие фразы в духе европейских социал-патриотов и социал-пацифистов à la Каутский и К°, а на деле „примиряет” рабочих с продолжением разбойничьей войны. Устами Керенского империалистская буржуазия России говорит рабочим: мы дадим тебе республику, 8-часовой рабочий день (он уже введен в Петербурге), обещаем свободы – все ради того, чтобы ты помог нам ограбить Турцию, Австрию, отнять у немецкого империализма *его* добычу, удержать добычу англо-французского империализма.

Второе направление – ЦК нашей Российской социал-демократической рабочей партии. В газетах напечатано извлечение (Auszug) из „Манифеста” нашего Центрального Комитета. Манифест вышел в СПб 18/III. Он провозглашает требования демократической республики, 8-часового рабочего дня, конфискации помещичьих земель в пользу крестьян, конфискации хлебных запасов, немедленного начала переговоров о мире *не* правительством Гучкова и Милюкова, а Советом рабочих и солдатских депутатов. Этот Совет, для Манифеста, *есть* настоящее революционное правительство. (Ленин добавил, что и корреспондент „Times” говорит о *двух* правительствах в России.) Переговоры о немедленном мире должны вестись *не* с буржуазными правительствами, а с *пролетариями* всех воюющих стран. Манифест зовет всех рабочих, крестьян и солдат выбирать делегатов в Совет рабочих депутатов.

Такова единственная действительно социалистическая, действительно революционная тактика.

Третье направление – Чхеидзе и его друзей. Они *колеблются*, что явно отражается в отзывах „Times” и „Le Temps”, то хвалящих, то бранящих Чхеидзе. Когда Чхеидзе отказался войти во 2-ое Временное правительство, когда он объявил войну империалистской с *обеих* сторон и т. п., он вел пролетарскую политику. Когда Чхеидзе входил в 1-ое Временное правитель-

ство („Думский комитет”), когда он в § 3 своего воззвания требовал „ausreichende” Teilnahme der Vertreter der russischen Arbeiterschaft an der Regierung” (участие интернационалистов в правительстве империалистской войны!!), когда он (и Скобелев) это *империалистское* правительство звал к началу переговоров о мире (вместо разъяснения рабочим той истины, что *буржуазия* связана по рукам и ногам интересами финансового капитала, не могущего избавиться от империализма), когда друзья Чхеидзе, Туляков и Скобелев, по поручению правительства Гучкова и Милюкова ездят „успокаивать” солдат, восстающих против либеральных генералов (убийство Непенина (Admiral Nepenin), *оплакиваемое* даже немецкими империалистами!!) – тогда Чхеидзе и его друзья впадают в худшую „лублиновщину”, вводят политику *буржуазии*, вредят делу революции.

Ленин напал также на социал-пацифистское воззвание Горького и выразил сожаление, что великий художник берет-ся за политику, повторяя предрассудки мелкой буржуазии.

Во 2-ой части Ленин поставил своей задачей показать, какова должна быть тактика пролетариата. Он обрисовал своеобразные исторической ситуации *данного* момента, как момента *перехода* от первого этапа революции ко второму, от восстания против царизма к восстанию против буржуазии, против империалистской войны или к Конвенту, коим может сделаться Учредительное собрание, *если* правительство исполнит свое „обещание” созвать его.

Специальная задача момента, соответствующая этому *переходному* состоянию, есть *организация пролетариата*. Но не шаблонная организация, которой довольствуются изменники социализма, социал-патриоты и оппортунисты всех стран, а также каутскианцы, а *революционная организация*. Эта организация должна быть, во-1-х, всенародной; во-2-х, соединять *военные и государственные* функции.

Оппортунисты, господствовавшие во II Интернационале, исказили учение Маркса и Энгельса о государстве революционного периода. Каутский в своей полемике с Паннекумом (1912) тоже покинул точку зрения Маркса⁴³. Маркс учил, участь из опыта Коммуны 1871 г., что рабочий класс „die Arbeiterklasse nicht die fertige Staatsmaschine einfach in Besitz nehmen und sie für ihre eigene Zwecke in Bewegung setzen kann”. Das Proletariat sool (muß?) diese Maschine (Armee, Polizie, Bureaukratie) *zerbrechen*⁴⁴. Das ist, was die Opportunisten (Sozialpatrioten) und Kautskianer (Sozialpazifisten) entweder bestreiten oder vertuschen. Das ist die *wichtigste* praktische Lehre der Pariser und der russischen Revolution von 1905.

Wir unterscheiden uns von den Anarchisten dadurch, daß wir die Notwendigkeit des *Staates* für die revolutionäre Umwälzung anerkennen. Wir unterscheiden uns aber von den Opportunisten und Kautskianern dadurch, daß wir sagen: wir brauchen nicht die „fertige“ Staatsmaschinerie, wie sie in den demokratischsten bürgerlichen Republiken existiert, sondern *unmittelbare Macht bewaffneter und organisierter Arbeiter*. Das ist der Staat, den wir brauchen. Das sind, ihrem Wesen nach, die Commune von 1871, und die *Arbeiterdelegiertenräte* von 1905 und 1917. Auf diesem Fundament müssen wir weiter bauen*. *Ne darf* восстановить полицию! Создать из народной милиции действительно *всенародную*, руководимую пролетариатом, *милицию*, „наше государство“, с тем, чтобы капиталисты платили рабочим за дни, посвящаемые службе в милиции. *Дополнить* „чудеса пролетарского героизма“, которые пролетариат проявил *вчера* в борьбе с царизмом и проявит *завтра* в борьбе с Гучковыми – Милюковыми, „чудесами пролетарской организованности“. Вот лозунг момента! Вот залог успеха!

На этот путь толкают рабочих *объективные условия*: голод, необходимость распределять хлеб, неизбежность „Zivildienstpflicht“**, необходимость добиться мира. Наши условия мира – говорил Ленин – такие: 1) Совет рабочих депутатов, как революционное правительство, заявил бы тотчас, что *никакими* договорами ни царизма ни буржуазии он *не связан*; 2) он опубликовал бы тотчас эти подлые, грабительские договоры; 3) он открыто предложил бы *всем* воюющим перемирие тотчас; 4) он предложил бы мир на условии освобождения *всех* колоний и *всех* неполноправных народов; 5) он заявил бы,

* „Рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и заставить ее служить его собственным целям“. Пролетариат должен *разбить* эту машину (армию, полицию, бюрократию). Это – то, что оппортунисты (социал-патриоты) и kautskianцы (социал-пацифисты) или оспаривают или затушевывают. Это *важнейший* практический урок Парижской Коммуны и русской революции 1905 года.

Мы отличаемся от анархистов тем, что признаем необходимость *государства* для совершения революционного переворота. Но мы отличаемся от оппортунистов и kautskianцев тем, что говорим: нам требуется не „готовая“ государственная машина, как она существует в самых демократических буржуазных республиках, а *непосредственная власть вооруженных и организованных рабочих*. Это то государство, какое *нам* требуется. Таким государством по существу была Коммуна 1871 г. и *Советы рабочих депутатов* 1905 и 1917 годов. На этом фундаменте мы должны строить дальше. – *Ред.*

** „Обязанности гражданской службы“. – *Ред.*

что не доверяет буржуазным правительствам и зовет рабочих всех стран свергнуть их; б) он заявил бы, что долги на войну заключала буржуазия и пусть *капиталисты* платят их.

Вот та политика, которая привлекла бы на сторону Совета рабочих депутатов большинство и рабочих и беднейших крестьян. Конфискация помещичьих земель была бы обеспечена. *Это не был бы еще социализм.* Это была бы победа рабочих и беднейших крестьян, обеспечивающая мир, свободу, хлеб. За *такие* условия мира и мы согласны вести *революционную* войну! Ленин напомнил, что в „Социал-Демократе” № 47 (от 13.X.1915) было уже заявлено, что от революционной войны такого рода *не зарекается* социал-демократия*. Помощь социалистического пролетариата всех стран была бы обеспечена. Подлые призывы социал-патриотов (вроде позорного письма Геда: „Сначала победа, потом республика”) разлетались бы, как дым.

Да здравствует русская революция! — закончил референт. — Да здравствует *начавшаяся* всемирная рабочая революция!

Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 31. — С. 72–78

**РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РАБОЧАЯ ПАРТИЯ
(ОБЪЕДИНЕННАЯ ЦЕНТРАЛЬНЫМ КОМИТЕТОМ)**

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРОЩАЛЬНОЕ ПИСЬМО К ШВЕЙЦАРСКИМ РАБОЧИМ

Товарищи швейцарские рабочие!

Уезжая из Швейцарии в Россию для продолжения революционно-интернационалистической работы на нашей родине, мы, члены Российской социал-демократической рабочей партии, объединенной Центральным Комитетом (в отличие от *другой* партии, носящей *то же самое* название, но объединенной Организационным комитетом), шлем вам товарищеский привет и выражение глубокой товарищеской признательности за товарищеское отношение к эмигрантам.

Если *открытые* социал-патриоты и оппортунисты, швей-

* См. Соч., 5 изд., том 27, стр. 50–51. — Ред.

царские „грюнлианцы”, перешедшие, как социал-патриоты всех стран, из лагеря пролетариата в лагерь буржуазии, если эти люди *открыто* приглашали вас бороться против вредного влияния иностранцев на швейцарское рабочее движение, — если *прикрытые* социал-патриоты и оппортунисты, составляющие большинство среди вождей швейцарской социалистической партии, вели в *прикрытой* форме такую же политику, — то мы должны заявить, что со стороны революционных социалистических рабочих Швейцарии, стоящих на интернационалистской точке зрения, мы встречали горячее сочувствие и извлекли для себя много пользы из товарищеского общения с ними.

Мы были всегда особенно осторожны, выступая по тем вопросам швейцарского движения, для ознакомления с которыми нужна долгая работа в местном движении. Но те из нас, которые, в числе едва ли большем, чем 10—15 человек, были членами швейцарской социалистической партии, считали своим долгом по общим и коренным вопросам международного социалистического движения решительно отстаивать нашу точку зрения, точку зрения „Диммервальдской левой”, решительно бороться не только против социал-патриотизма, но и против направления так называемого „центра”, к которому принадлежат Р. Гримм, Ф. Шнейдер, Жак Шмид и др. в Швейцарии, Каутский, Гаазе, „Arbeitsgemeinschaft” в Германии, Лонге, Прессман и др. во Франции, Сноуден, Рамсей Макдональд и др. в Англии, Турати, Тревес и их друзья в Италии, названная выше партия „Организационного комитета” (Аксельрод, Мартов, Чхеидзе, Скобелев и др.) в России.

Мы работали солидарно с теми революционными социал-демократами Швейцарии, которые группировались отчасти вокруг журнала „Freie Jugend”, — которые составляли и распространяли мотивы референдума (на немецком и французском языке) с требованием созыва на апрель 1917 г. съезда партии для разрешения вопроса об отношении к войне, — которые вносили на цюрихском кантональном съезде в резолюцию молодых и „левых” по военному вопросу, — которые издали и распространили в некоторых местностях французской Швейцарии в марте 1917 г. листок на французском и немецком языках „Наши условия мира” и т. д.

Мы посылаем братский привет этим товарищам, с которыми мы работали рука об руку, как единомышленники.

Для нас не подлежало и не подлежит ни малейшему сомнению, что империалистское правительство Англии ни за что не пропустит в Россию русских интернационалистов, непримиримых противников империалистского правительства Гучко-

ва — Милюкова и К°, непримиримых противников продолжения Россией *империалистской* войны.

В связи с этим мы должны остановиться вкратце на нашем понимании задач русской революции. Мы тем более считаем необходимым сделать это, что через посредство швейцарских рабочих мы можем и должны обратиться к рабочим немецким, французским и итальянским, говорящим на тех же языках, на которых говорит население Швейцарии, пользующееся до сих пор благами мира и сравнительно наибольшей политической свободы.

Мы остаемся безусловно верны тому заявлению, которое мы сделали в Центральном Органе нашей партии, в газете „Социал-Демократ“, издававшейся в Женеве, в № 47 от 13 октября 1915 года. Мы сказали там, что если в России победит революция и у власти окажется *республиканское* правительство, желающее продолжать *империалистскую* войну, войну в союзе с империалистской буржуазией Англии и Франции, войну ради завоевания Константинополя, Армении, Галиции и т. д. и т. п., то мы будем решительными противниками такого правительства, мы будем *против* „защиты отечества“ в *такой* войне*.

Приблизительно такой случай наступил. Новое правительство России, которое вело переговоры с братом Николая II о восстановлении монархии в России и в котором главнейшие, решающие посты принадлежат *монархистам* Львову и Гучкову, это правительство пытается обмануть русских рабочих посредством лозунга „немцы должны свергнуть Вильгельма“ (правильно! но отчего бы не добавить: англичане, итальянцы и пр. своих королей, а русские своих монархистов, Львова и Гучкова??). Это правительство пытается посредством такого лозунга и *не* публикуя тех империалистских, грабительских договоров, которые царизм заключил с Францией, Англией и пр. и *которые подтверждены правительством Гучкова — Милюкова — Керенского*, — выдавать за „оборонительную“ (т. е. справедливую, законную даже с точки зрения пролетариата) свою *империалистскую* войну с Германией, — выдать за „защиту“ русской республики (которой в России *еще* нет и которую Львовы и Гучковы даже и *не пообещали* еще учредить!), защиту хищнических, империалистских, грабительских целей капитала русского, английского и проч.

Если правду говорят последние телеграфные сообщения, указывающие на то, что между открытыми русскими социал-патриотами (вроде гг. Плеханова, Засулич, Потресова и т. д.)

* См. Соч., 5 изд., том 27, стр. 50. — *Ред.*

и партией „дентра“, партией „Организационного комитета“, партией Чхеидзе, Скобелева и пр. произошло нечто вроде сближения на почве лозунга: „пока немцы не свергнут Вильгельма, наша война является оборонительной“, — если это правда, то мы с удвоенной энергией поведем борьбу против партии Чхеидзе, Скобелева и др., борьбу, которую мы *и раньше* всегда вели с этой партией за ее оппортунистическое, колеблющееся, шаткое политическое поведение.

Наш лозунг: никакой поддержки правительству Гучкова — Милюкова! Обманывает народ тот, кто говорит, что такая поддержка необходима для борьбы против восстановления царизма. Напротив, именно гучковское правительство *вело уже* переговоры о восстановлении монархии в России. *Только* вооружение и организация пролетариата способны *помешать* Гучковым и К^о *восстановить* монархию в России. Только остающийся верным интернационализму революционный пролетариат России *и всей Европы* способен избавить человечество от ужасов империалистской войны!

Мы не закрываем себе глаз на громадные трудности, стоящие перед революционно-интернационалистским авангардом пролетариата России. В такое время, как переживаемое нами, возможны сами крутые и быстрые перемены. В номере 47 „Социал-Демократа“ мы ответили прямо и ясно на естественно возникающий вопрос: что сделала бы наша партия, если бы революция поставила ее у власти *тотчас*? Мы ответили: (1) мы немедленно предложили бы мир *всем* воюющим народам; (2) мы огласили бы наши условия мира, состоящие в немедленном освобождении *всех* колоний и *всех* угнетенных или неполноправных народов; (3) мы немедленно начали и довели бы до конца освобождение народов, угнетенных великороссами; (4) мы ни на минуту не обманываемся, что такие условия были бы *неприемлемы* не только для монархической, но и для республиканской буржуазии Германии, и *не* только для Германии, но и для капиталистических правительств Англии и Франции.

Нам пришлось бы вести революционную войну против немецкой и не одной только немецкой буржуазии. *Мы повели бы ее*. Мы не пацифисты. Мы противники империалистских войн из-за раздела добычи между капиталистами, но мы всегда объявляли нелепостью, если бы революционный пролетариат зарекался от революционных войн, которые *могут* оказаться необходимыми *в интересах социализма*.

Задача, которую мы обрисовали в № 47 „Социал-Демократа“, гигантски велика. Она может быть решена только в

длинном ряде великих классовых битв между пролетариатом и буржуазией. Но не наше нетерпение, не наши желания, а *объективные условия*, созданные империалистской войной, завели *все* человечество в тупик, поставили его перед дилеммой: или дать погибнуть еще миллионам людей и разрушить до конца всю европейскую культуру или передать власть во *всех* цивилизованных странах в руки революционного пролетариата, осуществить социалистический переворот.

Русскому пролетариату выпала на долю великая честь *начать* ряд революций, с объективной неизбежностью порождаемых империалистской войной. Но нам абсолютно чужда мысль считать русский пролетариат избранным революционным пролетариатом среди рабочих других стран. Мы прекрасно знаем что пролетариат России *менее* организован, подготовлен и сознателен, чем рабочие других стран. Не особые качества, а лишь особенно сложившиеся исторические условия сделали пролетариат России *на известное, может быть очень короткое, время* застрельщиком революционного пролетариата всего мира.

Россия — крестьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран. *Непосредственно* в ней *не может* победить *тотчас* социализм. Но крестьянский характер страны, при громадном сохранившемся земельном фонде дворян-помещиков, на основе опыта 1905 года, *может* придать громадный размах буржуазно-демократической революции в России и сделать на нашей революции *пролог* всемирной социалистической революции, *ступеньку* к ней.

В борьбе за эти идеи, всецело подтвержденные и опытом 1905 года и весной 1917 г., сложилась наша партия, непримиримо выступая против всех остальных партий, и за эти идеи будем мы бороться и впредь.

В России не может непосредственно и немедленно победить социализм. Но крестьянская масса *может* довести неизбежный и назревший аграрный переворот до *конфискации* всего необъятного помещичьего землевладения. Этот лозунг выставляли мы всегда, и его выставили теперь в Петербурге и Центральный Комитет нашей партии и газета нашей партии „*Правда*“. За *этот* лозунг будет бороться пролетариат, нисколько не закрывая себе глаз на неизбежность ожесточенных классовых столкновений между сельскохозяйственными наемными рабочими с примыкающими к ним беднейшими крестьянами и *зажиточными крестьянами*, которых усилила столыпинская (1907–1914) аграрная „реформа“. Нельзя забывать, что 104 крестьянских депутата и в первой (1906) и во второй (1907) Думе выдвинули революционный аграрный проект,

требующий национализации всех земель и распоряжения ими через местные комитеты, выбранные на основе полного демократизма.

Подобный переворот сам по себе не был бы еще отнюдь социалистическим. Но он дал бы громадный толчок всемирному рабочему движению. Он чрезвычайно укрепил бы позиции социалистического пролетариата в России и его влияние на сельскохозяйственных рабочих и на беднейших крестьян. Он дал бы возможность городскому пролетариату, опираясь на это влияние, развить такие революционные организации, как „Советы рабочих депутатов”, заменить ими старые орудия угнетения буржуазных государств, армию, полицию, чиновничество, провести — под давлением невыносимотяжелой империалистской войны и ее последствий — ряд революционных мер для *контроля* за производством и распределением продуктов.

Русский пролетариат не может одними своими силами победоносно *завершить* социалистической революции. Но он может придать русской революции такой размах, который создаст наилучшие условия для нее, который в известном смысле *начнет* ее. Он может облегчить обстановку для вступления в решительные битвы своего *главного*, самого верного, самого надежного сотрудника, *европейского* и *американского социалистического* пролетариата.

Пусть маловеры предаются отчаянию по поводу временной победы в европейском социализме таких отвратительных лакеев империалистской буржуазии, как Шейдеманы, Легины, и К^о в Германии, Самба, Гед, Рендель и К^о во Франции, фабианцы и „лабуристы” в Англии. Мы твердо убеждены, что эту *грязную пену* на всемирном рабочем движении сметут быстро волны революции.

В Германии уже *кипит* настроение пролетарской массы, которая так много дала человечеству и социализму своей упорной, настойчивой, выдержанной организационной работой в течение долгих десятилетий европейского „затишья” 1871—1914 годов. Будущее германского социализма представляют не изменники Шейдеманы, Легины, Давиды и К^о и не такие колеблющиеся, бесхарактерные, придавленные рутиной „мирного” периода политики, как гг. Гаазе, Каутский и им подобные.

Это будущее принадлежит тому направлению, которое дало Карла Либкнехта, которое создало „группу Спартакуса”, которое вело пропаганду в бремской „Arbeiterpolitik”.

Объективные условия империалистской войны служат порукой в том, что революция не ограничится *первым этапом* русской революции, что революция *не* ограничится Россией.

Немецкий пролетариат есть вернейший, надежнейший союзник русской и всемирной пролетарской революции.

Когда наша партия выставила в ноябре 1914 года лозунг: „превращение империалистской войны в гражданскую войну” угнетенных против угнетателей за социализм, — этот лозунг был встречен враждой и злобными насмешками социал-патриотов, недоверчиво-скептически, бесхарактерно-выжидательным молчанием социал-демократов „центра”. Немецкий социал-шовинист, социал-империалист Давид назвал его „сумасшедшим”, а представитель русского (и англо-французского) социал-шовинизма, социализма на словах, империализма на деле, господин Плеханов назвал его „грезофарсом” (*Mittelding zwischen Traum und Komödie*). А представители центра отделялись молчанием или пошлыми шуточками по поводу этой „прямой линии, проведенной в безвоздушном пространстве”.

Теперь, после марта 1917 года, только слепой может не видеть, что этот лозунг верен. Превращение империалистской войны в войну гражданскую *становится* фактом.

Да здравствует *начинающаяся* пролетарская революция в Европе!

По поручению отъезжающих товарищей, членов Российской с.-д. рабочей партии (объединенной Центральным Комитетом), принявших это письмо на собрании 8 апреля (нов. стиля) 1917 года,

Н. Ленин

Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 31. — С. 87–94

КАК МЫ ДОЕХАЛИ

В социалистическую печать уже проникли известия, что английское и французское правительства отказались пропустить в Россию эмигрантов-интернационалистов.

Приехавшие сюда 32 эмигранта разных партий (среди них 19 большевиков, 6 бундистов, 3 сторонника парижской интернациональной газеты „Наше Слово”) считают своим долгом огласить следующее:

В наших руках имеется ряд документов, которые мы огласим, как только получим их из Стокгольма (мы оставили их потому, что на шведско-русской границе хозяйничают пред-

ставители английского правительства), и которые обрисуют пред всеми печальную роль названных „союзных” правительств в данном вопросе. По этому пункту прибавим только следующее: Цюрихский комитет по эвакуации эмигрантов, в который входят представители 23 групп (в том числе Центральный Комитет, Организационный комитет, социалисты-революционеры, Бунд и т. д.), в единогласно принятой резолюции публично констатировал тот факт, что английское правительство решило отнять у эмигрантов-интернационалистов возможность вернуться на родину и принять участие в борьбе против империалистической войны.

Уже с первых дней революции для эмигрантов выяснилось это намерение английского правительства. Тогда на совещании представителей партии социалистов-революционеров (М. А. Натансон), Центрального Комитета РСДРП (Г. Зиновьев), Организационного комитета РСДРП (Л. Мартов), Бунда (Косовский) возник план (его выдвинул Л. Мартов) добиться пропуска эмигрантов через Германию в обмен на интернированных в России германских и австрийских пленных.

В Россию был послан ряд телеграмм в этом смысле, и вместе с тем через швейцарских социалистов были предприняты шаги для проведения этого плана.

Телеграммы, посланные в Россию, были задержаны, очевидно, нашим Временным „революционным правительством” (или его сторонниками).

Прождав две недели ответа из России, мы решились сами провести названный план (другие эмигранты решили пока ждать еще, считая еще недоказанным, что Временное правительство так и не примет мер для пропусков всех эмигрантов).

Дело находилось в руках швейцарского социалиста-интернационалиста Фрица Платтена. Он заключил точное письменное условие с германским послом в Швейцарии. Текст условия мы опубликуем. Главные его пункты: 1) Едут все эмигранты без различия взглядов на войну. 2) Вагон, в котором следуют эмигранты, пользуется правом экстерриториальности, никто не имеет права входить в вагон без разрешения Платтена. Никакого контроля ни паспортов, ни багажа. 3) Едущие обязуются агитировать в России за обмен пропущенных эмигрантов на соответствующее число австро-германских интернированных.

Все попытки германского социал-демократического большинства вступить в общение с едущими последние решительно отклонили. Вагон всю дорогу сопровождался Платтеном. Последний решил доехать с нами до Петрограда, но был задержан на русской границе (Торнео). Будем надеяться, только времен-

но. Все переговоры велись при участии и в полной солидарности с рядом иностранных социалистов-интернационалистов. Протокол о поездке подписан двумя французскими социалистами: Лорио и Гильбо и социалистом из группы Либкнехта (Гартштейн), швейцарским социалистом Платтенем, польским социал-демократом Бронским, шведскими социал-демократическими депутатами Линдхагеном, Карльсоном, Стрёмом, Туре Нерманом и другими.

„Если бы Карл Либкнехт был сейчас в России, Милюковы охотно выпустили бы его в Германию; Бетман-Гольвеги выпускают вас, русских интернационалистов, в Россию. Ваше дело — ехать в Россию и бороться там и с германским и с русским империализмом”. Так сказали нам названные товарищи-интернационалисты. Мы думаем, что они были правы. Доклад о поездке мы сделаем Исполнительному комитету Совета рабочих и солдатских депутатов. Мы надеемся, что он добьется освобождения соответствующего числа интернированных, в первую очередь видного австрийского социалиста Отто Бауэра, и что он добьется пропуска в Россию всех эмигрантов, а не только социал-патриотов. Мы надеемся, что Исполнительный комитет положит конец и тому неслыханному положению вещей, когда никакие газеты левее „Речи”⁷⁵ не пропускаются за границу и когда даже манифест Совета рабочих и солдатских депутатов к рабочим всех стран не пропускается в заграничную печать.

ИЗ ЭМИГРАЦИИ В ПИТЕР

Последнюю зиму (1916–1917 гг.) мы жили в Цюрихе, жилось невесело. Рвалась связь с Россией: не было писем, не приезжали оттуда люди. От эмигрантской колонии — очень немногочисленной, впрочем, в то время в Цюрихе — мы держались, по заведенному обычаю, немного в стороне. Только каждый день, идя из эмигрантской столовой, забегал на минутку Гриша Усиевич, милый, погибший потом на фронте, молодой товарищ. По утрам довольно регулярно приходил к нам „племянник Землячки“, сошедший с ума на почве голода большевик. Он ходил до такой степени оборванный и забрызганный грязью, что его перестали пускать в швейцарские библиотеки. Он старался започать Ильича, чтобы что-то обсудить с ним, какие-то принципиальные вопросы, и приходил до 9 часов, пока еще Ильич не ушел в библиотеку. Так как эти интервью с сумасшедшим человеком приводили обычно к тому, что потом болело „все на свете“, как выражалась одна знакомая девчурка, то мы стали уходить до библиотеки погулять вдоль озера. Мы наняли комнату в швейцарской рабочей среде. Комната была не очень целесообразная. Старый мрачный дом, стройки чуть ли не XVI столетия, окна можно было отворять только ночью, так как в доме была колбасная и со двора нестерпимо несло гнилой колбасой. Можно было, конечно, за те же деньги получить гораздо лучшую комнату, но мы дорожили хозяевами. Это были заправские рабочие, ненавидевшие капитализм, инстинктивно осуждавшие империалистическую войну. Квартира у нас была поистине „интернациональная“; в двух комнатах жили хозяева — по профессии столяр и сапожники, — в одной — жена немецкого солдата-булочника с детьми, в другой — какой-то итальянец, в третьей — австрийские актеры, с изумительной рыжей кошкой, в четвертой — мы, россияне. Никаким шовинизмом не пахло, а однажды во время того, как мы с хозяйкой поджаривали в кухне на газовой плите каждая свой кусок мяса, хозяйка возмущенно воскликнула: „Солдатам надо обратить оружие против своих правительств!“ После этого

Ильич и слышать не хотел о том, чтобы менять комнату, и особо ласково раскланивался с хозяйкой.

К сожалению, швейцарские социалисты были настроены менее революционно, чем жена рабочего. Владимир Ильич попробовал одно время повести работу в интернациональном масштабе. Стали собираться в небольшом кафе „Zum Adler“, на ближайшей улочке. Несколько русских и польских большевиков, швейцарские социалисты, кое-кто из немецкой и итальянской молодежи. На первое собрание пришло что-то около 40 чел. Ильич изложил свою точку зрения на войну, на необходимость осудить вождей, изменивших делу пролетариата, излагал программу действий. Иностранная публика, хотя собрались интернационалисты, была смущена решительностью Ильича. Помню речь одного представителя швейцарской молодежи, говорившего на тему, что стену нельзя пробить лбом. Факт тот, что наши собрания стали таять, и на четвертое собрание явились только русские и поляки. Пошутили и разошлись по домам. Впрочем, к этому времени относится возникновение более тесной связи с Фрицем Платтенем и Вилли Мюнценбергом.

Помнится мне одна сцена из несколько более позднего времени. Забрели мы, однажды, в другую, более фешенебельную часть Цюриха и неожиданно наткнулись на Нобса, редактора цюрихской социалистической газеты, ходившего тогда в левых. Нобс, завидя Ильича, сделал вид, что хочет сесть в трамвай. Ильич все же захватил его и, крепко держа за пуговицу, стал излагать свою точку зрения на неизбежность мировой революции. Комична была фигура, не знавшего как улизнуть от неистового русского, левого оппортуниста Нобса, но фигура Ильича, судорожно сжимавшего пуговицу Нобса и стремившегося его распропагандировать, показалась мне трагической. Нет выхода колоссальной энергии, гибнет бесконечно преданность трудящимся массам, ни к чему ясное осознание совершающегося. И почему-то вспомнился мне белый северный волк, которого мы видели с Ильичем в лондонском зоологическом саду и долго стояли перед его клеткой. „Все звери, с течением времени, привыкают к клетке: медведи, тигры, львы — объяснил нам сторож. — Только белый волк с русского севера никогда не привыкает к клетке — и день и ночь бьется о железные прутья решетки“. Разве пропагандировать Нобса не значило биться о прутья решетки...

Мы собирались уходить в библиотеку, когда пришел тов. Бронский и рассказал нам о февральской революции. Ильич как-то растерялся. Когда Бронский ушел и мы несколько опомнились, мы пошли к озеру, где под навесом каждый день рас-

клеивались все швейцарские газеты. Да, телеграммы говорили о революции в России.

Ильич метался. Он попросил Бронского разузнать, нельзя ли как-нибудь через контрабандиста пробраться через Германию в Россию. Скоро выяснилось, что контрабандист может довести только до Берлина. Кроме того, контрабандист был как-то связан с Парвусом, а с Парвусом, нажившимся на войне и превратившимся в социал-шовиниста, В. И. никакого дела иметь не хотел. Надо искать другого пути. Какого? Можно перелететь на аэроплане, не беда, что могут подстрелить. Но где этот волшебный аэроплан, на котором можно донестись до делающей революцию России? Ильич не спал ночи напролет. Раз ночью говорит: „Знаешь, я могу поехать с паспортом немого шведа”. Я посмеялась. „Не выйдет, можно во сне проговориться. Присянутся ночью кадеты, будешь сквозь сон говорить: сволочь, сволочь. Вот и узнают, что не швед”. Во всяком случае, план ехать с паспортом немого шведа был более осуществим, чем летать на каком-то аэроплане. Ильич написал о своем плане в Швецию Ганецкому. Но из этого, конечно, ничего не вышло. Когда выяснилось, что при помощи швейцарских товарищей можно будет получить пропуск через Германию, Ильич сразу взял себя в руки и старался обставить дело так, чтобы ничто не носило характера самомалейшей сделки не только с германским правительством, но и с немецкими социал-шовинистами, старался все юридически оформить. Шаг был смелый не только потому, что грозила клевета, обвинение в измене отечеству, но и потому, что не было никакой уверенности, что Германия действительно пропустит, не интернирует большевиков. Потом, следом за большевиками, двинулись тем же путем и меньшевики и другие группы эмигрантов, но сделать первый шаг никто не решался. Когда пришло из Берна письмо, что дело улажено и можно двинуться оттуда в Германию, Ильич сказал: „Поедем с первым поездом”. До поезда оставалось два часа. Я усомнилась. Надо было ликвидировать „весь дом”, возвратит книги в библиотеку, расплатиться с хозяйкой и т. п. „Поезжай один, я приеду завтра”. „Нет, поедем”. „Дом” был ликвидирован, уложены книги, уничтожены письма, отобрано кое-какое бельишко и самые необходимые вещи. Мы уехали с первым поездом. Мы могли и не спешить, так как была Пасха и из-за этого вышла какая-то задержка с нашей отправкой.

В бернский народный дом стали съезжаться едущие большевики: ехали мы, Зиновьевы, Усиевичи, Инесса Арманд, Харитонов, Сокольников, Миха Цхакая и другие. Ехала бундовка с прелестным кудрявым четырехлетним сынишкой, Робертом,

не умеющим говорить по-русски, а только по-французски. Под видом россиянина ехал с нами Радек. Сопровождал нас Платтен.

Во всю дорогу мы ни с кем из немцев не разговаривали; около Берлина в особое купе сели немецкие с.-д., но с ними никто из наших говорить не стал, и только Роберт, заглянув к ним в купе, стал их допрашивать: „Le conducteur, qu'est-ce qu'il fait?“ Не знаю, ответили ли немцы Роберту, что делает кондуктор, но своих вопросов большевикам им так и не удалось предложить. Мы смотрели в окно вагона, и нас поражало отсутствие мужчин: одни женщины, подростки и дети, и в городе, и в деревне. Нам давали обед в вагон – котлеты с горошком. Очевидно, желали показать, что в Германии всего в избытке. Проехали благополучно.

В Стокгольме нас встретили речами, в зале вывесили красное знамя и устроили собрание. Как-то плохо помню Стокгольм, все мысли уже были в России. На финских вейках переехали границу. Было уже все милое, свое – плохенькие вагоны третьего класса, русские солдаты. Ужасно хорошо было. Немного погодя, Роберт уже очутился на руках какого-то пожилого солдата, обнял его ручонкой за шею и что-то лопотал по-французски, и ел творожную пасху, которой кормил его солдат. Наши прильнули к окнам. На перронах станции, мимо которых проезжали, стояли гурьбой солдаты. Усиевич высунулся в окно. „Да здравствует мировая революция!“ – крикнул он. Недоуменно посмотрели на едущих солдаты. Мимо нас прошел несколько раз бледный поручик, и когда мы с Ильичем перешли в соседний пустой вагон, подсел к нему и заговорил с ним. Поручик был оборонцем, Ильич защищал свою точку зрения – был тоже ужасно бледен. А в вагон мало-помалу набирались солдаты. Скоро набился полный вагон. Солдаты становились на лавки, чтобы лучше слышать и видеть того, кто так понятно говорит против грабительской войны. И с каждой минутой росло их внимание, напряженнее делались их лица.

В Белоострове нас встретили Мария Ильинична, Шляпников, Сталь и друг. Были работницы. Сталь все убеждала меня сказать им несколько приветственных слов, но у меня пропали все слова, я ничего не могла сказать. Товарищи сели с нами и стали рассказывать. Скоро мы приехали в Питер.

Питерские массы, рабочие солдаты, матросы встречали своего вождя. Как узнали они о нем? Не знаю. Кругом народное море, стихия.

Тот, кто не пережил революции, не представляет себе ее величественной, торжественной красоты.

Красные знамена, почетный караул из кронштадских моряков, рефлекторы Петропавловской крепости, освещающие путь от Финляндского вокзала к дому Кшесинской, — броневики, цепь из рабочих и работниц, охраняющая путь. Ильича ставят на броневик. Он что-то говорит. А кругом те, кто ближе ему всех на свете, народные массы.

Революционный народ одинаково торжественно и встретил своего вождя, и проводил его в могилу.

Н. Крупская

II

ПРИЕЗД В. И. ЛЕНИНА В РОССИЮ

Весть о февральской революции застала пишущего эти строки в Берне. Владимир Ильич жил в это время в Цюрихе. Помню, я возвращался из библиотеки, ничего не подозревая. Вдруг вижу на улице большое смятение. Нарасхват берут какой-то экстренный выпуск газеты. „Революция в России”.

Голова кружится на весеннем солнце. С листком с еще необсохшей типографской краской спешу домой. Там застаю уже телеграмму от В. И., зовущую „немедленно” приехать в Цюрих.

Ждал ли Владимир Ильич столь быстрой развязки? Кто перелистает наши писания тогдашнего времени (сборник „Против течения”), тот увидит, как страстно призывал Владимир Ильич русскую революцию и как ждал он ее. Но такой быстрой развязки событий все же никто не ждал. Весть пришла неожиданно.

Итак, царизм пал! Лед тронулся. Империалистской войне нанесен первый удар. С пути социалистической революции убрано одно из важнейших препятствий. То, о чем мечтали целые поколения русских революционеров, наконец свершилось.

Помню несколько часов ходьбы по залитым весенним солнцем улицам Цюриха. Мы бродили с Владимиром Ильичем бесцельно, находясь под впечатлением нахлынувших событий, строя всевозможные планы, поджидая новых телеграмм у подъезда редакции „Новой Цюрихской Газеты”, строя догадки на основании отрывочных сведений.

Но, конечно, не прошло и нескольких часов, как мы взяли себя в руки.

Надо ехать. Что сделать, чтобы вырваться отсюда поскорей, — вот главная мысль, которая господствует над всем остальным.

Чуя приближение грозы, Владимир Ильич особенно томился последние месяцы. Точно не хватало воздуха для легких. Тянуло к работе, тянуло к борьбе, а в швейцарской „дыре“ ничего не оставалось больше, как сидеть в библиотеках. Вспоминая, с какой „завистью“ (именно, завистью, не нахожу другого слова) смотрели мы на швейцарских с.-д., которые как-никак жили среди своих рабочих, с головой ушли в рабочее движение своей страны. Между тем, как мы были отрезаны от России в небывалой еще степени. Никогда раньше не тянуло в Россию с такой силой. Истосковались по русской речи, по русскому воздуху. Предчувствие революционной грозы заставляло томиться с особенной силой. В. И. в это время прямо напоминал льва, запертого в клетке.

Надо ехать. Дорога каждая минута. Но как проехать в Россию? Империалистская бойня достигла апогея. Шовинистские страсти бушуют во всю мочь. В Швейцарии мы отрезаны от всех воюющих государств. Все пути заказаны, все дороги отрезаны. Вначале мы как-то не отдавали себе в этом отчета. Но уже через несколько часов стало ясно, что мы сидим за семью замками, что прорваться будет не легко. Рванулись в одну, в другую сторону, послали ряд телеграмм, — ясно: не вырваться. В. И. придумывает планы, один другого неосуществимее: проехать в Россию на аэроплане (не хватает малого: аэроплана, нужных для этого средств, согласия властей и т. п.), проехать через Швецию по паспортам глухонемых (увы, мы не знаем ни слова по-шведски), добиться обмена на немецких военнопленных, попробовать проехать через Лондон и т. п. Ряд эмигрантских совещаний (с меньшевиками, эсерами и т. п.), по вопросу о том, как реализовать амнистию и двинуться всем желающим в Россию. В. И. сам на эти совещания не ходит, посылает меня, больших надежд на все это не возлагает.

Как только выяснилось, что в ближайшие дни, во всяком случае, уехать не удастся, Владимир Ильич садится за свои известные „Письма из далека“. В нашей маленькой группе начинается интенсивная работа по определению нашей линии в начавшейся революции. Ряд писаний Владимира Ильича, относящихся к этому времени, достаточно известен. Вспоминаю несколько горячих споров в Цюрихе, в небольшом рабочем ресторанчике и однажды в квартире Владимира Ильича

по вопросу о том, можем ли мы уже сейчас дать лозунг низвержения правительства Львова. Некоторые тогдашние „левые” настаивают на том, что большевики обязаны выступить немедленно с этим лозунгом. Владимир Ильич решительно против. „Терпеливо и настойчиво разъяснять”, сказать народу всю правду, но вместе с тем уметь дождаться завоевания большинства революционного пролетариата и т. д., — вот наша задача.

...Решено. Другого выбора нет. Мы едем через Германию. Будь что будет, но ясно, что Владимир Ильич должен, как можно скорей, очутиться в Ленинграде*. Впервые высказанная мысль о порядке проезда через Германию встретила, как и следовало ожидать, бурю негодования со стороны меньшевиков, эсеров и всей вообще небольшевистской эмиграции. Были некоторые колебания даже среди большевиков. И понятно: риск был не малый.

Помню, на Цюрихском вокзале, когда мы все сели уже в вагон, чтобы двигаться к швейцарской границе, небольшая группа меньшевиков и эсеров устроила Владимиру Ильичу нечто вроде враждебной демонстрации. В последнюю минуту, буквально за пару минут до отхода поезда, тов. Рязанов в большом возбуждении отзывает пишущего эти строки в сторону и говорит: „Владимир Ильич увлекся и забыл об опасностях; вы — хладнокровнее. Поймите же, что это безумие. Уговорите Владимира Ильича отказаться от плана ехать через Германию”.

Однако, через несколько недель к тому же „безумному” решению вынуждены были притти и Мартов, и другие меньшевики.

...Уехали. Помню жуткое впечатление замершей страны, когда мы ехали по Германии. Берлин, который мы видели только из окна вагона, напоминал кладбище.

Волнение, которое все мы переживали, как-то стерло впечатление времени и пространства. Слабый след остался в памяти от Стокгольма. Машинально ходили по улицам, машинально что-то закупали из самого необходимого для поправления неказистого туалета Владимира Ильича и других, и чуть ли не каждые полчаса справлялись о том, когда же уходит поезд в Торнео.

Картина русских событий и в Стокгольме крайне еще неясна. Двусмысленная роль Керенского не вызывает уже сомнений. Но что делает Совет? Так ли уже вселился в Совете Чхеидзе и К^о? За кого большинство рабочих? Какую позицию заняла большевистская организация? Все это еще неясно.

* В то время Петроград. — Прим. ред.

Торнео. Помнится, это было ночью. Переезд по замерзшему заливу на санях. Длинная узенькая лента саней. На каждом из этих саночек по два человека. Напряжение достигает максимальной степени. Наиболее экспансивные из молодежи (покойный Усиевич) нервничают необычайно. Сейчас мы увидим первых революционных русских солдат. Владимир Ильич внешне спокоен. Его прежде всего интересует то, что делается там, в далеком Петербурге. Через замерзший залив, занесенный глубокими снегами, он напряженно смотрит вдаль, и глаз его как-будто видит на полторы тысячи верст вперед то, что происходит в революционной столице.

Мы на русской стороне границы (нынешняя граница Финляндии со Швецией). Наша молодежь прежде всего набросилась на русских солдат-пограничников (было их, вероятно, только несколько десятков человек), с которыми начинает зондирующие беседы. Владимир Ильич, прежде всего, набросился на русские газеты. Отдельные номера питерской „Правды” — нашей „Правды”. Владимир Ильич впился в газетные столбцы. Качает головой, с укором разводит руками: прочел известие о том, что Малиновский оказался-таки провокатором. Дальше, дальше. Настоящую тревогу вызывает у Владимира Ильича некоторые недостаточно выдержанные с точки зрения интернационализма статьи в первых номерах „Правды”. Неужели? В „Правде” недостаточно ясна интернационалистская позиция! Ну, мы с ними „повоюем”, линия будет исправлена скоро.

Первые встречи с „керенскими” поручиками, „революционными демократами”. Затем — с первыми русскими революционными солдатами, которых Владимир Ильич уже через час беседы окрестил „добросовестными оборонцами”, которым надо особенно „терпеливо разъяснять”. По приказанию властей группа солдат сопровождает нас до столицы. Сели в вагоны. Владимир Ильич „впился” в этих солдатиков. Пошли разговоры о земле, о войне, о новой России. Особая, достаточно хорошо известная манера Владимира Ильича подходить к рядовым рабочим и крестьянам сделала то, что через самое короткое время установилось великолепное товарищеское взаимоотношение. Беседа идет всю ночь напролет. Но солдаты-оборонцы стоят на своем. Первый вывод, который делает Владимир Ильич: оборончество — еще большая сила. В борьбе с ним нам нужна твердая настойчивость. Но столь же необходимы терпение и умелый подход.

Все мы были твердо уверены, что по приезде в Ленинград мы будем арестованы Милюковым и Львовым. Больше всех в этом уверен был Владимир Ильич. И к этому он готовил всю

группу товарищей, следовавших за ним. Для большей верности мы отобрали даже у всех ехавших с нами официальные подписки в том, что они готовы пойти в тюрьму и отвечать перед любым судом за принятое решение поехать через Германию.

Чем ближе к Белоострову, тем больше возрастает волнение. В Белоострове, однако, власти встречают нас достаточно дружелюбно. Один из керенских офицеров, исполняющий должность коменданта Белоострова, даже „рапортует” Владимиру Ильичу.

В Белоострове нас встречают ближайшие друзья. Среди них Каменев, Сталин и многие другие. В тесном полутемном купе третьего класса, освещенном огарком свечи, происходит первый обмен мнений. Владимир Ильич забрасывает товарищей рядом вопросов.

— Будем ли мы арестованы в Ленинграде?

Встречающие нас друзья определенного ответа не дают, но загадочно улыбаются. По дороге, на одной из станций, ближайших к Сестрорецку, сотни сестрорецких пролетариев приветствуют Владимира Ильича с той сердечностью, с которой рабочие относились только к нему. Его подхватывают на руки. Он произносит первую короткую приветственную речь.

Перрон Финляндского вокзала в Ленинграде. Уже ночь. Только теперь мы поняли загадочные улыбки друзей. Владимира Ильича ждет не арест, а триумф. Вокзал и прилегающая площадь залиты огнями прожекторов. На перроне длинная цепь почетного караула всех родов оружия. Вокзал, площадь и прилегающие улицы запружены десятками тысяч рабочих, восторженно встречающих своего вождя. Гремит „Интернационал”. Десятки тысяч рабочих и солдат горят энтузиазмом.

В течение нескольких секунд Владимир Ильич „перестраивает ряды”. В так называемой императорской комнате Владимира Ильича ждет „сам” Чхеидзе, во главе целой делегации от Совета. От имени „революционной демократии” лиса Чхеидзе приветствует Владимира Ильича, „выражает надежду” и т. д. Не моргнув бровью, Владимир Ильич отвечает коротенькой речью, которая от первого до последнего слова хлещет, как бичом, по лицу почтенной „революционной демократии”. Речь кончается возгласом: „Да здравствует социалистическая революция!”

С этой минуты нахлынула могучая человеческая волна. Первое впечатление: мы — щепочки в этой волне. Владимира Ильича подхватили, посадили на броневой автомобиль. В броневике он совершает свой первый въезд в революционную столицу, объезжая густые ряды рабочих и солдат, воодушевлен-

нию которых нет границ. Произносит коротенькие речи, бросая в массу лозунги социалистической революции.

Через час мы все во дворце Кшесинской, где собралась почти вся большевистская партия. До утра льются речи товарищей, которым в конце отвечает Владимир Ильич. Рано утром, чуть брезжит свет, мы расходимся, с наслаждением вдыхая воздух родного Петербурга. Идем через Неву, которой не видели уже столько лет. Владимир Ильич бодр и весел. Для каждого у него находится доброе слово. Всех помнит. Со всеми завтра же встретится на начинающейся новой работе.

Кругом бодрые лица. Приехал вождь. С нескрываемой радостью, восторгом и любовью все смотрят на Владимира Ильича и регистрируют этот факт.

Владимир Ильич в России, в революционной России, после долгих лет изгнания. Первая из первого ряда революций началась. Революционная Россия обрела настоящего вождя. Начинается новая глава в истории международной пролетарской революции.

Г. Зиновьев

III

В ПЛОМБИРОВАННОМ ВАГОНЕ

(Маленькие дополнения к рассказам тов. Зиновьева и тов. Крупской о том, как Ильич проехал через Германию)

Прошлые события теряются в нашей памяти, приобретают характер теней, многое конкретное улетучивается. Эта судьба постигла и воспоминания тов. Зиновьева и Крупской о том, как Владимир Ильич проезжал через Германию. Поэтому я дополню несколько штрихов, которые стоит закрепить.

Во-первых, насчет переговоров с Германией о пропуске наших. Когда Владимир Ильич пришел к убеждению, что нечего и мечтать о том, чтобы союзники пропустили его с товарищами, ему оставалось выбрать одно из двух: либо пытаться переехать нелегально через Германию, либо сделать то же самое с ведома властей. Нелегальный проезд был связан с громадным риском. Риск состоял не только в том, что очень легко было провалиться, но и в том, что неизвестно было, где кончаются контрабан-

дисты, услугами которых предстояло воспользоваться, и где начинаются шпионы правительства. Если большевики могли решиться на сделку с германским правительством насчет своего переезда, то эта сделка должна была быть открытой, ибо только тогда уменьшалась возможность использования ее против вождя пролетарской революции. Поэтому мы все были за открытую сделку. По поручению Владимира Ильича я и Леви, тогдашний член союза Спартак, находившийся проездом в Швейцарии, обратились к знакомому нам представителю франкфуртской газеты: если не ошибаюсь, фамилия его была доктор Дейнгард. Через него мы запросили германского посланника Ромберга, пропустит ли Германия русских эмигрантов, возвращающихся в Россию. Ромберг, в свою очередь, запросил министерство иностранных дел и получил принципиальное согласие. Тогда мы выработали условия, на которых соглашались ехать через Германию. Главнейшие из них состояли в следующем: германское правительство пропускает всех желающих ехать, не спрашивая их фамилий. Проезжающие пользуются экстерриториальностью, и никто по дороге не имеет право вступать с ними в какие бы то ни было переговоры. С этими условиями мы послали к Ромбергу швейцарского социалистического депутата Роберта Гримма, секретаря Циммервальдского объединения, нашего единомышленника тов. Платтена. Мы встретились с ними после их свидания с Ромбергом в Народном Доме. Гримм рассказывал, как удивлен был германский посол, когда ему прочитали наши условия проезда через Германию. „Извините, — сказал германский посол, — кажется, не я прошу разрешения проезда через Россию, а господин Ульянов и другие просят у меня разрешения проехать через Германию. Это мы имеем право ставить условия”. Но он, тем не менее, передал наши требования в Берлин. На следующие переговоры мы послали уже тов. Платтена. На этом настоял Владимир Ильич по следующим причинам: Роберт Гримм в разговоре обронил фразу, что он бы предпочитал один вести переговоры, ибо Платтен, хотя и хороший товарищ, но плохой дипломат. „А никто ведь не знает, что еще из этих переговоров может выйти”. Владимир Ильич посмотрел очень внимательно на Гримма, прижмурил один глаз, а после его ухода сказал: „Надо во что бы то ни стало устранить Гримма от этих переговоров. Он способен из-за личного честолюбия начать какие-нибудь разговоры о мире с Германией и впутать нас в грязное дело”. Мы поблагодарили Гримма за его услуги, заявив ему, что он перегружен работой, и мы его не хотим беспокоить. Предчувствие Ильича, как известно, оправдалось полностью. Гримм, который продолжал вести пе-

реговоры от имени группы Мартова, безусловно, уже в Швейцарии впутался в разговоры об условиях мира, и после, побравшись в Петроград, сообщал „своему” правительству о видах на мир, что, в свою очередь, вероятно, передавалось немцам. Попытки представить его в качестве германского шпиона или агента нелепы. Его подмывало стремление сыграть крупную роль, которую Ильич всегда считал пружиной его действий. Немцы, которые надеялись, что мы, большевики, в России сыграем роль противников войны, согласились на наши условия. Господам, которые по этому поводу по сегодняшний день хулят большевиков, предлагаю прочесть воспоминания Людендорфа, который до сих пор рвет волосы на своей голове, поняв, что, пропустив большевиков, он оказал этим услугу не германскому империализму, а мировой революции.

Итак, мы выехали. Приехали мы швейцарским поездом в Шафхаузен, где надо было пересесть в германский поезд. Это был жгучий момент, который остро врезался в мою память. Нас ожидали германские офицеры. Они указали нам зал таможи, в котором должны были пересчитать число живых „снарядов”, транспортируемых ими в Россию. Паспорта спрашивать на основе договора они не имели права. Поэтому в таможе мужчин разделили по обе стороны стола, чтобы по дороге кто-нибудь из нас не улетучился или, подменив русского большевика немецкой барышней, не оставил в Германии зародыш революции. (Я имел большое влечение проделать это, к чему, как австриец, имел даже моральное право, но Ильич был против). Мы стояли молча, и чувство было очень жуткое. Владимир Ильич стоял спокойно у стены, окруженный товарищами. Мы не хотели, чтобы они к нему присматривались. Бундовка, которая везла с собой четырехлетнего сынишку, поставила его на стол. На мальчика, видно, подействовало общее молчание, и он вдруг спросил острым ясным детским голосом: „Мамеле, вуси дуэс?” Знатки французского языка увидят, насколько ошибается т. Крупская, считая, что наш маленький друг Роберт говорил только по-французски. Я не помню, насколько он владел французским языком, но помню очень хорошо этот его разрядивший атмосферу выкрик на... минско-английском наречии.

Когда мы устраивались в вагоне, началась возня с Владимиром Ильичом. Мы его с Надеждой Константиновной поместили в особом купе (против чего он протестовал), чтобы дать ему возможность спокойно работать. Но не очень-то мы давали ему работать по дороге! В соседнем купе находились тов. Сафаров с женой, тов. Ольга Равич, Инесса Арманд и я. Мы с Сафа-

ровым тогда не ссорились насчет оппортунизма, но все-таки в вагоне было очень шумно. Поздним вечером Ильич ворвался в наше купе, дабы увести тов. Ольгу Равич, считая ее и меня главными зачинщиками шума. Для установления правды перед историей и контрольной комиссией, я должен здесь засвидетельствовать, что т. Ольга была всегда серьезным партийным товарищем, что анекдоты рассказывал исключительно я, являясь, таким образом, виновником шума. Поэтому наше купе доблестно отстояло товарища Ольгу. Но должен одновременно заметить, что и моего исключения никто не требовал...

Ильич всю дорогу работал. Читал, записывал в тетрадки, но кроме того занимался и организационной работой. Это дело очень деликатное, но я его все-таки расскажу. Шла постоянная борьба между курящими и некурящими из-за одного помещения в вагоне. В купе мы не курили из-за маленького Роберта и Ильича, который страдал от курения. Поэтому курящие пытались устроить салон для курения в месте, служащем обыкновенно для других целей. Около этого места поэтому происходило непрерывное скопление народа и перепалки. Тогда Ильич порезал бумагу и раздал пропуска. На три ордера одной категории, на три билета категории А, предназначенных для законно-пользующихся оным помещением, следовал 1 билет для курящих. Это вызывало споры о том, какие потребности человеческие имеют большую ценность, и мы очень жалели, что не было с нами тов. Бухарина, специалиста по теории Бем-Баверка о предельной полезности.

Кажется, в Карлсруэ пришел сопровождавший нас Платтен и известил нас, что в поезде находится Янсон, член германской комиссии профессиональных союзов, который передает привет от Легина и хочет нас приветствовать от имени германских профсоюзов. Ильич приказал прогнать его „к чортовой бабушке” и отказался его принять. Так как Янсон меня знал, а я ехал, как австриец, — зайцем, то товарищи побоялись, что мой проезд сделается известным. Видно, мне с самого начала суждено было создавать затруднения тов. Чичерину в его дипломатических отношениях с Германией. Меня спрятали в купе, в котором находился багаж, дав мне, как прожиточную норму, около 50 газет, чтобы я молчал и не делал скандала. Бедняжка Янсон был Платтеном отослан в вагон, где помещались сопровождавшие нас немецкие офицеры. Несмотря на полученную пощечину, он очень старался и на всякой станции покупал для нас германские газеты и обижался, когда Платтен возмещал ему их стоимость.

Во Франкфурте поезд стоял дольше, и платформа, на которой он задержался, была оцеплена военной стражей. Вдруг цепь была прорвана, и к нам ворвались германские солдаты, услышавшие о том, что проезжают русские революционеры, стоящие за мир. Всякий из них держал в обеих руках по кувшину пива. Они набросились на нас с неслыханной жадностью, допрашивая, будет ли мир, и когда. Это настроение солдат сказало нам о положении больше, чем это было полезно для германского правительства. Настроение было тем более характерно, что все солдаты были шейдемановцами. Больше никого мы всю дорогу не видели. В Берлине платформа, на которой стоял поезд, была оцеплена штатскими шпионами. Так мы доехали до Засница, где сели на пароход. Там от нас требовали выполнения обыкновенных формальностей — заполнения анкет. Ильич видел в этом какую-то коварную хитрость врага, и приказал подписываться разными псевдонимами, что позже привело к комичному недоразумению. Пароходное радио получило запрос из Треллеборга, едет ли на этом пароходе Ульянов. Это наш товарищ Ганецкий, ожидавший нас в шведской гавани уже несколько дней, притворившись представителем русского Красного Креста, добился права пользования правительственным радио. Капитан знал из анкет, что никакого Ульянова нет, но на всякий случай спросил, нет ли случайно между нами господина Ульянова. Ильич долго косился, пока, наконец, признался, что он и есть Ульянов, после чего Ганецкий был извещен, что мы едем.

В Треллеборге мы произвели потрясающее впечатление. Ганецкий заказал для всех нас ужин, которому предшествовали по шведскому обычаю закуски. Наша голытьба, которая в Швейцарии привыкла считать селедку обедом, увидев громадный стол, заставленный бесконечным количеством закусок, набросилась как саранча и вычистила все до конца к неслыханному удивлению кельнеров, которые до этого времени привыкли видеть за закусочным столом только цивилизованных людей. Владимир Ильич ничего не ел. Он выматывал душу из Ганецкого, пытаясь от него узнать про русскую революцию все... что Ганецкому было неизвестно. Утром мы прибыли в Стокгольм. Ожидали нас шведские товарищи, журналисты, фотографы. Впереди шведских товарищей шагал в цилиндре доктор Карльсон, большой дутый болван, который благополучно оставил уже коммунистическую партию и вернулся в берлогу к Брантингу. Но тогда он, как самый солидный из шведских левых социалистов, принимал нас и председательствовал совместно с честным сентиментальным бургомистром Стокгольма, Линдхагеном,

на завтраке в нашу честь. (Швеция отличается от всех других стран тем, что там по всякому поводу устраивается завтрак, и когда в Швеции произойдет социальная революция, то будет сначала устроен завтрак в честь уезжающей буржуазии, а после — завтрак в честь нового революционного правительства.) Вероятно, добропорядочный вид солидных шведских товарищей вызвал в нас страстное желание, чтобы Ильич был похож на человека. Мы уговаривали его купить хотя бы новые сапоги. Он уехал в горских сапогах с гвоздями громадной величины. Мы ему указывали, что если полагается портить этими сапогами тротуары пошлых городов буржуазной Швейцарии, то совесть должна ему запретить с такими инструментами разрушения ехать в Петроград, где, быть может, теперь вообще нет тротуаров. Я отправился с Ильичом в стокгольмский универсальный магазин, сопровождаемый знатоком местных нравов и условий еврейским рабочим Хавиным. Мы купили Ильичу сапоги и начали его прельщать другими частями гардероба. Он защищался, как мог, спрашивая нас, думаем ли мы, что он собирается по приезде в Петроград открыть лавку готового платья, но все-таки мы его уломали и снабдили парой штанов, которые я, приехав в октябре в Питер, на нем и открыл, несмотря на бесформенный вид, который они приняли под влиянием русской революции. В Стокгольме пытался повидаться с Лениным от имени ЦК германской социал-демократии Парвус, но Ильич не только отказался его принять, но приказал мне, Воровскому и Ганецкому совместно с шведскими товарищами запротоколировать это обращение. Весь день прошел в суетне, беготне, но перед отъездом Ильича состоялось еще деловое совещание. Ганецкий и Воровский, живущие постоянно в Стокгольме, и я, не могущий ехать в Петроград из-за своего грешного австрийского происхождения, были назначены заграничным представительством ЦК (это назначение должно было быть подтверждено из Петрограда). Ильич давал последние советы о постановке связи с нашими единомышленниками в других странах и связи с русским ЦК. Наконец, он торжественно вручил нам весь капитал заграничной группы ЦК, кажется, 300 шведских крон и какие-то шведские бумаги государственного займа той же стоимости. Смутно вспоминаем, что наши капиталы в этих займах помещал Шляпников, когда сидел в Швеции в качестве агента ЦК.

Приближается момент отъезда. Мы совместно с шведскими товарищами и частью русской колонии в Стокгольме отправились из гостиницы „Регина” на вокзал. Когда наши уже погрузились, какой-то русский, сняв шляпу, начал речь к Ильи-

чу. Пафос начала речи, в которой Ильич честовался, как „дорогой вождь”, заставил Ильича приподнять немножко котелок, но „оратор” перешел в наступление. Дальнейший смысл его речи был приблизительно таков: смотри, дорогой вождь, чтобы ты там в Петрограде не наделал никаких гадостей. Смущение, с которым Ильич прислушивался к первым лестным фразам речи, уступило место лукавой улыбке. Поезд тронулся, мы еще момент видели эту улыбку...

К. Радек

IV

ПРИЕЗД ТОВ. ЛЕНИНА ИЗ ШВЕЙЦАРИИ В РОССИЮ

(1917 г.)

„Ильич должен во что бы то ни стало скорее добираться в Россию”, — вот рефлекс после первых сообщений о февральской революции... Помню, когда я на вызов тов. Пятакова и Коллонтай приехал к ним из Стокгольма в Христианию*, мы, помимо всяких других планов, в первую голову коснулись этого вопроса. И длинную телеграмму к Владимиру Ильичу, где мы представили нашу оценку положения и просили Владимира Ильича высказаться, заканчиваем: „Вашу поездку в Россию считаем необходимой, поезжайте хотя бы в Финляндию”...

Наша телеграмма была довольно наивной. Вопрос поездки не меньше волновал самого Владимира Ильича. Но как его провезти — вот самое главное. Вначале казалось, что Владимиру Ильичу следует ехать, как и всем эмигрантам, — на Англию. Ведь дана амнистия, политические дела ликвидированы, приезжают свободно эмигранты, возвращаются каторжане... Но то, что казалось ясным для многих, не всегда удовлетворяло Владимира Ильича. На сделанное в этом направлении предложение и от нас из Скандинавии, и от товарищей из Питера Владимир Ильич прислал мне 30 марта из Цюриха следующую телеграмму в Стокгольм:

„Англия никогда меня не пропустит, скорее интернирует. Милюков надует. Единственная надежда — пошлите кого-

* В настоящее время г. Осло. — Прим. ред.

нибудь в Петроград, добейтесь через совет рабочих депутатов обмена против интернированных немцев. Телеграфируйте.

Ульянов”.

(Телеграмма составлена на немецком языке.)

Вскоре мы убедились, как прав был Владимир Ильич. Тов. Троцкого, возвращавшегося из Америки, англичане задержали в Галифаксе. И только благодаря сильному напору красного Питера удалось добиться его освобождения и пропуска в Россию после месячного заключения.

Но план Владимира Ильича не так легко было провести. Не так легко было убедить почтенное Временное правительство „помочь” приезду Владимира Ильича, при этом через Германию: — что сказала бы на это ее величество Антанта?

Время проходило, а Владимир Ильич все томился в Швейцарии. Да, томился, — и эти муки подсказали ему довольно курьезный план поездки. Получаю вдруг телеграмму от Владимира Ильича с сообщением, что выслано мне важное письмо, получение которого просит подтвердить по телеграфу. Через три дня приходит конспиративное письмо. В нем маленькая записка Владимира Ильича и 2 фотографии — его и тов. Зиновьева. В записке приблизительно следующее: „Ждать больше нельзя. Тщетны все надежды на легальный проезд. Нам с Григорием необходимо во что ни стало немедленно добраться в Россию. Единственный план следующий: найдите двух шведов, похожих на меня и Григория. Но мы не знаем шведского языка, поэтому они должны быть глухонемые. Посылаю вам на всякий случай наши фотографии...” Прочтя записку, я почувствовал, как томится Владимир Ильич, но, сознаюсь, очень хохотал над этим фантастическим планом. Только отчаяние и горе могли создать подобный план... Да зачем были фотографии? Обоих я знал с 1903 года, мы весьма часто встречались, а два года подряд жили в одном городе, в Кракове... Однако, фотографию Владимира Ильича я сейчас же использовал. Через два дня она красовалась в ежедневной газете наших шведских товарищей „Политикен”, а под ней передовица: „Вождь русской революции”.

А пока в швейцарской колонии шли горячие дебаты, — можно ли ехать через Германию и на каких условиях. Из Питера же приходили сбивчивые инструкции по вопросу о приезде Владимира Ильича. Так, 5 апреля я получаю от тов. Шляпникова следующую телеграмму:

Ульянов должен приехать немедленно. Все эмигранты приезжают свободно. Для Ульянова имеется специальное разрешение.

Беленин”¹.

А на следующий день, 6-го, получаю от него же такую:

„Не форсируйте приезда Владимира Ильича. Избегайте риска.

Беленин”.

Когда оказались напрасны все надежды на помощь Временного правительства обеспечить проезд через Англию, швейцарские эмигранты решили приступить к переговорам с германским правительством. Переговоры вел швейцарский товарищ Платтен. Выработанные всей колонией условия были приняты германским правительством. Условия эти были следующие:

1. Едут все эмигранты, без различия взглядов на войну.

2. Вагон, в котором следуют эмигранты, пользуется правом экстерриториальности, никто не имеет права входить в вагон без разрешения тов. Платтена. Никакого контроля, ни паспортов, ни багажа.

3. Едущие обязуются агитировать в России за обмен пропущенных эмигрантов на соответствующее число австро-германских интернированных.

Несмотря на эти условия, меньшевики, хотя и сами их приняли, не решались выехать. Они все ждали благословения на поездку от совета депутатов.

6 апреля я получаю от Владимира Ильича из Берна следующую телеграмму:

„У нас непонятные задержки. Меньшевики требуют санкции совета рабочих депутатов. Пошлите немедленно кого-нибудь в Финляндию или Петроград для выяснения с Чхеидзе, осуществимо ли это. Желательно мнение Беленина. Телеграфируйте народный дом Берн.

Ульянов”.

(Текст на немецком языке.)

Но, не дожидаясь ответа, Владимир Ильич, очевидно, убедил меньшевиков, и 7 апреля я получил следующую срочную телеграмму:

¹ Беленин – партийный псевдоним А. Г. Шляпникова.

„Завтра уезжает 20 человек. Линдхаген и Стрем¹ пусть обязательно ожидают в Треллеборге². Закажите срочно Беленина, Каменева в Финляндию.

Ульянов”.

Итак, „едут”... В Стокгольме у нас был создан эмигрантский комитет. Но я ему не особенно доверял и решил сообщить о приезде Владимира Ильича после того, как последний очутился в пределах Швеции... Я решил съездить в Мальмё (оттуда час езды до порта Треллеборг). Хотя Линдхаген и Стрем были излишни, я – в виду 2-х телеграмм Владимира Ильича – решил пригласить с собой Стрема...

Весь день, взволнованный, бродил я по Мальмё... „Приедут ли? Не причинят ли им немцы по дороге каких-нибудь пакостей?” Мысли эти сильно тревожили меня... Наконец, под вечер едем в Треллеборг... Пароход приближается к берегу... Но какая досада, – ни Ильича, ни других нет... Высчитал ли я плохо день приезда, или что-нибудь случилось с ними в пути... Выяснить ничего нельзя, приходится ждать следующего дня. Едем обратно в Мальмё. Тов. Стрем уезжает, – выборная кампания требует его присутствия в Стокгольме. Я остаюсь один, в помощь получаю одного местного товарища... Медленно тянется ночь, еще медленнее следующий день... Опять еду в Треллеборг... Но пароход опять не привозит наших путешественников. Еду обратно в Мальмё. За ночь придумываю всякие планы для выяснения. Утром говорю по телефону с женой в Стокгольме, – там никаких сведений. Даю срочную телеграмму в Швейцарию – никакого ответа. Товарища шведа оставляю в Мальмё, где он должен ждать моего телефона, а сам в третий раз еду в Треллеборг.

На мое предложение дать телеграмму в Засниц начальник станции объясняет, что пароход оттуда ушел уже... „Нельзя ли дать радио на пароход?” – спрашиваю я. – „Можно, но принимаются лишь служебные телеграммы”. Заметив на станции объявление царского Красного Креста, я разьясняю начальнику, что я командирован Красным Крестом принять партию эмигрантов, а потому прошу запросить капитана, едет ли эта партия, сколько мужчин, женщин и детей, дабы я мог заблаговременно заказать места в вагоне. Мне удалось убедить начальника, и он дает капитану телеграмму: „Г-н Ганецкий спрашивает, едет ли г-н Ульянов, сколько с ним мужчин, женщин”. – Минут через 20 получается ответ „г-н Ульянов приветствует г-на Га-

¹ Оба – шведские товарищи, члены парламента.

² Шведский порт, а на другой стороне – германский Засниц.

нецкого и просит его заготовить билеты”, – и тут указывает количество каждого пола.

Я ожил. Начальник не понимает перемены во мне. Первым делом бросаюсь к телефону, сообщаю товарищу в Мальмё о приезде и прошу закрепить заказанный условно вагон, а также ужин в ближайшей возле вокзала гостинице. Переговорил с женой в Стокгольме и просил исполнить оставленный план относительно гостиниц и т. п. Жена, между прочим, сообщает о полученной телеграмме из Засница от 12 апреля:

„Сегодня 6 часов Треллеборг

Платтен Ульянов”.

Заказываю билеты и предупреждаю таможенные власти, что приезжает партия эмигрантов... Я прямо в исступлении. Начинаю агитировать таможенников в пользу нашей революции. Объясняю значение ее и роль в ней Ленина. Чиновники слушают внимательно, обещают вещей не осматривать, просят лишь... показать им Ленина...

Вот приближается пароход. Эти несколько минут показались мне вечностью... Наконец, он причаливает. Постепенно появляются фигуры Платтена, Владимира Ильича, Зиновьева, Надежды Константиновны и многих знакомых товарищей... Тут же и Радек. Рассчитывая на добросовестное исполнение немцами наших условий о неосмотре паспортов, он решил воспользоваться и „нелегально” пробраться в Россию (Радек, как известно, был „австрийским подданным”).

Горячие приветствия, вопросы, суэта, крик ребят. У меня от радости слезы на глазах... Минуты нельзя терять, – через четверть часа едет поезд в Мальмё. Таможенники багажа не осматривают, просят лишь исполнить обещание и показать им вождя революции... Мы сидим уже в вагоне. Радек со свойственным ему темпераментом рассказывает, в каких условиях они получили мою телеграмму на пароходе. Дело в том, что шведы во время войны ввели для всех въезжающих в Швецию детальнейшие, скучнейшие анкеты (наши бесчисленные могли бы все же с ними конкурировать). Владимиру Ильичу преподносят в каюту сию бумажку... Ильич засуетился. Переговорил с Зиновьевым, Радеком и другими. – анкеты уже у всех на руках. Что сие обозначает? И тут Владимир Ильич приходит к заключению, что немцы надули: сами пропустили, но сообщили шведской полиции – и та теперь возьмется... Создается тут же „военный совет”. Как быть, написать ли Ильичу настоящую фамилию или фиктивную... Вдруг появляется с бумажкой в руке капитан и спрашивает, кто из них г-н Ульянов... Ильич не сомневается, что его предположение оказалось правильным, и вот его пришли

задержать. Скрывать уже нечего, — в море не выскочишь, Владимир Ильич называет себя. Тут капитан сообщает текст моей телеграммы...

Мы уже в Мальмё. Товарищ-швед ждет нас... Вблизи заготовлен великолепный ужин. Усталая от 4-дневной поездки, проголодавшаяся эмигрантская братия с жадностью бросается на шведские смэргосы (закуски). Один из товарищей замечает: „теперь я верю, что в России революция, раз эмигрантов можно так угощать”...

Специальный вагон подан. Через 15 минут мы уже катимся в Стокгольм. В отдельном купе уселись Владимир Ильич, Надежда Константиновна, Зиновьев, Радек и я. Беседа затянулась до поздней ночи. Владимир Ильич все расспрашивал о последних сведениях из России. Он указывал на предстоящую упорную борьбу пролетариата, на перспективы развивающейся революции, форму, которую она должна принять. Владимир Ильич указывал на грядущую опасность, угрожающую со стороны Керенского, хотя последний особенной роли еще тогда не играл. Владимир Ильич указывал на необходимость оставления за границей партийной ячейки для сношений между партией в России и внешним миром и вообще „на всякий случай”. Намечается создание заграничного бюро ЦК партии в составе тов. Воровского, Радека и меня... Лишь в 4 часа удалось нам уговорить Владимира Ильича поспать немножко.

Утром, в 8 часов, не доезжая до Стокгольма, на какой-то станции в вагон нагрянула целая ватага стокгольмских корреспондентов, получивших телеграфное сообщение от своих коллег из Мальмё о приезде Ленина, Владимир Ильич их не принял. Им ответили, что в Стокгольме будет дано сообщение для прессы... В 9 часов мы уже в Стокгольме. На станции делают кинематографические снимки, и Владимиру Ильичу никак не удается пройти незамеченным... Весь день Владимир Ильич и минуты не отдохнул. Он и слушать не хотел, чтобы отдохнуть в Стокгольме хотя бы один день... Каждая минута для него дорога. Весь день он суетился, опасаясь забыть что-нибудь. Вот собрание приехавших (принадлежат они к разным партиям, — большевики, меньшевики, эс-эры, бундовцы, анархисты). Составляется и подписывается всеми точный протокол о поездке... Идет организация заграничного бюро. Владимир Ильич оставляет нам точные инструкции. Он спешит закупить последние новинки-книги и подбирает еще кое-какие партийные материалы.

Не успели мы оглянуться, как уже надо ехать к поезду. Снова вокзал, сутолока, шум, гам, крик и плач ребят. Владимир Ильич о всех заботится, спрашивает, хорошо ли устроены

товарищи, особенно дети... Поезд движется... С затаенным дыханием шлем мы великому вождю последние приветствия и думаем: он направит революцию на правильные рельсы...

Вечером в воскресенье 16 апреля Владимира Ильича восторженно приветствует на вокзале в Питере необъятная масса рабочих. Он тут же, взобравшись на броневик, произносит свою знаменитую речь, доказывая, что борьба должна вестись под лозунгом:

„Вся власть Советам!“

Ганецкий

II

ПРОТОКОЛ О ПРОЕЗДЕ ЛЕНИНА ЧЕРЕЗ ГЕРМАНИЮ в 1917 году¹

19-го марта², по получении первых известий о начале революции в России, состоялась по предложению Международной социалистической комиссии (циммервальдской комиссии) сходка представителей всех русских и польских партий, примкнувших к циммервальдскому объединению. В конце этого собрания состоялось второе совещание, посвященное вопросу возвращения политических эмигрантов в Россию. В ней принимали участие Мартов, Бобров, Зиновьев и Коссовский. В числе прочих предложений обсуждался план Мартова о возможности проезда через Германию в Стокгольм на основе обмена на соответствующее число интернированных в России германцев и австрийцев. Всеми участниками совещания план Мартова был признан наиболее благоприятным и приемлемым. Гримму было поручено завязать сношения со швейцарским правительством.

Несколько дней спустя тов. Гримм встретил Багоцкого, полномочного Комитета по возвращению русских эмигрантов на родину (Комитет, в котором представлены были все группы). Эта встреча произошла в присутствии тов. Зиновьева. Гримм сообщил, что он имел беседу с членом Союзного Совета Гофманом, ведающим политическим департаментом. Гофман,

¹ Приложение т. Гильбо к его брошюре „Ленин“, изд. „Прибой“.

² Нов. ст.

по словам Гримма, заявил, что швейцарское правительство не имеет возможности играть роль официального посредника, ибо правительства Антанты могут усмотреть в этом шаге нарушение нейтралитета. Но Гримм частным образом принял на себя это поручение и обратился за принципиальным согласием к представителю германского правительства. Багоцкий и Зиновьев заявили, что таким образом цель могла бы быть достигнута, и соответственно тому просили Гримма довести предпринятые шаги до благополучного конца.

Но следующий день представители некоторых партий в Цюрихе заявили, что они с планом Гримма не согласны. Они обосновывали свое решение необходимостью обождать ответ из Петрограда.

Члены Заграничного Бюро Центрального Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии заявили, что не берут на себя ответственности за дальнейшую отсрочку возвращения в Россию, и послали Мартову и Боброву следующее заявление:

Заграничное Бюро Центрального Комитета Социал-Демократической Рабочей Партии пришло к тому решению, что предложение тов. Гримма об обратном проезде политических эмигрантов в Россию через Германию следует принять.

Заявление устанавливало следующее:

1. Переговоры велись товарищем Гриммом с представителем правительства нейтральной страны — с министром Гофманом, — который не считал возможным для Швейцарии официально вмешаться в это дело, ибо английское правительство несомненно сочтет это обстоятельство нарушением нейтралитета со стороны Швейцарии. Следует считать установленным, что правительство это не допустит проезда интернационалистов.

2. Предложения Гримма вполне приемлемы, ибо они гарантируют свободу проезда и совершенно независимы от какого бы то ни было политического направления и от какого бы то ни было отношения к вопросу о защите отечества, о продолжении войны, о заключении мира и т. д.

3. Это предложение основывается на обмене политических эмигрантов на интернированных в России, и эмигранты не имеют ни малейшего основания противодействовать агитации, поднятой за этот обмен.

4. Тов. Гримм внес это предложение представителям всех групп политических эмигрантов, и он даже заявил, что при создавшемся в настоящий момент положении вещей это предложение является единственным выходом и вполне приемлемо.

5. С другой стороны, сделано все возможное, чтобы убедить представителей всех групп в необходимости принять это предложение, ибо дальнейшая оттяжка абсолютно недопустима.

6. К сожалению, представители некоторых групп высказались за отложение рассмотрения вопроса. Это решение в высшей степени достойно порицания и причиняет величайший вред русскому революционному движению.

Принимая во внимание эти результаты обследования, Заграничное Бюро Центрального Комитета постановляет осведомить всех членов нашей партии о том, что предложение немедленного отъезда нами принято и что все, желающие сопровождать нас в нашем путешествии, должны записаться. Копия настоящего заявления препровождена будет представителям всех групп.

Цюрих, 31 марта 1917 года.

Н. Ленин

Г. Зиновьев

Берн, 2-го апреля 1917 г.

Когда документ этот, снабженный комментарием групп противников, передан был Гримму, он сделал официозное заявление нижеследующего содержания:

Центральному Комитету по организации возвращения русских эмигрантов г. Цюриха.

Уважаемые товарищи!

Только что я узнал о циркуляре Заграничного Бюро Центрального Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии относительно организации возвращения эмигрантов в Россию. Я весьма изумлен содержанием этого циркуляра не только, поскольку он касается моей личности, которой приписывается совершенно неправильная позиция, но и в особенности вследствие крайне (одно слово неразборчиво) упоминания о члене Союзного Совета Гофмане, делающего дальнейшие переговоры со швейцарскими властями крайне затруднительными. Я считаю себя вынужденным, во всяком случае, подтвердить нижеследующие факты и предоставляю на Ваше усмотрение использовать содержание настоящего письма, как Вы найдете нужным:

1. Ведутся переговоры, но переговоры эти не следствие предложения тов. Гримма относительно возвращения русских эмигрантов в Россию. Я никогда не делал никакого такого предложения, а служил всего лишь посредником между русскими товарищами и швейцарскими властями.

2. В соответствии с результатами совещания русских товарищей, происходившего 19-го марта в Берне, я предложил швейцарскому политическому департаменту выяснить, нет ли возможности произвести своего рода обмен русских эмигрантов Швейцарии на интернированных в России. Предложение было отклонено, принимая во внимание нейтралитет страны, не считаясь с тем или иным правительством и не зная, что Антанта и в частности Англия будут чинить препятствия отъезду эмигрантов.

3. В ходе переговоров возникла мысль о возможности создания в Голландии бюро по обмену, но вследствие задержек в отъезде, которые получились бы в результате этого, от мысли этой отказались.

4. Окончательный результат переговоров был следующий: русские товарищи должны были обратиться прямо к Временному Правительству через посредство министра Керенского. Его будут держать в курсе дела и докажут ему невозможность возвращения через Англию, так что, принимая во внимание положение дел, ему придется одобрить возвращение через Германию. Благодаря этому соглашению проезд через Германию сможет произойти, не повлекши за собою впоследствии никаких осложнений. В пятницу, 30-го марта, я довел до сведения находившихся в Берне представителей Центрального Комитета и присовокупил личное мое мнение, что это предложение, т. е. соглашение с Керенским или Чхеидзе, и организация вслед за тем поездки через Германию мне представляется приемлемым. Я присовокупил, что делом Вашего Комитета уже будет, как Вы примете предложение, и что я пока что считаю миссию свою исчерпанной.

5. Первого апреля я получил телеграмму тт. Ленина и Зиновьева, в которой они сообщают, что их партия решила безоговорочно принять план проезда через Германию и немедленно организовать отъезд. Я сообщил по телеграфу, что я охотно готов помочь найти посредника, который довел бы до конца переговоры между соответствующей инстанцией по регулированию условий проезда и телеграфировавшими мне товарищами, но я однако ни в коем случае не стану начинать вытекающих отсюда переговоров, ибо я считаю миссию свою исчерпанной, и потому что со швейцарскими властями переговоров вести уже больше не приходилось. В виду того, что упомянутый в начале настоящих строк циркуляр по-видимому дал повод к недоразумениям, я счел необходимым кратко установить эти пункты, дабы сразу предотвратить возможность образования легенд. Я весьма сожалею, что наши старания столь легкомысленным

образом стали предметом циркулярного письма, которое не носило даже секретного характера.

С социалистическим приветом Г р и м м.

Когда после этого Зиновьев потребовал у Гримма разъяснений, он в присутствии тов. Платтена заявил, что сделать подобное заявление он считает своею обязанностью и притом, главным образом, потому, что разглашение роли Гофмана могло бы причинить существенный ущерб швейцарскому нейтралитету. Одновременно Гримм заявил о своей готовности предпринять и дальнейшие шаги по делу отъезда той группы, которая решилась на скорейший отъезд. Но вследствие двусмысленного поведения Гримма, организаторы отъезда сочли более правильным отказаться от его услуг и просить тов. Платтена о доведении начатых переговоров до конца.

Третьего апреля Платтен обратился в германское посольство в Берне и заявил, что он продолжает начатые Гриммом переговоры, и предложил нижеследующие письменно изложенные условия:

Основа переговоров о возвращении швейцарских политических эмигрантов в Россию¹

1. Я, Фриц Платтен, руковожу за своей полной личной ответственностью переездом через Германию вагона с политическими эмигрантами и легальными лицами, желающими поехать в Россию.

2. Вагон, в котором следуют эмигранты, пользуется правом экстерриториальности.

3. Ни при въезде в Германию, ни при выезде из нее не должна происходить проверка паспортов или личностей.

4. К поездке допускаются лица совершенно независимо от их политического направления и взглядов на войну и мир.

5. Платтен приобретает для уезжающих нужные железнодорожные билеты по нормальному тарифу.

6. Поездка должна происходить, по возможности, безостановочно в беспересадочных поездках. Не должно иметь места ни распоряжения о выходе из вагона, ни выход из него по собственной инициативе. Не должно быть перерывов при проезде без технической необходимости.

7. Разрешение на проезд дается на основе обмена уезжающих на немецких и австрийских пленных и интернированных в России. Посредник и едущие обязуются агитировать в России, особенно среди рабочих, с целью проведения этого обмена в жизнь.

¹ См. стр. 36 статьи т. Платтена.

8. Возможно кратчайший срок переезда от швейцарской границы до шведской, равно как технические детали должны быть немедленно согласованы.

Берн — Цюрих, 4-го апреля 1917 г.

(Подпись) Фриц Платтен.

Через два дня тов. Платтен сообщил, что условия эти приняты германским правительством.

2-го апреля, прежде чем вопрос доведен был до конца, представители остальных групп приняли следующую резолюцию:

„Принимая во внимание, что ввиду явной невозможности возвращения в Россию через Англию вследствие сопротивления английских и французских властей, все партии признали необходимость испросить у Временного Правительства через посредство Совета Рабочих Депутатов полномочий на обмен политических эмигрантов на соответствующее число германских граждан;

констатируя, что товарищи, представляющие Центральный Комитет, решили поехать в Россию через Германию, не дождавшись результатов предпринятых по сему поводу шагов;

мы считаем решение товарищей из Центрального Комитета политической ошибкой, поскольку не доказана невозможность получения от Временного Правительства полномочий на предложенный обмен”.

Организаторы поездки согласны были с первой частью этой резолюции, но они не могли признать, будто сопротивление Временного Правительства организации возвращения русских эмигрантов в Россию не доказано. Нет ни малейшего сомнения, что Временное Правительство при диктатуре Антанты сделает все возможное, чтобы задержать возвращение революционеров, борющихся против грабительской войны империализма. В виду этих фактов нижеподписавшиеся видят себя поставленными перед выбором — либо решиться вернуться в Россию через Германию, либо до конца войны остаться за границей. Вопреки этому заявлению представителей прочих групп Платтен считает своим долгом после принятия условий германским правительством еще раз предложить цюрихским делегатам участвовать в поездке. В момент составления настоящего протокола ответ последних нам еще неизвестен¹.

¹ Несколько дней спустя Мартов сообщал, что он остается при своем решении.

Нам сообщают, что газета „Petit Parisien” объявила о решении Милюкова отдать под суд всех русских граждан, которые поедут через Германию. Поэтому мы заявляем, что если наше путешествие в Россию станет предметом подобных мероприятий, то мы потребуем народного суда над нынешним русским правительством, продолжающим реакционную войну. Правительство это, чтобы доказать тот факт, что оно — противник империалистической политики, продолжает применять методы прежнего правительства, конфискует адресованные рабочим депутатам телеграммы и т. д.

Мы убеждены, что условия, предложенные нам для совершения переезда через Германию, вполне приемлемы для нас. Бесспорно, что Милюковы облегчили бы поездку Либкнехтов в Германию, если они находились бы в России. Таково же и отношение Бетман-Гольвегов к русским интернационалистам. Интернационалисты всех стран не только вправе, но обязаны использовать эту спекуляцию империалистического правительства в интересах пролетариата, не отказываясь от своего пути и не делая правительствам ни малейшей уступки. Наша точка зрения по отношению к войне изложена нами в номере 47-ом „Социал-Демократа”, а именно — после завоевания рабочим классом политической власти в России мы допускаем революционную войну против империалистической Германии. Эта точка зрения отстаивалась Лениным и Зиновьевым также и публично, а равно и в статье, помещенной Лениным в начале русской революции в газете „Volksrecht” („Народное Право”).

Одновременно мы обращаемся с открытым письмом к швейцарским рабочим, в котором мы излагаем нашу точку зрения. С первого до последнего дня мы организовали нашу поездку в полном согласии с представителями левого крыла циммервальдцев.

Наш поезд от швейцарской границы и вплоть до того места, в направлении к Петрограду, до которого это будет возможно, будет сопровождать тов. Платтен, и мы очень надеемся, что на шведской границе мы встретим шведских интернационалистов Стрема и Линдхагена.

С самого начала мы действовали в полной гласности и мы убеждены, что шаг наш вполне и всецело одобрен будет рабочими-интернационалистами России. Настоящее заявление обязательно для участников переезда, являющихся членами нашей партии. В том случае, если бы в переезде приняли участие лица, не состоящие членами нашей партии, то лица эти делают это за свою собственную ответственность.

ЗАЯВЛЕНИЕ¹

Нижеподписавшиеся ознакомились с тем, какие препятствия правительства Согласия ставят отъезду русских интернационалистов на родину. Они ознакомились с тем, на каких условиях германское правительство согласилось пропустить товарищей через Германию в Швецию.

Не сомневаясь в том, что германское правительство спекулирует на одностороннее усиление антивоенных тенденций в России, мы заявляем:

Русские интернационалисты, которые в течение всей войны вели самую резкую борьбу против империализма вообще и германского империализма в особенности, отправляются теперь в Россию, чтобы служить там делу революции, помогут нам поднять и пролетариев других стран, и в особенности пролетариев Германии и Австрии, против их правительств. Пример германской борьбы русского пролетариата послужит лучшим поощрением для пролетариев других стран. Поэтому мы, нижеподписавшиеся интернационалисты Франции, Швейцарии, Польши, Германии (и Швеции. — Ред.), считаем не только правом, но и долгом наших русских товарищей воспользоваться той возможностью проехать в Россию, которая им представляется.

Мы желаем им лучших успехов в их борьбе против империалистической политики русской буржуазии, которая является частью нашей общей борьбы за освобождение рабочего класса, за социальную революцию.

Берн, 7 апреля² 1917 г.

Павел Харштейн (Германия)

Анри Гильбо (Франция)

Ф. Лорно (Франция)

Бронский (Польша)

Ф. Платтен (Швейцария)

Линдханен (городской голова Стокгольма)

Стрем (депутат шведского парламента)

Туре Нерман (редактор центр. орг. шведск. соц.: „Politiken”)

Чильбум (редактор „Stormklockan”)

Гансен (Норвегия)

¹ Текст заявления опубликован Лениным в „Правде” 4 апреля, как приложение к его статье „Как мы доехали”, перепечатан в 1-й части XIV тома Собр. соч. Ленина, стр. 14—15. †

² 25 марта ст. стилия.

(Примечание Ленина.) Первые четыре товарища провожали нас в Берне. Псевдонимом Хартштейна назвался товарищ Павел Леви, после революции в Германии ставший сотрудником „Красного Знамени” („Rote Fahne”), газеты спартаковцев. Последние пять товарищей провожали нас в Стокгольме.

ПОДПИСКА УЧАСТНИКОВ ПРОЕЗДА ЧЕРЕЗ ГЕРМАНИЮ

Подтверждаю:

1) что мне были сообщены условия, выработанные Платтенем и германским посольством;

2) что подчиняюсь распорядку, установленному руководителем поездки Платтенем;

3) что я извещен о сообщении „Пти Паризьен” („Petit Parisien”), согласно которому русское Временное правительство грозит отнестись к лицам, приезжающим через Германию, как к государственным изменникам;

4) что всю политическую ответственность за эту поездку я принимаю исключительно на себя;

5) что Платтенем моя поездка гарантирована только до Стокгольма.

Берн — Цюрих, 9 апреля¹ 1917 г.

Ленин.

Ленина.

Георгий Сафаров.

Валентина Сафарова-

Мартошкина.

Григорий Усиевич.

Елена Кон.

Инесса Арманд.

Николай Бойцов.

Ф. Гребельская.

А. Константинович.

Е. Мирингоф.

М. Мирингоф.

А. Сковно.

Г. Зиновьев.

З. Радомысленская
(с сыном).

Д. Слюсарев.

Б. Ельчанинов.

Г. Брильянт.

М. Харитонов.

Д. Роземблюм.

А. Абрамович.

Шейнесон.

Миха Цхакая.

М. Гоберман.

А. Линде.

Айзенхуд.

Сулишвили.

Равич.

Погосская (с сыном).

¹ 27 марта ст. стиля.

**ДОКУМЕНТЫ И ЛИТЕРАТУРА, ИЗДАННЫЕ В СССР,
СВЯЗАННЫЕ С ВОЗВРАЩЕНИЕМ В. И. ЛЕНИНА В РОССИЮ
В АПРЕЛЕ 1917 ГОДА**

Документы

- В. И. Ленин.** Биографическая хроника. В 12-ти тт.: Т. 4. – М., 1973. – С. 6–7, 8, 20, 27, 29, 31–49.
- Ленинский сборник II.** – М., 1924. – С. 367, 376–394, 405–412.
- Ленин В. И.** Постановление заграничной коллегии ЦК РСДРП// Полн. собр. соч. – Т. 31. – С. 83–84; Ответы корреспонденту газеты „POLITIKEN“ 31 марта (13 апреля) 1917 г.// Там же. – Т. 31. – С. 95; Проезд русских революционеров через Германию. Коммюнике группы// Там же. – Т. 31 – С. 487–488;
- Список работ и документов, возможно принадлежащих В. И. Ленину**// Там же. – Т. 31. – С. 498; Примечание 51// Там же. – Т. 31. – С. 523–525.
- Ленин В. И. В. А. Карпинскому 19 марта**// Полн. собр. соч. – Т. 49. – С. 403–404; **И. Ф. Арманд**// Там же. – Т. 49. – С. 405–406; **И. Ф. Арманд 23 марта**// Там же. – Т. 49. – С. 409; **И. Ф. Арманд между 25 и 31 марта**// Там же. – Т. 49. – С. 414; **Я. С. Ганецкому. Ранее 30 марта**// Там же. – Т. 49. – С. 417–418; **Письма и телеграммы**// Там же. – Т. 49. – С. 424–435.

Воспоминания

- Багоцкий С. Ю.** Из Швейцарии в Россию// Ленин в Октябре. М., 1957. – С. 19–21.
- Ганецкий Я. С.** От февраля к Октябрю// Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. – Изд. 3-е. В 5-ти тт.: Т. 2. – М., 1984. – С. 371–379.
- Гильбо А. В. И. Ленин.** Описание его жизни. Изд. 3-е. – Л., 1926.
- Гоберман М. Л.** В Россию...// Летопись Великого Октября. – М., 1958. – С. 7–14.
- Гримлунд О.** На перевале// Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. – Изд. 3-е. – В 5-ти тт.: Т. 5. – М., 1985. – С. 93–96.
- Карпинский В. А.** Как это было решено// Ленин в Октябре. – М., 1957. – С. 22–26.
- Крупская Н. К.** Воспоминания о В. И. Ленине// Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. – Изд. 3-е. – В 5-ти тт. – Т. I. – М., 1984. – С. 433–441.
- Луначарский А. В.** Приезд В. И. Ленина// О Владимире Ильиче Ленине. – М., 1963. – С. 212–214.
- Мюценберг В.** Проезд Ленина через Германию в 1917 году// О Ленине.

- Воспоминания зарубежных современников. – М., 1966. – С. 155–157.
- Платтен Фриц. Ленин из эмиграции в Россию. Март 1917. – М., 1925.
- Равич О. Февральские дни 1917 года в Швейцарии//Каторга и ссылка. – М., 1927. – № 1 (30). – С. 181–186.
- Р-я Цицилия. Февральская революция и эмиграция//Каторга и ссылка. – М., 1927. – № 1 (30). – С. 187–196.
- Сулиашвили Д. Приезд Ленина в Петроград (Из воспоминаний)// Великому Октябрю. Сборник произведений писателей Грузии. – Тбилиси, 1957. – С. 620–639.
- Ульянова М. И. Из воспоминаний//Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. – Изд. 3-е. – В 5-ти тт.: Т. I. – М., 1984. – С. 158–161.
- Усиевич Е. Ф. Возвращение на Родину//Вечно живой. – М., 1965. – С. 48–61.
- Цхакая М. Г. Возвращение на Родину//Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. – В 3-х ч.: Ч. I. – М., 1956. – С. 491–493.
- Шкловский Щ. А. Владимир Ильич и Февральская революция//Пролетарская революция. – 1926. – № 1 (48). – С. 5–24.

Литература

- Евграфов В. Е. Приезд Ильича. – М., 1962.
- Лукашев А. В. Возвращение В. И. Ленина из эмиграции в Россию в апреле 1917 //История СССР. – 1963. – №5. – С. 3–22.
- Крутикова Н. И. На крутом повороте (К возвращению В. И. Ленина в Россию в апреле 1917 г.). – М., 1965.
- В. И. Ленин. Биография. – Изд. 8-е. – В 2-х тт.: Т. I. – М., 1987.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамович, Р.
 Аксельрод, П. Б.
 Александр II
 Алексинский, Г. А.
 Астров
 Багоцкий, С.
 Бадаев, А. Е.
 Балабанова, А.
 Байер
 Безработный, он же Мануиль-
 ский
 Бекендорф и фон Гинденбург II
 Берген, Д. фон
 Бетман-Гольвег, Д. фон
 Бетман-Гольвег, Т. фон
 Бисмарк, Б. фон
 Блюм, О.
 Бобров, он же Натансон
 Боргбьерг, Ф. Х. Е.
 Боткине, Ц.
 Брантинг, К.
 Браунштейн, он же Семковский-
 Бронштейн
 Брокдорф-Ранцау, У., граф
 Бронски, М.
 Брупбахер, Ф.
 Бурман
 Бьюкенен, Г.
 Вейс
 Вальц
 Варшавский, он же Бронский
 Вильгельм, кронпринц
 Вильгельм II
 Владимирский, М. Ф.
 Вольф
 Гаазе, Г.
 Гавронский
 Гарден, М.
 Гегель, Г. В. Ф.
 Гейслер, А.
 Гельфанд, А.
 Гертлинг, Г., граф фон
 Гильбо, Г.
 Говард оф Пенрич, Есме, лорд
 Горький, М.
 Гофман, А.
 Гофман, М.
 Григорьев
 Гримм, Р.
 Грюнау, В., барон фон
 Гутштейн, М.
 Гучков, А. И.
 Дан, Ф. И.
 Лейнхард
 Дейч, Л.
 Делькассе, Т.
 Дзграген, К.
 Дневницкий, П.
 Днепровский
 Долин, Д.
 Залевский, К.
 Зиновьев, Г.
 Идашкин, М.
 Катков, Г.
 Каутский, К.
 Кахели
 Кахен, Ф.
 Керенский, А. Ф.
 Кересселидзе
 Кескюля, Кескюля, А. Е.
 Кинкель
 Клейст-Борнштедт, Р. фон
 Клинковстроем, граф
 Козев
 Кон, Ф.
 Корнблом
 Коикатинева
 Кропоткин, П. А., князь
 Крупская, Н. К.
 Ланге, О.
 Лангверт фон Зиммерн, Е., ба-
 рон
 Ландау-Алданов, М. — А.
 Леви, П.
 Ледебур, Г.
 Ленин, В. И.

Лерснер, К., барон фон
Либкнехт, К.
Ллойд Джордж, Д.
Луначарский, А. В.
Львов, Г., князь
Людендорф, М.
Людендорф, Э.
Люксембург, Р.
Люциус фон Штёттен, Г., барон
фон
Мальтцан, барон фон
Мануильский, Д. З.
Маргуерре
Марк
Мартов, Л.
Мартынов, А. С.
Массарик, Т. Г.
Мельничанский
Меринг, Ф.
Милюков, П.
Муранов, М. К.
Мухин
Мюллер, А.
Мюнценберг, В.
Надольный, Р.
Наине, Ч.
Натансон, М. А.
Науман, В.
Николай, В.
Нобс, Э.
Ольгин
Ов-Вахендорф, В., барон фон
Палеолог, М.
Парвус-Гельфанд
Петровский, Г. И.
Планиц, А., фон дер
Платтен, Ф.
Плеханов, Г. В.
Полянский
Попов
Поурталес, Ф., граф фон
Радек, К.
Рейхсберг, Н.
Ревентлов, Э., граф
Ренте-Финк, С. фон
Рихтгофен, Г., барон фон
Розенцвейг, И.
Романенко

Романов, И. Р.
Ромберг, Г., барон фон
Рязанов, Д. Б.
Самойлов, Г.
Семашко, Н. А.
Семенов
Семковский-Бронштейн, С. Я.
Симсон, фон
Скавениус, Э. фон
Склярц, Г.
Скобелев, М. И.
Сокольников
Суханов, Н. Н.
Тройтлер, К. Г. фон
Троцкий, Л. Д.
Узов
Ульянов, он же Ленин
Умбрайт, П.
Фестер, Р.
Фигнер, В. Н.
Фогель, Г.
Фюрстенберг-Ганецкий, Я. С.
Хаениш, К.
Харлаков
Хеннет, Л., барон фон
Хюльзен, Д.
Цвейг, Ст.
Цграген
Циммерман, А.
Цорн
Чернин фон Худениц, О., граф
Чернов, В. М.
Черчилль, У. С.
Чудновский
Чхеидзе, Н. С.
Шагов, Н. Р.
Шейдеман, Ф.
Шкловский, Г. Л.
Штейнвакс
Штумм, В. фон
Шуберт, К. фон
Шультхесс, Э.
Шюлер
Эберт, Ф.
Эрнст, Н. фон
Эрибергер, М.
Ягов, Г.
Янсон, В.

СОДЕРЖАНИЕ

„Дело нами ведется совершенно открыто”	5
Введение	21
Документы	54
Приложение	185
Документы и литература, изданные в СССР, связанные с возвращением В. И. Ленина в Россию в апреле 1917 года	242
Указатель имен	244

мемуары

ВЕРНЕР ХАЛЬВЕГ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЛЕНИНА В РОССИЮ В 1917 ГОДУ

Оформление художника *К. К. Федорова*

Художественный редактор *С. С. Водчиц*

Гравюра *П. Н. Староносова*

Технический редактор *Е. Б. Николаева*

Корректор *Л. Ф. Крылова*

ИБ № 1603

Сдано в набор 15.02.90. Подписано в печать 15.06.90. Формат 84 × 108¹/₃₂.
Бумага типографская № 2. Гарнитура „Пресс-Роман”. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 13,02. Усл. кр.-отт. 13,24. Уч.-изд. л. 14,73. Тираж 16000 экз.
Заказ № 175. Цена 1 руб. Изд. № 21–ю/89

Издательство „Международные отношения”
107078, Москва, Садовая-Спаская, 20

Московская типография № 8
Государственного комитета СССР по печати,
101898, Москва, Хохловский пер., 7

Хальвег В.

X17 Возвращение Ленина в Россию в 1917 году: Пер. с нем. — М.: Междунар. отношения, 1990. — 248 с.

ISBN 5-7133-0286-5

В книге впервые собраны документы МИД кайзеровской Германии, хранившиеся в лондонском „Форин оффисе“ и других западных архивах. В работе убедительно разоблачаются клеветнические обвинения против Ленина и его соратников в том, что они вернулись в Россию как некие германские „шпионы“.

В нынешних условиях обостренного внимания советской общественности к истории Октябрьской революции книга представляет интерес не только для историков, но и для широкого круга читателей.

X $\frac{0503020400 - 039}{003(01) - 90}$ КБ-39-4-1989

ББК 63.3(2)524

Петерские массы, рабочие, солдаты, матросы встречали своего вождя. Как узнали они об этом? Не знаю. Кругом народное море, стихия.

Тот, кто не пережил революции, не представляет себе ее величественной, торжественной красоты.

Красные знамена, почетный караул из кронштадтских моряков, рефлекторы Петропавловской крепости, освещающие путь от Финляндского вокзала к дому Кшесинской, броневики, цепь из рабочих и работниц, охраняющая путь. Ильича ставят на броневик. Он что-то говорит. А кругом те, кто ближе ему всех на свете, народные массы.

Н. КРУПСКАЯ

